

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории

Шеф-редактор — **Рафаэль Хакимов**

Редактор — **Евгений Казаков**

Редакционная коллегия:

Леонид Арсланов

(Елабужский педагогический институт, Россия)

Иван Васильев

(Министр экономики Республики Марий Эл, Россия)

Римма Голдина

(Удмуртский государственный университет, Россия)

Поль Грандволь

(Межуниверситетский центр венгерских исследований, Франция)

Маргарита Иванова

(Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН)

Христиан Карпелан

(Хельсинкский государственный университет, Финляндия)

Сергей Кузьминых

(Институт археологии РАН)

Аин Мязсалу

(Тартуский университет, г.Тарту, Эстония)

Николай Мокшин

(НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовии)

Татьяна Никитина

(Марийский научно-исследовательский институт языка,

литературы и истории им.В.Н.Васильева)

Томас Нунен

(Миннесотский университет, США)

Элеонора Савельева

(Институт языка, литературы и истории Коми филиала РАН)

Ксенофонт Сануков

(Марийский государственный университет, Россия)

Петр Старостин

(Институт истории АН РТ)

Иштван Фодор

(Венгерский национальный музей, Венгрия)

✉ Адрес: 420095, г. Казань, ул. Кремлевская, 9.

Институт истории АНТ. Редакция ж. "ПАНОРАМА-ФОРУМ".

☎ Телефон/факс: (8432) 92-92-64; 38-43-45. 📧 E-mail: history@vega.kcn.ru

Дизайн обложки — Миляуши Хасановой. Оригинал-макет — Лии Зигангареевой.

"Finno-Urgica" издается в качестве приложения к журналу "ПАНОРАМА-ФОРУМ",

зарегистрированному Министерством информации и печати Республики Татарстан (№440).

Отпечатано в типографии

Заказ № Тираж 500 экз. Объем 6 п.л. Цена свободная.

Мнения авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редакции.

От редакции	3
Иштван Зимони	
Венгры в Волжско - Камском бассейне?	5
Александр Комар	
Горизонт Столбище - Старокорсунская и некоторые пробле- мы возникновения салтовской культуры	42
Александр Шенников	
О чувалах в жилых постройках народов Среднего Поволжья	67
Критика и библиография	
Томас Нунен, Роман Ковалев	
Два новых журнала в Казани. Татарская археология. Finno-Ugrica.	79
Валерий Юрченков	
Письмо в редакцию	83
Хроника	
Научно–практический семинар «Древняя Алабуга: возникновение и развитие»	86
Девятый международный конгресс финноугроведов (г.Тарту, Эстония)	88
Научные совещания и конференции 2000 года в Урало - Поволжье	89
Защита диссертаций по археологии	90
Маргарита Иванова, Надежда Шутова	
Памяти Владимира Алексеевича Семенова	91
Список сокращений, используемых в журнале	95
Сведения об авторах	95

От редакции

Очередной номер данного журнала включает статьи, связанные с археологическими, письменными и этнографическими материалами по истории тюркоязычных и угорязычных народов. В работе И. Зимони подводятся итоги многолетних исследований по вопросам восточноевропейских и азиатских истоков венгерского народа. Труд в целом подготовлен в рамках классических европейских историографических разработок по данной проблематике, основа которых была заложена еще два столетия назад. Упор при этом делался на анализ письменных источников (восточные, западноевропейские и др.) и их интерпретацию различными исследователями. Важное значение придавалось языковедческим материалам. При подготовке статьи И. Зимони в преобладающей мере использовал хорошо известные ему труды венгерских авторов (З. Гомбоца, Л. Лигети, И. Фодора, И. Вазари, А. Рона-Таша и др.).

Структурно работа разбита на разделы (о ранних концепциях венгерской «прародины», проблеме югры, путешествии Юлиана, башкиро-венгерских связях, взаимоотношении волжских болгар и венгров), которые, несомненно, будут с интересом восприняты читателем. К сожалению, автор явно недооценивает археологические материалы. Он прямо говорит, что «гентильное» самосознание народа «можно реконструировать лишь на основе письменных источников и показаний устных традиций». Однако, основные материалы по средневековой истории угров Урало-Поволжья в последнее полу столетие дали археологические исследования (работы ученых Татарстана, Башкортостана, гг. Екатеринбург, Перми, Ижевска).

В заключение утверждается, что древневенгерский язык возник «в Волжско-Камском бассейне», хотя археологические материалы свидетельствуют, что мадьяры являлись типичными кочевыми уграми степи, до середины VI в. н.э. проживавшими, преимущественно, к востоку от Урала. Родственные же им угры леса и лесостепи, представленные памятниками постпетроромской и чиликской культур, продолжали проживать в Урало-Прикамье до XIV в. н.э.

В целом статья И. Зимони, как взгляд современного европейского исследователя на проблему истоков древних венгров, заслуживает высокой оценки.

В работе А. В. Комар предлагается освещение процесса постепенного перерастания культуры кочевого населения юго-восточной Европы рубежа VII-VIII вв. (автор связывает ее с хазарами и относит к перещепинской культуре, что не является достаточно доказанным) в салтовскую культуру. Подробно рассмотрены материалы, пока еще малоизученных памятников степной части данного региона, Предкавказья, Крыма. Хронологические построения автора базируются, преимущественно, на материале металлических деталей ременных наборов. Учет их специфики в форме, орнаментации позволил прийти к локализации комплексов в достаточно узких хронологических пределах, что подтверждает и нумизматический материал. Многие из таких изделий находят аналогии в Урало-Прикамье (неволинская, ломоватовская культуры).

Данный труд вносит вклад и в решение проблемы связи погребальных памятников региона с определенными этносами: алан (катакомбы), хазар (памятники с подкурганными ровинками), тюркютов (захоронения с трупосожжениями), болгар (погребения в простых могильных ямах). Появление культурных новаций на новых территориях автор склонен связывать и с военно-политическими событиями. Так вслед за С.А.Плетневой он датирует появление салтовской культуры в Подонечье 40-ми годами VIII вв., что отражало переселение сюда из Предкавказья болгарского и аланского населения в результате неудачной для Хазарского каганата войны 737 г. с арабами. Возможно с подобными событиями было связано и, находящаяся пока в процессе решения, проблема появления болгар на Волге.

Для специалистов несомненный интерес представляет статья А.А. Шенникова, посвященная описанию «глиняного камина» - чувала в жилых постройках населения Урало-Поволжья и Сибири. Автор на основе этнографических данных освещает конструкцию, функцию, распространение этих древних и жизненно важных сооружений у манси, башкир, пермских татар и других народов. Статья подготовлена на основе скрупулезно подобранных фактов и строгой научной интерпретации их. Соответственно и выводы, в том числе и значимо новые (например, о западной границе локализации чувалов не в Прикамье, а «где-то в Нижегородской области»), в работе достаточно осторожны.

Иштван Зимони

Венгры в Волжско - Камском бассейне?

«Прародина» венгров в бассейне рек Волги и Камы - как в среде общественного мнения, так и в профессионально-научных кругах - является общепринятым основополагающим тезисом венгерской древней истории. Наряду с названием «прародины» в бассейне рек Волги и Камы в специальной литературе употребляются также термины уральская «прародина», башкирская «прародина» и *Magna Hungaria*. Сначала необходимо было решить вопрос относительно различных терминов, раскрывая при этом круг значения и условия их возникновения. После этого мы обосновали употребление использованного нами термина, как это видно из заглавия нашей статьи.

Под словом «прародина», как правило, обычно понимают наиболее древнее известное место поселения какого-либо народа. Однако же, на основе дальнейших исследований этногенезис расчленяется на различные эпохи. В случае венгров необходимо разделять период формирования венгров, обретших родину (V—IX вв.) и предшествующий ему «превенгерский» период. После выяснения принципиальных рамок среди вопросов древней венгерской истории выделяются темы, связанные с территорией между Волгой и Камой. Среди них отмечаются первые концепции наиболее ранней венгерской «прародины», основывающиеся на результатах финно-угристики, истории венгерского языка и археологии. Данные концепции относятся к раннему периоду этногенезиса и поэтому, само собой разумеется, он и опирается на эти две области. Здесь, в первую очередь, следовало поставить акцент на то, насколько могут быть оценены с точки зрения этногенезиса методы, использованные в истории языкознания и археологии, иными словами, может ли означать реконструированный язык и археологическая культура в этносоциологическом отношении более или менее многочисленную народную формацию в эту эпоху? Другие относящиеся сюда темы связаны со вторым периодом этногенезиса, здесь мы уже располагаем и письменными источниками. Среди нижеуказанных четырех тем первые две - вопрос Юргии и путешествие Юлиана, а также проблема венгерских обломков, найденных им, - коренится в венгерских исторических традициях, в то время, как круг вопросов, касающихся башкиро-венгерских связей (башкиро-венгерская идентификация у ранних магомётанских авторов, ее интерпретации монгольского периода в латинской и персидской литературе; башкиро-венгерское согласование названий племен) и отношения волжских болгар и венгров покоятся на достижениях чисто научных исследований. В ходе обзора указанного круга тем, учитывая результаты исследований мы поставили целью - дать критическую оценку этим результатам, то есть, разграничить факты и предположения, произвести суждения относительно некоторых гипотез. Само собой понятно, невозможно было подробно заниматься в случае отдельных тем; дело, ведь, в том, что каждая тема потребовала бы самостоятельную монографическую разработку. Из всего этого следует, что проблема венгров в Волжско-Камс-

ком бассейне является теоретической конструкцией, состоящей из многочисленных элементов, а достоверность ее обеспечивается надежностью этих составляющих элементов. В центре данной работы стоит исследование именно надежности указанных элементов.

Прежде чем сделать предметом исследования наш конкретный сущностный круг тем, требуется объяснить сам термин «прародина» в Волжско-Камском бассейне. Мы сознательно избегали таких традиционных выражений, как уральская «прародина», башкирская «прародина», а также *Magna Hungaria*, поскольку к ним «прилагаются» различные теории и представления, и таким образом имманентно они несут в себе какое-либо оценочное суждение.

Выражение уральская «прародина» - в смысле первой самостоятельной области поселения венгров - впервые использует в 1943 г. Ligeti. На этой территории венгры провели полтора тысячелетия (1000 г. до р.Хр. - 500 г. до р.Хр.). По его мнению, место жительства наших предков сначала находилось к западу от Южного Урала, а позднее - к востоку от него¹. Отсюда, якобы, двинулись наши предки к переднему краю Кавказа. С недавнего времени финно-угорские языковеды термин уральская «прародина» используют в совершенно ином смысле: дело в том, что общий предок финно-угорского и самоедского языков им был реконструирован как уральский язык-основа, а место жительства народов, говоривших на этих языках, называют уральской «прародиной»². Таким образом, в силу двусмысленности этого термина он может ввести в заблуждение; дело в том, что как в случае древне-венгерского языка, так и в случае уральского языка-основы речь идет о тогдашней территории поселения носителей единицы, заключенной в историко-языковом отношении. Эта территория в географическом плане совпадает, во всяком случае, они близки друг к другу, и обе они получили свое название от Уральских гор. Терминологический хаос усугубляется еще и тем, что венгерский язык происходит от уральского языка-основы. Между прочим, значительно модифицировалась и концепция относительно уральской «прародины» венгров, использованная Ligeti в 1943 году, поскольку между территорией поселения в районе Урала и местом жительства окрестностей Кавказа «включили» новую «прародину» венгров, которую, как правило, называют *Magna Hungaria* или башкирской «прародиной»³.

Название башкирская «прародина» следует обойти вниманием, так как заведомо предполагает факт башкиро-венгерской идентификации, но, по крайней мере, намекает на этот факт, хотя это - как мы это ниже увидим - очень спорный вопрос. Против этого названия говорит еще и то, что оно указывает на территории современного Башкортостана есть в географическом отношении - чрезвычайно узкая область.

И, наконец, выражение «*Magna Hungaria*» однозначно является термином ученого происхождения XIII в., который указывает на землю венгров, найденных на востоке. А отсюда только лишь один шаг к предположению, что эта территория была венгерской «прародиной»⁴.

На основе всего этого более удачным кажется термин «Волжско-Камский бассейн», так как к этому названию не присовокупляется такая второстепенная конструкция мышления, которая уже в самом названии намекала бы на какую-либо концепцию. В то же время в географическом смысле с точки зрения венгерской древней истории под названием Волжско-Камский бассейн мы понимаем более широкую территорию, которая с запада ограничена средним течением Волги, а к востоку простирается до Западной Сибири. По растительному покрову область относится к зоне лесов и лесостепей.⁵

В работах, занимающихся вопросами древней венгерской истории, различны аспекты периодизации, однако, она, в основном, строится на результаты истории языкознания. Эпоху уральского языка-основы датируют VI—IV тысячелетиями до р.Хр., затем же после исчезновения уральского языка-основы возник финно-угорский и самоедский язык-основа (IV—III тысячелетия). Из финно-угорского языкового единства во II-ом тысячелетии до р.Хр. отделился угорский язык-основа, и, наконец, из него в первой половине I-ого тысячелетия до р.Хр. происходит древневенгерский язык⁶. Историю древневенгерского языка, основываясь на исследованиях заимствованных слов, Ligeti разделил на три периода: I. ранний период (500 г. до р.Хр. - ок. р.Хр.); 2. средний период (р.Хр. - 500 г. после р.Хр) и 3. поздний период (V—X вв.)⁷. Археологическая периодизация в отношении Восточной Европы также показывает тройное расчленение: неолит (IV-ое тысячелетие до р.Хр); бронзовый век (II-ое тысячелетие до р.Хр); железный век (VIII в. до р.Хр). Временные рамки археологической культуры железного века на территории Волги и Камы также охватывают три эпохи: ананьинская культура (VIII в. до р.Хр. - III в. до р.Хр), пьяноборская, гляденовская культура (III в. до р.Хр - III в. после р.Хр.); бахмутиновская, ломоватовская, именинковская культура (III—VIII вв.)⁸. Общественно-исторической периодизацией экспериментировал Bartha; в своих работах он предполагал родовой период (III-е тысячелетие до р.Хр), племенной период (500 г. до р.Хр) и период племенного союза (600-1000 гг. после р.Хр)⁹.

Вслед за этнегенетической деятельностью Szücs-а вопрос периодизации получил иное освещение. Дело в том, что в отношении венгров можно реконструировать «гентильное», или, иными словами, варварское этническое сознание, которое можно сопоставить параллельно с этническим сознанием германских народных формаций эпохи переселения народов. (принимая во внимание соответствующие ограничения). Характерные особенности этого варварского этнического сознания Szücs Jenő подытожил следующим образом: «Свергнувшие Рим и следовавшие за ним германские народные формация (gentes) в действительности не были какими-то кровавыми общностями или органическими образованиями, а исконно - в ходе народопереселения (III—IV вв.) - были искусственно интегрированными политическими узлами из различных племенных и народных «частей». Однако, продолжительность нового господствующего образования («Heerkönigtum»), как правило, приводила к интеграции различных этнических традиций и формированию веры в органическое возникновение

народа, как это можно наблюдать в случае народов, сыгравших значительную историческую роль (восточные и западные готы, франкийцы, алеманы, бургунды, лангобарды и т.д.). В том случае, если политические и этнические рамки, более или менее покрывающие друг друга, охватывают специфическую феодально-варварскую социальную структуру (в которой несмотря на сильную монархическую власть и социальную расчлененность вооруженный свободный элемент имел значительный вес), - этническое сознание, основывающееся на происхождении и традиционной общности народа (theudo-gens), в сущности, совпало с лояльностью к политическому господству и с общественным самосознанием принадлежности к правовой общности вольных (к народному праву) - мы имеем право говорить о «гентильной» структуре и самосознании. Хотя преобладающие «идеологические» элементы этого сокровища сознания первоначально не означали язык или культуру в целом, но расчленились по более широким языковым и культурным взаимосвязям - унитарная традиция происхождения (которая изначально исторические элементы сознания расплавил в варварский кровный миф, заменяющий абстракция) «общества» и вознесла эти элементы в сакральную сферу), общее право (которое раз и навсегда означало «этническую» связывающую силу), как правило, «обычаи» (этнически нормативная традиция), верования (независимо от того, были ли их элементы исконно этническими спецификами) - в рамках характерного «этно-центрического» подхода сплотились в органическое целое. Хотя касательно характера интенсивности функции этого содержания сознания на различных социальных уровнях даже внутри одной и той же группы народа можно учесть многочисленные варианты, они, несомненно, являются вариантами одной и той же единой системы модели, которая постольку может считаться «политической» формой сознания, поскольку представления, исходящие из этнического сознания, в большей или меньшей степени определяют лояльность, политическое и общественное самосознание людей, относящихся к данной группе¹⁰.

«Гентилизм» венгров, обретших родину, отражается в легенде о происхождении «Hunor-Nagör», подтверждающей веру в общность происхождения, в выражении Genus Hungarorum, отмеченном около 1100 года, которое - в отличие от феодального подхода - определяется на основе языка, истоков и происхождения, и в идейном мире языческих восстаний XI века, где еще только вырисовывается живая традиция языческих верований и варварской правовой системы. Формирование венгерского варварского этнического сознания относится к VI-IX вв., «тюркские» политические рамки которого укрепились в период хазарской империи (VII—IX вв.)¹¹

Начало формирования венгров, обретших родину, можно связать с фактом переселения тюркских народов в Европу. Первые народы, очевидно, говоривших на тюркских языках (оногуры, огуры, сарагуры), прибыли на передний край Кавказа около 463 года. Обычно, эту дату считают поворотным пунктом в формировании венгров, обретших родину. В то же время нельзя исключить того, что процесс формирования народа мог начаться вследствие переселения гун-

нов на запад в 370-ые годы. Но вполне может быть представлена и такая картина, в соответствии с которой решающий толчок дало переселение сабир ок. 503 года, авар и вслед за ними тюрков в 550-ые годы, иди же консолидация хазарской империи, последовавшая в первой половине VII века. Географические рамки формирования венгров, обретших родину, во всяком случае мы можем поместить на тогдашнюю территорию хазарской империи, то есть это - зона восточноевропейской степи и лесостепи. Более точная локализация возможна лишь с IX века. В этот период письменные источники упоминают венгров на северном побережье Черного моря.

Последний период древней венгерской истории с этно-генетической точки зрения является эпохой формирования венгерского народа, обретшего родину, и формирования его «гентильного» сознания. Период, предшествующий данному, Ligeti характеризовал так: «древнюю венгерскую историю можно исследовать лишь в обратном направлении после р.Хр. до V века. Свыше этого мы не можем ни шагу ступить, перед нашими глазами исчезнут все следы, ориентирующие нас. Для наших дальнейших исследований мы должны искать другого «проводника», и это — наш язык. Мы вовсе не намерены ошибочно полагать, считая, что языковое происхождение непременно должно быть тождественно этническому происхождению»¹² Szűcs о рассматриваемом периоде пишет следующее: «Но вопреки этому, на вопрос: какая группа скрывается за историко-лингвистической категорией «раннее венгерство», в этно-социологическом смысле, - ничего определенного, обнадеживающего сказать нельзя»¹³.

Если формирование этнического сознания германских народных формаций в период переселения народов - в качестве удобной аналогии - использовать для реконструкции «гентилизма» венгров, обретших родину, - то результаты этносоциологических исследований германских племен, предшествующих периоду переселения народов, теперь заслуживают большего внимания. Дело в том, что между двумя эпохами с этногенетической точки зрения существует основополагающая разница¹⁴. Для более позднего периода характерно, что заключения, сделанные из исследования германских племен, которые провели Цезарь и Тацит, можно сопоставить с этно-социологическим материалом (эпохи средневековья или нового времени) народов, живущих в северных районах степей и лесостепей. Что касается нашей, более узкой темы, можно установить, что в периодизации венгерской древней истории наиболее резкую границу мы можем подвести к эпохе около 7 века. Поэтому следует обращать особое внимание на все факты и предположения, которые относятся к периоду до V века. С этно-социологической точки зрения здесь речь идет о двух различных периодах.

1. Наиболее ранние концепции венгерской «прародины»

Венгерский язык относится к финно-угорским языкам. С недавнего времени вместо термина «финно-угорские языки» - учитывая родство финно-угорских и самоедских языков - распространилось выражение «уральские языки»¹⁵ Уральс-

кими языками мы называем те языки, которые в процессе своего формирования - через различные языки-основы - в конечном счете, происходят из реконструированного уральского языка-основы. В случае венгерского языка, - отправляясь в обратном направлении, - мы можем говорить об угорском, финно-угорском и уральском языках-основе. В ходе историко-лингвистических исследований, сначала выяснили, какие степени родства существовали между отдельными уральскими языками. После этого была принята попытка установить временные рамки отдельных языков-основы. Среди историко-лингвистических исследований может дать хорошую информацию¹⁶ исследование заимствованных слов, попавших в различные языки-основы, и древние языки, установление относительной хронологии заимствований, а также глоттохронология, которая на основе изменений совпадающего словарного запаса (лексики) родственных языков пытается дать ответ на вопрос: когда отделились друг от друга некоторые языковые группы и языки?¹⁷

Для определения географического расположения групп, говоривших на уральском языке-основе, можно использовать метод лингвистической палеонтологии. Сущность этого метода Hajdú характеризовал так: «Если из имеющей общее происхождение лексикологии родственных языков мы выберем совпадающие названия животных и растений и реконструируем их исконные значения, то мы можем сформировать себе картину о том, какой животный и растительный мир окружал наших предков на месте их селений. После этого на карте, изображающей распространение животных и растений, нужно найти ту территорию, где находятся все животные и растения, которые были известны нашим предкам. Территорию, очерченную таким образом, мы можем считать наиболее древним местом жительства нашей языковой семьи»¹⁸ Hajdú реконструировал формы уральского языка-основы слов: ель, кедровая сосна, пихта, лиственница, вяз и, исследуя распространение пяти пород деревьев, пришел к заключению о том, что местом жительства общностей, говоривших на уральском языке, в VI-I-ом тысячелетиях до р.Хр. могли быть территории Среднего Урала и от него - к северу, вдоль нижнего и среднего течения реки Обь¹⁹.

Благодаря историческому языкознанию - путем сопоставления лексикологии родственных языков - мы можем собрать данные относительно образа жизни групп, говоривших на языке-основе. На основе этого уральский и финно-угорский периоды характеризуются охотничье-рыболовским образом жизни; для угорского периода, в свою очередь, можно найти лексику, указывающую на коневодческую культуру²⁰.

Достижения историко-лингвистических исследований мы можем подытожить следующим образом: в VI—IV-ом тысячелетиях до р.Хр. группы, говорившие на уральском языке-основе, очевидно, жили на территории Среднего Урала, у истоков Оби и Печоры. После отделения самоедских языков финно-угорский период, по всей вероятности, продолжается до конца III-его тысячелетия до р.Хр. - когда возникла угорская и финно-пермская языковая ветвь. Угорский период закончился где-то в первой половине I-ого тысячелетия до р.Хр., и

после этого сформировался древневенгерский язык. На основе географического расположения современных народов, говорящих на уральских языках, и установления их степени родства, - можно предположить, что среди общностей, говоривших на финно-угорском языке-основе, на более восточных территориях, очевидно, жили позже угоро-язычные группы, в то время, как носителя финно-пермского языка-основы медленно тянулись в западном направлении. Терминология содержания лошадей угорского периода, - которая сохранилась и в современных обско-угорских языках, - говорит о том, что стоянки угоро-язычных групп, вероятно, находились на Южном Урале и к востоку от него. Следовательно, после распада угоро-язычного единства на этой территории мы можем предполагать существование общностей, говоривших на древневенгерском языке.

Основы подхода к археологическим исследованиям в отношении древней венгерской истории в двух аспектах заложил Gyula László. Первый методологический принцип заключается в нахождении достоверно венгерских ископаемых периода обретения родины, когда это раскрытие по времени происходит в обратном направлении. Второй принцип строится на сопоставлении ранних мест стоянок, заключенных на основе сведений по истории языкознания и археологического материала, а также - на идентификации отдельных археологических культур и групп, говоривших на языке-основе. Таким образом, исследователь предпринял попытку продемонстрировать характерные особенности образа жизни и культуры с помощью археологического арсенала²¹.

Археологические исследования установили, что между ископаемыми, найденными на побережье Черного моря, и материалом ископаемых обретших родину венгров, можно найти сравнительно малую параллель, хотя по сведениям письменных источников, в IX веке венгры жили на данной территории. Ближе всего к наследию обретших родину венгров стоит кладбище возле деревни Большие Тиганы, находящейся у нижнего течения Камы к востоку от Карпатского бассейна. По мнению некоторых археологов, сходство достигает такой степени, что в этом случае можно говорить о родстве народов. Кладбище, по мнению археологов, проводивших раскопки, может быть датировано концом VIII - началом IX века, то есть исследователи предполагали, что в начале IX века венгры, обретшие родину, переселились отсюда, с территории среднего течения Волги на передний край Кавказа²². Fodor эту гипотезу отверг, ссылаясь на археологические и исторические причины; он полагал, что «предки общности Больших Тиганов не пришли в Карпатский бассейн во время завоевания родины Арпадом,... в них, очевидно, мы видим одну из важных общностей, оставшихся на востоке групп народов»²³.

Венгерский характер кладбища поблизости деревни Большие Тиганы подтверждает тот факт, что Юлиан в начале XIII века нашел венгров, в основном, на этой территории. Если захороненные на кладбище возле этой деревни действительно венгры, то возникает вопрос: откуда и когда прибыли туда остатки венгров?

На этот вопрос, в общем смысле, родилось два ответа. Согласно первой точке зрения, которую вслед за Халиковой подтверждают археологическими аргументами, наиболее близкие параллели раскопок в Больших Тиганах наблюдаются в кушнаренковской культуре, распространенной на территории современной Башкирии. Это, следовательно, указывает на то, что наши предки жили на территории между Южным Уралом и дельтой реки Камы. Кушнаренковская культура сформировалась в V-VI веках, ее истоки находятся в Западной Сибири. В соответствии с этим венгры, возможно, в V-VI веках переселились с Урала в район к западу от него. Таким образом, кладбище, находящееся возле Больших Тиганов, является наследием осевших на том месте венгров, живших к западу от Урала, или же - остатки венгров, переселившихся с ближних мест жительства.²⁴

Вторую точку зрения, подтвержденную лингвистическими аргументами, представлял Ligeti. По его мнению, венгры Юлиана с Поволжья в XIII веке не могут быть диаспорой «прародины», а в ходе событий, последовавших за нападениями печенегов в IX веке, это обломки (остатки), отколовшиеся от венгров в северном направлении. Дело в том, что Юлиан мог понять язык венгерской общности Поволжья только таким образом, если она выделилась из массы венгров не за многие столетия до обретения ими родины, а только лишь в IX веке. Это предположение он подтверждает далее тем, что «башкирские венгерские названия племен - Gyarmat и Jenő свидетельствуют о довольно позднем своем происхождении. В этом отношении однозначно показание названия Jenő, которое указывает на новейший слой венгерских слов и имен чувашского типа, происходящих из диалекта-с. Но в этом же смысле свидетельствует и название племени Gyarmat, которое связывают узы семи племен, завоевавших родину, а не башкирская земля: название Kürt-Gyarmat, а точнее, соединение племени Gyarmat с Kürt-ом, явным образом, объясняется резким упадком численности племени Gyarmat, что могло произойти отделением башкирской части Gyarmat. Двойное название племени отражает временное состояние, указывает на событие, сохранившее еще свежую память»²⁵.

Возвращаясь к археологическому методу поисков в обратном направлении, в случае венгров, обретших родину, имеет место парадоксальное положение: письменные источники упоминают венгров в IX веке на побережье Черного моря, но в то же время на основе археологических данных они там не могут быть идентифицированы. Археологи связали с венграми только кладбище в Больших Тиганах, которое является их ровесником.

Этот археологический метод способствовал большой достоверности при определении ранних мест жительства обских угров, пермских народов и волжских финно-угров, так как средневековые кладбища этих групп народов на основе их археологического материала можно свести в обратном направлении вплоть до самой ранней эпохи²⁶.

Второй метод, исходя из лингвистической палеонтологии и различных степеней языкового родства, согласует место жительства групп, говоривших на языке-основе с археологическими культурами. Территорию группы с уральс-

ким языком-основой в IV-ом тысячелетии до р.Хр. определяют на восточную сторону Уральских гор. Это в археологическом отношении может идентифицироваться с уральской неолитской культурой. В III-ем тысячелетии до р.Хр. многие финно-угорские языковые группы могли появиться к западу от Урала, в долине реки Камы²⁷. Археологическое наследие групп, находившихся к западу от Урала, прослеживается хорошо: распространяясь на запад, эти группы заняли район Верхнего Поволжья и Оки. Самую западную ветвь финно-угорских языковых групп (Верхнее Поволжье) отождествляют с группами, говорившими на волжском финском языке-основе, а носителей археологических культур, сформировавшихся на территории между Волгой и Камой, отождествляют с группами, говоривших на пермском языке²⁸. Группы, употреблявшие угорский язык-основу во II—1-ом тысячелетиях до р.Хр., следует иметь в виду на территории к востоку от Урала, на северной части андроновской культуры бронзового века.²⁹ Вследствие климатических изменений, происшедших в эпоху бронзового века и формирования кочевого образа жизни, отношения между группами, говорившими на угорском языке, ослабились (1500—500 гг. до р.Хр.). В так называемый период археологической культуры Полужской дельты (500 г. до р.Хр. - 200 г. после р.Хр.) - ретроспективным методом удалось группы, двинувшиеся в северном направлении, идентифицировать с предками обских угров, в то время, как в угоро-язычных группах, оставшихся на юге, предполагают общности, говоривших на древневенгерском языке. Языковое отделение последних произошло в период между 1000 г. до р.Хр и 500 г. до р.Хр.³⁰ Многие археологи западно-сибирскую саргатскую культуру связывают с древними венграми³¹. Связи западно-сибирских и южно-уральских археологических культур с археологическими культурами территории между Средним Поволжьем и Уралом указывают на то, что западно-сибирские группы, совершив переход через Уральские горы, очевидно, приняли участие в формировании новых культур (между III в. до р.Хр. и V в. после р.Хр.)³². В этой точке соприкасаются ретроспективный метод и метод, выводимый из археологических культур групп, говоривших на языке-основе, реконструируемых эпохой неолита. Несмотря на это вероятность выводимых гипотез ограничена.

Чувствительные пункты исследования венгерского этно-генезиса можно ощущать уже внутри круга компетенции отдельных специальных наук. Среди исследователей истории языка идет спор о том, является ли реконструированный язык-основа действительно языком, или это система символов, используемая в науке. Не высказывая свою точку зрения по этому вопросу, укажем лишь на то, что реконструированный язык-основа - это такая модель, которую хотя и следует приближать к настоящей языковой системе, но в методологическом отношении обе их нельзя идентифицировать³³.

Дальнейшие серьезные проблемы возникают вследствие смешения терминологии разных областей наук. Пожалуй, самая наглядная проблема, когда какое-нибудь лингвистическое понятие встает на место этнической терминологии. По мнению Mühlmann, лингвисты являются причиной тому, что они гово-

рят об индо германских «народах», а не о языках. Иными словами, то, что мы называем языковыми общностями, это ни в коем случае не общность, понимаемая в социологическом смысле, а это общность, говорящая на одном определенном языке, то есть совокупность статистического состояния. Это, разумеется, действительно не только для таких всеобъемлющих понятий, как например, индогерманцы, но для таких подкатегорий, как германцы, кельты, славяне и т.д. «Мы должны добиться того, чтобы исключить из древне-исторических исследований понятие «народа». Терминология важна, поскольку неверная терминология невольно ведет и к неверным мыслям. Смешение и размывание языковой и этнической классификации с научной точки зрения - точно такая же невероятность, как в свое время был обман с языковой и антропологической терминологией»³⁴.

В отношении между археологией и этногенетическими исследованиями необходимо точно определить роль археологической культуры. По мнению Daima, народные формации, возникшие в поздний античный и ранне-феодальный периоды, в первую очередь, характеризовались «сознанием-мы» и верой в общее свое происхождение, но в то же время другие критерии (эндогамия, правовая общность, общежитие, религиозная или культовая общность, гомогенная материальная культура) являются довольно неопределенными. Один критерий сам по себе не может быть использован при отождествлении какой-либо народной формации. Таким образом, культуры, выдвинутые на основе археологических критериев, также не пригодны для этого. «Гентильное» сознание народной формации, которое выражается в вере общего происхождения, можно реконструировать лишь на основе письменных источников и показаний устных традиций. Если это уже удалось, тогда для характеристики данной народной формации можно использовать археологический материал. «Все нематериальные культурные приметы (язык, вера, обычаи, общее происхождение) для археолога останутся скрытыми. И всё же, если ту археологическую культуру основывающуюся на многочисленных критериях, в отношении образа жизни (поселение, одежда, товарное производство, торговля, погребальные обычаи) можно отличить от соседних культур, и письменные источники - хотя бы даже и косвенным образом - делают вероятным «гентильное» сознание, представляется возможным данную культуру интерпретировать как наследие одного определенного этнического единства»³⁵.

Многочисленные черты археологического наследия венгров, обретших родину, резко выявляют неопределенность (несостоятельность) этнической идентификации, несмотря на то, что на помощь могут прийти письменные источники. В первой половине XX века ископаемым материалом обретших родину венгров считали лишь захоронения с лошадьми, с богатыми надгробными памятниками, а народ, захороненный на многочисленных бедных кладбищах, принимали за славян. Благодаря исследованиям Szóke ныне уже считается общепринятой точка зрения, по которой богатые находки являются памятью высшего и

среднего слоя венгерского населения, а в бедные могилы захоранивали венгров - представителей простонародья³⁶

Было предпринято много попыток для отделения ископаемого материала, связанного с кабарам³⁷. По мнению Mesterházy, кладбища простонародья социально расчленены и в этом случае можно выявить высший и средний слои, но в то же время на кладбищах, где захоронены представители указанных слоев, можно найти и бедные могилы. Различное географическое расположение обеих групп (простонародье - Южный Задунайский край; средний слой - район Верхней Тиссы) и их различие, проявляющееся в образе жизни, можно объяснить этническими различиями. Согласно этому, группа, жившая в районе Верхней Тиссы, вероятно, отождествляется с кабарам, а памятники Южного Задунайского края могут иметь отношение к венграм. В то же время высший и средний слои венгров - в силу тюркских контактов до периода обретения родины - едва отличались от группы, которую принимали за кабар. Основополагающую разницу между двумя группами отражает наследие простонародья: к группе, которую принимали за венгров, относилось многочисленное простонародье, занимавшееся, в первую очередь, земледелием³⁸.

Восточные параллели обеих групп, завоевавших родину, исследуют в двух направлениях. Хотя его оценка восточных параллелей простонародных кладбищ неточна, памятники высшего и среднего слоев близки археологическим ископаемым материалам VIII-X веков, найденных в Волжско-Камском бассейне. Из этого Mesterházy делает заключение, что «башкирские (VIII-IX вв.) и венгерские кладбища до периода обретения родины связываются посредством групп, ассимилировавшихся с венграми и примкнувших к последним волжских, оногурских болгар и других тюркских народов»³⁹. Это противоречит выше цитированной точке зрения Fodor-а, согласно которой ископаемые, найденные вдоль побережья Волги и Камы, - это наследие венгерских остатков, оставшихся на востоке.

Несмотря на все эти трудности, конечно, мы возьмем на себя риск сделать положительное предположение об истории венгров в период, предшествующий V веку после р.Хр. На основе данных истории языкознания и археологии отделение древневенгерского языка из обско-угорского можно датировать первой половиной 1-ого тысячелетия до р.Хр. В эту эпоху местом жительства общностей, говоривших на древневенгерском языке, вероятно, была лесостепь — где-то между Обью и Средним Поволжьем. Более точное определение, по нашему мнению, в настоящее время несет в себе еще столько неопределенных факторов, что она кажется напрасной попыткой. В первом тысячелетии древней венгерской истории в том же этносоциологическом смысле, как мы употребляем выражение «венгры, обретшие родину», - мы еще не имеем права говорить о венгерском народе, ведь под ним мы понимаем «гентильную» народную формацию большой численности. На древневенгерских диалектах, очевидно, говорили многочисленные небольшие группы. Они приняли участие в процессе образования народных формаций, начавшемся в IV— VII веках после р.Хр. и в

упрочившихся политических рамках, которые были построены по тюркскому кочевому образцу, очевидно, объединившись в языковом отношении, они остались доминантными. Таким образом, они могли ассимилировать иноязычные группы гетерогенных народных формаций.

2. Проблема Jugria

Среди концепций о «прародине», восходящих к средневековым традициям (Scythia, Magna Hungaria, Jugria), сначала мы займемся проблемами, касающимися Jugria⁴⁰. Выражение - самолатинизированная форма русского Jugna (югра)⁴¹, которая впервые встречается в средневековье в мусульманских и русских источниках.

Среди мусульманских авторов первым сделал упоминание Biruni ок. 1030 г. в форме Jura⁴². Довольно длинное описание о народе Jura можно прочесть в работе Magvazi, законченной в 1120 году. Краткое ее содержание передал Aufi⁴³. Среди произведений Abu Nāmid al-Garnāti «Tuhfat al-Albāb» (Подарок сердец) - при описании северных народов не упоминает этнонима, интересующего нас. Однако в более ранней своей работе Abu Nāmid в Mu'rib an bad adzsa ib al-magrib (Яркий отчет о нескольких чудесах стран Запада) более детально занимается народами этой территории, и там у него встречается форма Jura⁴⁴. У Umari (IX в.) можно отметить форму Jugra⁴⁵. Последняя форма точно соответствует данному Югра, встречающемуся в русских источниках; это указывает на то, что арабский торговец, названный у Umari, приобрел информацию или непосредственно, или же русским посредством. Данные Jura у мусульманских авторов XI—XIII веков объясняются из исконной формы Jugra. Это изменение, очевидно, произошло в языке источников информацией мусульманских авторов, в языке волжских болгар⁴⁶. Волжские болгары имели контакты с жителями Jura с целью торговли мехом.

В русских источниках первое достоверное сведение Повестей о Югре датируется 1096 годом. Слуга одного новгородского купца, отправляясь на восток от Печоры, попал в Югру, где железо обменял на мех⁴⁷. В XII—IX веках новгородцы имели постоянные контакты с Югрой. К XV веку Москва взяла на себя роль Новгорода и постепенно завоевала эту территорию. В XVI веке название Югра постепенно вытеснилось из словоупотребления, и на его место встали этнонимы «вогул» и «остяк»⁴⁸.

Географическая детерминация усложняется тем, что в ходе истории ее территория изменялась, а информация источников об этом имеет пробелы. Согласно ранним данным, данная территория может быть локализована между Печорой и Уральскими горами: в XIII—XIV веках о ней имеются сведения от Урала на восток, и, наконец, источники XV—XVII веков определяют территорию нижнего течения Оби⁴⁹.

Название Югра, которое, вероятно, скрывает за собой предков вогул и остяков, чрезвычайно близко древнерусскому названию венгров угры. Современное русское слово «венгр» является польским заимствованием XVII века⁵⁰. В

русских источниках очень часто наблюдается замена двух форм этнонимов: в многочисленных ранних источниках в отношении уральской территории используют форму Угра, но вместе с тем встречается форма Югра, которая имеет отношение к Венгрии⁵¹. Из этого Vásáry сделал заключение, что «русская традиция, очевидно, сначала связывала жителей Югра и венгров, а именно, на основе этимологического соединения названная жителей исключительно двух территорий (югры - жители Югры, угры - жители Венгрии). Это соединение могло произойти только на русской почве, так как в русском языке этимологическая связь обоих названий очевидна. Русские не знали основательно ни языка вогул-остяков, ни языка венгров, так что здесь не может идти и речи и сознательном языковом сходстве. Оба языка, между прочим, настолько далеки друг от друга, в XV веке, что учитывая лингвистические знания той эпохи, вопрос родства двух языков даже и не мог подняться»⁵².

В XV веке вследствие возможности объединения церковью возрос интерес духовенства по отношению к Москве. Вести о военных походах против Югра стали известны и на Западе благодаря принятию титула великим князем Иваном III в 1488 году. В начале XVI века в работах Miechova Mátyás-a и Herbersteina находим описание Jugria, и вместе с ним и концепцию, согласно которой Jugria - это место жительства остатков венгров, оставшихся на востоке. Это по понятиям той эпохи означало, что здесь была прародина венгров. Сведения упомянутых двух авторов вскоре распространились и в Венгрии, и в отечественную литературу впиталось представление о прародине Jugria⁵³.

Когда в XVIII веке сформировалась сопоставительная финно-угристика, которая установила близкое родство вогульского, остяцкого и венгерского языков, остается только сожалеть, что во втором элементе термина «финно-угорский» и дальше живет учение о Jugria как концепции венгерской прародины. Дело в том, что язык тогдашних жителей Югра - вогул и остяков - а также язык венгров (древнерусское название которых - угры) под названием «угорский» оказались в одной языковой группе⁵⁴.

После этого остается выяснить только вопрос, позволяют ли возможные этимологические связи двух форм названий предположение древнеисторических взаимосвязей? Древнерусская форма угру, которая является названием венгров, в конечном счете, восходит, наверно, к этнониму *onogur*. Zsirai предполагал, что и форма югры могла находиться во взаимосвязи с этим же этнонимом. Поэтому он исходил из формы угры, которая в русском языке стала югры, где известно изменение *y > ю*. Это предположение подтверждалось тем, что названия угры и югры - как мы уже раньше упомянули - в ранних источниках (данных) часто взаимозаменялись. По мнению Zsirai, в последних упоминаниях в качестве названия предков вогул и остяков использовали формы с *й-* в начале слова. В историческом фоне этимологической взаимосвязи Zsirai предполагал два отличных друг от друга по времени и пространству заимствований названная. Относительно венгров заимствование этнонима *onogur* могло произойти в Южной Руси в IX веке. А территория Урала могла бы стать древней провинцией оногур, назва-

ние которых стало известным в X веке среди русских, продвигавшихся в северо-восточном направлении⁵⁵. По мнению Vásaáru, эта точка зрения неприемлема, так как мусульманские источники однозначно отражают наличие й- в начале слова. А эти данные более раннего происхождения, чем первые русские сообщения, но по крайней мере, из одного периода. Таким образом, в соответствии с сообщениями большинства русских данных местом жительства предков вогул и остяков, очевидно, была Югра. Это название происходит из названия Jugur и из -а в конце слова, где -а в русском языке - суффикс названия территории, добавляющийся к этнонимам⁵⁶. Помимо историко-лингвистических трудностей, исторический подход также поднимает множество нерешенных проблем. Дело в том, что древние поселения оногур до 463 года скорее всего мы можем предположить на южных территориях казахстанской степи, а не вблизи Уральских гор, не говоря о более чем полутысячной временной разнице, так как в русских источниках форма Югра появляется только в XI веке. На основе всего этого Vásaáru полагает, что название Югра можно связать с племенем Jugur кимекского племенного союза, датируемого X веком, и это название, в конечном счете, является одним из вариантов названия ujugur⁵⁷. Czeglédy не считает этот тезис приемлемым, так как, по его мнению, название племени Jugur, данное Vásaáru, является ошибочным исправлением, а филологически правильное прочтение jabgu⁵⁸. Как бы ни сложилась дискуссия по вопросу оногурской и уйгурской этимологии, вопрос Jugria следует снять в ряду проблем, касающихся прародинны венгров.

3. Путешествие Юлиана и найденные им остатки венгров

Юлиан, доминиканский монах, с тремя братьями в 1235 году отправился на поиски венгров, оставшихся на востоке. Свой маршрут они выбрали на основе руководства доминиканского монаха Отто, ранее совершившего путешествие на восток, и по поручению герцога Белы, а позднее венгерского короля, отправились в путь⁵⁹. Через Константинополь они отправились в Крым, а оттуда добрались до страны алан, находившейся к северу от Кавказа. После шестимесячного простоя Юлиан и Герхард продолжали путешествие только вдвоем. Более одного месяца продолжался их путь на север через пустыню, когда, наконец, они прибыли в город под названием Bundaz (Burdas ?). Оттуда они пошли в другой город, где Герхард скончался. После этого Юлиан поехал к волжским болгарам и однажды в их городе встретился с одной венгерской женщиной, которая сообщила ему долгожданные сведения. Пешком прошагав два дня, он нашел восточных венгров на берегу реки Etil. Язык их он понял и основательно расспрашивал их. После того, как Юлиану стало известно, что татары, находившиеся поблизости, готовятся к новому военному походу, целью которого было завоевание немецкой земли, он решил немедленно возвратиться домой. По совету восточных венгров, более коротким путем, затрагивая землю мордвин, Руси и Польши, Юлиан вернулся в Венгрию. Отчет Юлиана подготовил в письменной форме его брат по ордену и начальник Рихард. Отчет этот послали в Рим, а потом в 1236 году был направлен в Рим и Юлиан. В 1237 году он вновь

отправился к восточным венграм через Русь, но дошел только до Суздаля; дело в том, что татары между тем уже разрушили поселение восточных венгров, часть которых, спасаясь бегством на запад, сообщила сведения Юлиану об опустошении страны и о том, что татары готовятся к нападению на русские княжества. Кроме сообщений, касающихся венгров, Юлиан собирал сведения о происхождении татар, об их ранних завоеваниях, об их образе жизни. От суздальского князя ему стало известно, что татары готовятся покорить и завоевать Венгрию и территорию, находящуюся за Римом. Этот план подтвердило перехваченное князем татарское письмо, которое адресовалось венгерскому королю и в котором требовали от Белы IV-ого, чтобы он покорился татарскому князю. Это письмо получил Юлиан и отправился на родину, чтобы известить своего короля о надвигающейся опасности.

О втором своем путешествии Юлиан сам сделал отчет под заглавием «Письмо о жизни татар». Достоверность последнего отчета бесспорна, в противоположность отчету Рихарда, где можно отметить такие многочисленные противоречия и неточности, из-за которых неоднократно поставили под сомнение достоверность первого донесения. Возникла даже такая идея, что это - сфабрикованная фальсификация на основе письма Юлиана. Это, конечно, преувеличенное мнение, но оно обратило внимание на то, что из отчета Юлиана Рихарда, в первую очередь, интересовали сведения, имеющие отношение к религиозным вещам, к остальным данным он относился с пренебрежением⁶⁰.

В Венгрии термин *Magna Hungaria* впервые встречается в отчетах о путешествии Юлиана. Это название обозначало раннее место поселения восточных венгров, - в противоположность названию *Hungaria minor* - страны венгров в Карпатском бассейне. По мнению Gombocza, Юлиану, очевидно, была известна западная традиция, согласно которой существовало две Венгрии: это доказывает отчет о двух Венгерских землях Gottfried-a из Viterbo и Vincent-a из Beauvais-a⁶¹. У обоих авторов ранняя родина предполагается на территории Мэотиса, и она не может быть тождественной *Magna Hungaria* Юлиана т.е. района Среднего Поволжья. С аналогичным сдвигом мы встречаемся и в случае *Magna Bulgaria*, этот термин имел отношение к Кувратской империи VII века на территории Мэотиса, откуда дунайские болгары, странствуя на запад, основали новую империю. В противоположность этому, - в донесениях Юлиана и других современных той эпохе латинских источников, - *Magna Bulgaria* обозначала страну волжских болгар, откуда дунайские болгары продвинулись на запад. Из отчета Рихарда выявляется, что хотя доминиканцы в современных венгерских хрониках и нашли указание на старую Венгрию, ее географического местоположения точно определить они не могли. Среди первых доминиканцев, искавших древнюю землю, - Отто, где-то на переднем крае Кавказа, очевидно, нашел какие-то бледные следы, так как позже Юлиан со своими братьями отправился точно туда же на основе сведений, полученных от Отто. Какой бы то ни была связь между венгерскими и западными источниками в отношении *Magna Hungaria*, термин Юлиана - научное название, у которого наблюдается определенный «сдвиг», характерный, меж-

ду прочим, для той эпохи: территория венгров, живших на востоке, автоматически превратилась также в представление о венгерской прародине .

Среди путешественников францисканского ордена в монгольский период - Плато Карпини, Бенедикт Полоний и Рубрик - вслед за Юлианом знают и используют термин *Magna Hungaria*. У них наблюдается идентификация *Magna Hungaria* с Башкирией: *Bascard id est magna Hungaria*⁶². После татарского нашествия название Башкирии (в форме *Bascardia*) появляется у мастера Аюша и *simon-a Kezai* - как одна из трех провинций Скитии⁶³. Из всего этого *Györfü* сделал заключение о том, что предположение башкиро-венгерского тождества исходило от самого Юлиана. Раньше *Gombocz* это предположение отверг, потому что ни отчет Рихарда, ни письмо Юлиана о Башкирии не упоминают об этом⁶⁵.

Географическое определение *Magna Hungaria* на основе отчета Рихарда неоднозначно. Из него выясняется, что Юлиан в одном большом городе волжских болгар нашел женщину-венгерку, которая рассказала, что отсюда в двух днях пути пешком, на берегу реки *Ftil* есть поселение восточных венгров, и по соседству с ними живут татары. Крупный болгарский город *Györfü* отождествил с Болгары⁶⁶. Упомянулся еще и *Ошел*, болгарский город к западу от Волги, но *Fodor* убедительно это отроверг, так как русские войска опустошили *Ошел* в 1220 году⁶⁷. Реку *Etil* раньше отождествляли с рекой Белая, но речь может идти о Волге или Каме⁶⁸. На основе факта соседства татар можно установить, что *Magna Hungaria*, очевидно, располагалась на юге или на юго-востоке от волжских болгар, - дело, ведь, в том, что по сведениям русских летописей, в 1229 году татары у реки Урал разбили болгарские передовые посты, а затем в 1232 году вторглись в восточную часть болгарской территории.

Письмо Юлиана относительно татарских завоеваний повествует о том, что татары после победы над *Magna Nindagia*, продвигаясь на запад, одержали победу над волжскими болгарскими, мордвинами. На основе этого сведения территория *Magna Hungaria* располагалась, очевидно, только на востоке от Волги. И хотя предполагали также, что поселения восточных венгров были на западе от Волги, - ведь донесение Рихарда не говорит о том, что Юлиан переправился через Волгу, - эта точка зрения едва ли имеет силу: в донесении Рихарда не упоминается переправа ни через какую реку⁶⁹.

С восточными венграми связывали и народ *мешеры*, упоминаемый в русских источниках; этот народ жил на правом берегу Волги, напротив *Magna Hungaria* , так как источники упоминают народ *мешер* на этой же самой территории. Однако, исследования *Vásáry* подтвердили, что этноним *мешер* нельзя объяснять из формы *magyar*, таким образом, *мешеры* не могли быть венгерскими обломками, оставшимися на востоке⁷⁰.

Подводя итоги вышесказанному, *Мадпа Hungaria* нам нужно искать непременно к востоку от Волги.

Восточные венгры не пережили разорения после татарских нашествий как единый блок, но из *Magna Hungaria* Юлиана сохранилась память о разбредшихся группах. Сюда относятся этнонимные и топонимные данные *Можарск*, *можары*,

встречающиеся русских источниках⁷¹. Память о восточных венграх также сохранила волжская болгарская надгробная надпись от 1311 года, найденная на чистопольском кладбище, на которой указан сын человека под именем Маџар⁷².

Таким образом, у нас нет причины поставить под сомнение существование остатков венгров, найденных в Поволжье XIII века. Однако же, то, что территория Magna Hungaria, якобы, является прародиной венгров, - это не более, чем - в абсолютно средневековом духе - теоретическая конструкция. Древнеисторическое касательство путешествий Юлиана может ограничиться констатацией того, откуда и когда попали туда остатки венгров?

Отождествление Madna Hungaria и Башкирии у западноевропейских путешественников XIII века и в венгерской хроникальной литературе (мастер Акош и Simon Kézai), очевидно, исходит из того, что поселения восточных венгров, Magna Hungaria и стоянки башкир в XIII веке были поблизости друг к другу. Вопрос, является ли башкиро-венгерское отождествление научной теорией, подобной Magna Hungaria, или же, возможно, оно восходит к литературным традициям, является предметом следующего раздела.

4. Башкиро-венгерские связи

а) Башкиро-венгерское отождествление у ранних мусульманских авторов

Среди мнений относительно башкиро-венгерских отношений достаточно отметить две крайние точки зрения. Первая такая крайность - отождествление башкиро-венгерских связей, а вторая - жесткое отделение обоих народов друг от друга.

Этноним «башкир» появляется в начале IX века. В киргизской легенде о происхождении, сохраненной у Гардизи, встречается человек по имени Basĵirt, который принадлежал к знатному слою хазар, и место жительства его было среди хазар и кимек⁷³. Здесь мы встречаемся с хорошо известным явлением - когда этноним употребляется в качестве имени личного Gzeglédy установил, что источник Гардизи был Ибн Мукаффа, творивший в конце VIII в.⁷⁴

Переводчик Саллам, около середины IX века путешествовал к стене, принадлежавшей Александру Македонскому. Описание этого путешествия досталось нам в двух вариантах. В позднем варианте, но сохранившем более богатую традицию, рассказывает ал-Идриси после того как Саллам совершил переход через Кавказ, за страной хазар он нашел народ под названием Basĵirt⁷⁵.

Ибн Хордадбех, мусульманский ученый-географ IX века, в перечислении тюркских народов среди огур и печенегов упоминает народ ĵ.f.r. Эту форму Minorsky реконструировал в форме маџгар⁷⁶. Все перечисленные данные однозначно указывают на территорию к востоку от Волги.

Согласно Джайханской традиции первая граница народа маџгар была между печенегами и племенем Askal волжских болгар. Потом традиция повествует о поселении маџгар к северу от побережья Черного моря⁷⁷. Gzeglédy в Джайханской традиции текстов на основе углубленного анализа выражения «первая граница» полагал: данное выражение с лингвистической точки зрения можно истол-

ковать лишь таким образом, что граница *maĵgar* была к востоку от Волги, а их поселения, начиная отсюда, распространились вплоть до северного побережья Черного моря. Этому противоречат географические представления Джайхани о Восточной Европе, по крайней мере, те, которые вырисовываются в его произведении: речь идет о том, что границу к востоку от Волги и территорию до побережья Черного моря разделяют друг от друга поселения хазар, бургас и волжских болгар⁷⁸. Для разрешения данного противоречия сформировалось две точки зрения.

Согласно первой точке зрения, речь может идти о двух территориях, и территория к востоку - есть ранняя родина венгров. Но в то же время языковое истолкование отрывка текста, хронология событий, показанная в тексте Джайхани, а также характер записей не подтверждают эту точку зрения. Среди венгерских исторических событий, имеющих место в данной традиции, самое раннее событие датируется ок. 830 г. Это, возможно, имело отношение к построению Шаркел. Однако, как правило, источник отражает положение, сложившееся в 870-ых годах⁷⁹. При описании народов восточной Европы Джайхани, в первую очередь, интересовали торговые и политические аспекты, а исторические традиции он оставлял вне внимания. Поэтому мы считаем более обоснованным принять вторую точку зрения: схожесть арабской графической формы двух различных этнонимов - башкир и венгр - побудила Джайхани предположить, что эти народы тождественны друг другу. На наш взгляд, данные Джайхани (ок. 870 года) относились к народу *maĵgar*, жившему вблизи Черноморского побережья, и в то же время ему было известно вышецитированное свидетельство Ибн Хордадбех - *ĵ.f.r*. Мы знаем, что Ибн Хордадбех был его одним из основных источников. Позже от Ибн Фадлана - он узнал, что племя *bāšġird* жило между печенегами и волжскими болгарам⁸⁰. На основе вышесказанного ход мыслей Джайхани можно реконструировать следующим образом: *maĵgar*, живших ок. 870 г. у Черного моря, можно отождествить с (m). *ĵgar*-ами Ибн Хордадбех. Их Ибн Фадлан знает под названием *bāšġird*. Следовательно, обе группы он представляет под названием *maĵġar*.

Балхинская традиция повествует о двух территориях народа *basġirt*. Первая находится около огуз за волжскими болгарам, а вторая - по соседству с печенегами и византийцами. Это первое «башкирское» свидетельство, касающееся венгров, живших в Карпатском бассейне⁸¹. Балкхи, следовательно, является первым теоретиком башкиро-венгерского родства, который знал Джайхани и, вероятно, в своей географической работе использовал его карты для подготовки объяснений к ним. По всей вероятности, он истолковывал место *maĵgar* Джайхани таким образом, что у них было два места поселения, и в то же время он исправил этноним на *basġirt* и в соответствии с историческими изменениями дал им новых соседей. По мнению Ligeti, традиция Джайхани отражает одну венгерскую форму. Самоназвание *maĵġar*, попав в какой-то соседний язык чувашского типа, стало *baĵġir*.⁸³ В конечном счете, можно ясно себе представить, что Балхи перепутал народ под тюркским названием *basġirt* с тюркской формой

венгерского этнонима, что в *Ligeti - bajǵir*, но возможна также и форма *bajar - bajir*.

Масуди в описании венгерского военного набега в 934 году использовал форму *bajǵird* в качестве одного венгерского этнонима. Абу Хамид ал-Гарнати в период между 1150-1153 годами находился в Венгрии, которую назвал *Unkuriya*, где живет народ под названием *bašǵird*⁸⁵.

Йакут в своем географическом словаре под статьей *bāšǵird* сообщает, что у этого названия есть формы *bāšjird* и *bāšqird*, и это - страна между Константинополем и *Bulgar*. Потом на основе Ибн Фадлана следует длинное описание. Вслед за этим Йакут сообщает, что в *Aleppo* встретился с *bāšǵird*-ами, от которых ему стало известно, что их название - *hunkar*. В заключение он ссылается на сочинение Истахри, являющегося представителем Балхийской традиции. Свидетельства Йакута ясно показывают возникновение башкиро-венгерского тождества: Йакут вслед за Истахри узнал о двух странах *bāšjird*, которых, однако, представлял как одну — между Константинополем и Булгар⁸⁶. С этим этнонимом он связал отрывок из описания Ибн Фадлана, имеющего отношение к *bāšǵird*-ам. Свои устные сведения о венгерских мусульманах и положения в их стране он сообщил также в связи с данным этнонимом. Вследствие этого возникла такая конструкция, в которой сообщение Ибн Фадлана от 922 года о башкирах, находящихся к востоку от Волги, и отчет венгерских мусульман (начало XIII века) в своей основе, правда, верные, но предположение этнической идентификации, построенное на схожести двух этнонимов, по всей своей сути - мусульманская ученая теория эпохи средневековья.

Данные не оставляют сомнений в том, что в мусульманских источниках венгров, живших в Карпатском бассейне, называли башкирами.

Уже говорилось о ранних упоминаниях башкир, живших к востоку от Волги. У Ибн Фадлана мы находим известия о них (начало X века)⁸⁷. Следовательно, в IX веке к востоку от Волги жил тюркский народ, имевший название «башкир».

Теорию башкирской прародины, построенной на башкиро-венгерском отождествлении (начало X века), и основывающуюся на Джайханайской и Балхинской традициях, - до появления новых данных - эту гипотезу мы не вправе считать обоснованной. Более вероятным представляется предположение о смешении, которое произошло в силу схожести башкирского и венгерского этнонимом.

б) *Башкиро-венгерское отождествление в источниках монгольского периода*

В середине XIII века возникла монгольская хроника - «Сокровенная история монгол», в которой башкирский этноним сохранился в форме *bajigit*. **Т** в конце слова - признак множественного числа, а **і** между **ǵ** и **g** в монгольском языке служило для избежания скопления согласных⁸⁹. В главах 262, 270 и 274 «Сокровенной истории монгол» среди покоренных народов упоминается народ *bajigit*. Согласно главе 262 Сюбетей в направлении на север покорил одиннадцать наро-

дов: *kanglin, kibčaoť, bajigit, orosut, maĵarat, asut, sasut, serkesüt, kešimir, bolar, kerel*⁹⁰. Это свидетельство имеет отношение к событиям 1221-1223 гг. В 270-ой главе речь заходит о том, что после того, как Сюбетея задержали вышеупомянутые одиннадцать народов, на помощь ему послали Батыя, Гайука и Менгке⁹¹. Этот факт фигурирует среди событий 1228-1231 годов. В заключение в 274-ой главе можно прочитать, что Сюбетея и посланные ему на помощь герцоги одержали победу над западными народами⁹². Это последнее известие является небрежной и поверхностной копией свидетельства, читаемого в 270-ой главе⁹³. Прежде всего можно установить, что свидетельства 270-ой и 274-ой глав относятся, конечно, к великому западному военному походу под предводительством Батыя между 1236-1242 годами. Однако, в перечне названий в 262-ой главе встречаются и такие этнонимы, которые не могли бы иметь место во время военного набега Сюбетея в 1221-1223 годах, но более поздние нашествия Батыя настигли и эти народы. Поэтому Ligeti подчеркивал, что, правда, достоверный список названий находится в 262-ой главе, но в материале названий присутствуют и анахроническое данные⁹⁴. В отношении ссылок на этноним *bajigit* Ligeti теперь стал предполагать венгров⁹⁵. В своей ранней статье он еще писал, что этноним подходит тюркским башкирам⁹⁶. Эту последнюю точку зрения подтверждает глава 239 «Сокровенной истории монголов», где в связи с военным походом Джочи в 1207 году в перечислении лесных народов фигурировал народ под названием *bajigit*, который на основе исторических взаимосвязей данного текста, очевидно, жил на территории Западной Сибири⁹⁷.

Таким образом, по нашему мнению, этноним башкир, встречающийся в монгольском источнике, возможно, название тюркских башкир, и лишь под влиянием теории башкиро-венгерских отождествлений возникло предположение, что этноним может относиться к венграм, что предположение невозможно защитить потому, что венгры могут быть отождествлены с двумя другими этнонимами цитированного списка названий (*maĵarat, magyar; kerel, király*).

В историческом труде перса Джувейни, стоявшего на службе монгольской империи, который завершил этот труд в 1260 году, также можно встретить этноним *bāšġird*, причем вместе с этнонимом *kelar*. Последний этноним можно отождествить с венгерским словом *király*. Пару этнонимов *kelār, bāšġird* Джувейни употреблял в связи с военными набегами на Венгрию, таким образом, ясно, что под названием *bāšġird* он разумел венгров⁹⁸. Название *kelar*, очевидно, исходило из лиц, принимавших участие в военных походах против Венгрии, а форма *bāšġird* указывает на письменную традицию. Эта форма встречается у Ибн Фадлана в географическом словаре Йакута, который был общедоступен. На основе этого мы можем предположить, что словоупотребление *bāšġird* связано с той ранней мусульманской традицией, которая называла западных венгров башкирами. Рашид ад-Дин, персидский историограф начала XIV века, заимствовал сведение Джувейни о монгольском военном набеге против Венгрии в 1241—1242 годах, но на месте пары этнонимов *kelār, bāšġird* у него мы можем прочитать *bulār, bāšġird*. Это можно объяснить искажением письма. Рашид ад-Дин

неоднократно упоминает этноним *bāšǵird*. Среди этих упоминаний в первую группу относятся те, где в различных перечнях названий используется исконная форма пары этнонимов *kelār, bāšǵird* Джувани. Ко второй группе можно причислить те случаи употребления названия, в которых на месте форм *kelār, bāšǵird* присутствуют формы *bolār, bāšǵird*. Как мы уже однажды указывали, это письменная ошибка. Эти данные однозначно отражают концепцию Джувеини: обе формы пары этнонимов означают западных венгров⁹⁹. В третью группу относятся оба свидетельства. Здесь название *bāšǵird* проявляется не в паре, а «самостоятельно», правда, в обоих местах в перечне названий, а двумя названиями перед ним - форма *bolār*. По мнению Ligeti оценка последних обоих данных с точки зрения башкиро-венгерских отношений весьма неопределенна¹⁰⁰.

О сведениях францисканских путешественников Плато Карпини, Бенедикта Полони и Рубрук в монгольский период в связи с *Magna Hungaria* уже шла речь¹⁰¹. Под влиянием этих трех авторов распространилось отождествление Башкирии (*Bascard*) и *Magha Hungaria*. В качестве источника отождествления могли послужить свидетельства доминиканцев, побывавших в Башкирии, поскольку ни один из трех названных авторов не был в Волжско-Камском бассейне. Исходя из этого, приемлема точка зрения Ligeti, согласно которой эти данные совершенно независимы от ранней башкиро-венгерской традиции мусульманских авторов¹⁰². Основанием отождествления у западных путешественников могло послужить то, что поселения восточных венгров были к востоку от селений волжских болгар, точно так же, как и поселение башкир. Из этого само собой разумелось, что два народа тождественны друг другу. В том, что восточные венгры после татарского нашествия не остались в Башкирии - как единый блок - нас может убедить письмо-отчет венгерского францисканца Йоганка о татарской миссионерской поездке в 1320 г.: проповедник семь лет провел в Башкирии, но о венграх в своем письме не упоминает¹⁰³.

в) Башкиро-венгерские соответствия названий племен

На параллели между названиями башкирских и венгерских племен в начале века обратил внимание Pauler; он отождествил два названия племен: *Gyarmat-Yurmati; Jenő-Yeney*¹⁰⁴. Németh в 1930 г. выдвинутые отождествления принял и объяснил их с историко-лингвистической точки зрения¹⁰⁵. Ligeti предполагаемую этимологию *Gyarmat*-а (тюрк. *yog*- “устать” и *matī* деепричастие) считает приемлемой с натяжкой¹⁰⁶. Эти затруднения, конечно, не исключают гипотезу отношения друг к другу двух названий племен, если принять во внимание иную этимологию¹⁰⁷. Németh в 1966 г. предложил дальнейшие согласования (соответствия): *Nyék—Negmen, Keszi—Kese, Gyula—Yulaman, Megyer—Mišer*. Название *Gyula* не фигурирует в перечне венгерских названий племен, но, по мнению Németh-а, существовало одно такое племя, которое, очевидно, сыграло особую роль в системе венгерских племен, так как его можно истолковывать как народ одного венгерского князя (*gyula*)¹⁰⁸. *Mándoky Kongur* сначала опровергнул новые соответствия, а позднее соответствие *Jenő—Yeney*, - казавшееся верным¹⁰⁹. *Vásáry* указал на несостоятельность взаимозависимости *Megyer—*

Mișer¹¹⁰. Итак, в отношении его этимологии, кроме согласования венгерского названия племени *Suarmat* и башкирского *Yurmatı*, имеющего множество затруднений, мы не располагаем научно-подтвержденными согласованиями названий племен между башкирскими и венгерскими названиями племен. Попытку нового подхода к системе венгерских названий племен, выдвигая несколько новых этимологий, предпринял Berta¹¹¹.

Относительно лингвистического подхода башкиро-венгерского вопроса Vászary установил следующее: «1. Особенности системы башкирских фонем сформировались не под влиянием венгерского языка; 2. в башкирском языке нет венгерских заимствований; 3. среди географических названий Башкирии не встречаются названия венгерского происхождения»¹¹². Это означает, что тезис башкиро-венгерского родства языкознанием не подтверждается.

В заключение необходимо упомянуть о связи теорий прародины, башкиро-венгерского родства и венгров, найденных Юлианом на востоке. Согласно первой теории прародины Gombocz-а первое тюркское влияние на венгров в районе Поволжья было оказано около 600 г. В это время сюда переселились волжские болгары, а венгерские племена ок. 800 г. потеснились на юг, но некоторые их обломки остались на той территории. Позднее исследователь изменил свою точку зрения: венгры с 463 года жили на переднем крае Кавказа и около 600 года в район Волжско-Камского бассейна вместе с волжскими болгарами пришли и некоторые венгерские группы. Юлиан в XIII веке нашел тех венгров, которые или остались, или же с волжскими болгарами прибыли туда. По мнению Gombocz-а, венгры с Поволжья никакого отношения не имеют к башкиро-венгерскому родству, поскольку последнее основывается на ученой традиции¹¹³. Németh вначале принял вторую теорию Gombocz-а, с той разницей, что он не отрицал башкиро-венгерского родства. По его мнению, башкиры унаследовали свое название от венгров, переселившихся туда с юга, а венгры же медленно слились с тюркскоязычным большинством населения, пришедшего с востока¹¹⁴. Németh под влиянием исследования башкирских названий племен в 1960 году изменил свою точку зрения и возвратился к прежнему тезису Gombocz-а: венгры лишь ок. 750-800 гг. двинулись из Башкирии на юг. А оставшиеся венгерские обломки лишь после татарского нашествия слились с поселившимися здесь тюрками, ведь в XIII веке в Magna Hungaria еще прощупывается венгерская диаспора¹¹⁵. Ligeti при оценке башкиро-венгерских связей предпринял попытку примирить два противоположных взгляда. Башкирский и венгерский этнонимы завязят друг от друга таким образом, что ранняя форма венгерского этнонима была форма *maǰgir*, в которой ок. 950 г. уже исчез звук *g*. Однако, у формы *maǰgir* был и тюркский вариант, чувашское (волжско-болгарское) *baǰgir*. После того, как в VI веке, одновременно с формированием Хазарской империи, этот народ под названием *maǰgir*— *baǰgir* с Волжско-Камского бассейна переселился на юг, на его место поселилась тюркская народность кипчаков. Она приняла название прежних жителей - *baǰgir*, из которого в этом языке сначала сформировалась форма *bašgir*, а затем - *bašgirt*. Это может стать отправной точкой этимоло-

логии этнонима *baškurt* “вождь волков”. От упомянутых ранних отношений Ligeti отграничил проблему восточных венгров Юлиана. Дело в том, что принятая им идентификация названий племен Gyarmat—Yurmati и Jenő—Yänäy означает, что обломки этих двух племен оказались в Поволжье во второй половине IX века, вследствие нападений печенегов на венгров¹¹⁶.

Новая этимология этнонимов Ligeti с лингвистической точки зрения во многих местах может быть «атакована». Самая большая трудность, пожалуй, заключается в том, что второй элемент исходной формы *maj'gir-g'ir* – не объяснен: «элемент с неопределенной функцией»¹¹⁷. Вероятность исторических гипотез, опирающихся на этимологию, отнюдь не велика. Таким образом, доказательство башкиро-венгерских связей, основывающихся на этом, не может быть убедительным. В конечном счете, из каждого элемента теории башкиро-венгерского родства выясняется, что оно не может восходить к древней традиции и башкиро-венгерским родством и венграми, найденными в районе Поволжья, нельзя показать никакой достоверной взаимосвязи.

5. Волжские болгары и венгры

Большинство тюркских заимствований в венгерском языке до периода обретения родины Gombocz объяснил, из болгаро-тюркской языковой ветви¹¹⁸. Этот термин возник таким образом, что Ашмарин язык волжских болгар считал предшественником чувашского языка. Свою точку зрения он обосновал глоссами, находящимися в мусульманских и русских источниках и болгарскими надгробными надписями, возникшими в XIII-XIV вв. после падения волжской болгарской империи. Он также пришел к заключению о том, что язык остальных народных формаций, имеющих название «болгарский», то есть язык болгар, живших в V-VII вв. к северу от побережья Черного моря, и язык дунайских болгар, обретших родину в конце VII в., могут быть причислены к группе по языку, совпадающей с языком волжских болгар. Таким образом, эти языки получили название «болгаро-тюркские» языки - в противоположность названиям других тюркских языков¹¹⁹. Németh к народам, говорившим на болгаро-тюркском языке, отнес еще и те тюркские племенные союзы, в названии которых мог реконструироваться элемент *oguz*. Этот элемент он считал болгаро-тюркским соответствием общетюркского этнонима *oguz*. Таким образом, на основе их названия исследователь считал болгаро-тюркскими *огур*, *оногур*, *утигур* и *кутригур*¹²⁰.

Хазарский язык Gombocz - на основе этнонима «хазар» и хазарского города *Sāriḡšin* - определил как общетюркский язык. Это положение было принято Németh-ом, и он его подтвердил новыми аргументами¹²¹. В соответствии с этим Gombocz сконструировал первую конструкцию древней венгерской истории, согласно которой венгры, жившие в Волжско-Камском бассейне, болгаро-тюркские заимствования переняли от волжских болгар между 600-800 гг. Первая дата - поселение волжских болгар в Поволжье, а вторая - переселение венгров на юг¹²². Позднее Gombocz - под влиянием биогеографического метода Zichy - изменил свою точку зрения, и это место общения перенес на Кубань между 463-600 года-

ми. В соответствии с этим, венгры вследствие переселений оногур, стур, сарагу с Волжско-Камского бассейна переселились на передний край Кавказа, и общение их прекратилось в связи с переселением волжских болгар на север ок. 600 г.¹²³. Németh сначала принял вторую точку зрения Combocz-a, но позже возвратился к ранней теории Gombocz-a.

Изучение языка хазар и исследование раннего периода истории волжских болгар принесли такие результаты, которые значительно модифицируют наши ранние знания. Собрание спорадических памятников на хазарском языке из различных источников является заслугой Golden-a¹²⁴. Róna-Tas из этнонима хазар показал, что его общетюркскую этимологию объясняли из несуществующего глагола qaz– «странствовать», а его исконная тюркская форма qasar объясняется из титула ceasar¹²⁵. Ligeti в исследовании хазарских глосс привлек титулы хазарского происхождения, сохраненные в венгерском языке и принял во внимание руническое засвидетельствование киевского хазарского письма. На основе всего этого Ligeti пришел к заключению о том, что хазарский язык также относится к болгаро-тюркской языковой ветви. И поэтому, конечно, потерял свой смысл термин «болгаро-тюркский», который имел значение именно по отношению к хазарскому. Поэтому Ligeti возобновил один старый термин и вновь ввел в употребление выражение «языки чувашского типа»¹²⁶. Благодаря этому ликвидировалось вынужденное обстоятельство - искать источник заимствований чувашского типа в венгерском языке (до обретения родины) вне хазарской империи. Разумеется, это не означает, что место хазарского языка в системе тюркских языков определено исключая всякие сомнения. Эта неопределенность сохранится до тех пор, пока не появятся более пространные языковые памятники на хазарском языке. Поэтому Ligeti предусмотрительно оставил ту возможность, по которой венгры в VI веке в районе Поволжья могли общаться с волжскими болгарами. Однако, его значение намного меньше, чем более общение с хазарами¹²⁷.

Волжские болгаро-венгерские связи являются важными элементами теорий относительно древней истории венгров¹²⁸.

Почти все этнонимы, встречающиеся у волжских болгар, уже пытались отождествить с названиями, появляющимися у венгров (Bular, Bercel, Zuard, székely).

С точки зрения изменений, происшедших в образе жизни, аналогичный с венграми путь прошли те волжские болгарские племена, которые после того, как отделились от прежней своей степной среды и оказались в лесных местностях - покончив с исконным кочевым образом жизни, - осели и превратились в земледельцев.

Относительно волжского болгарского генезиса необходимо ответить на два вопроса. Можно ли более точно определить с помощью находящихся в нашем распоряжении данных ту территорию, откуда племена, объединившие волжских болгар, переселились на север? Второй вопрос: когда прибыли эти группы в Волжско-Камский бассейн?

Отправной точкой ответа на вопрос: «откуда?» могут послужить пять названий волжских болгарских племен (булгар, с.вар, аскал, барсула, баранджар), со-

хранившихся в мусульманских источниках X века. Ибн Фадлан, у которого сохранилось четыре названия племени за исключением «барсула», сообщает, что король волжского болгарского племенного союза, вождь племени булгар, имел в подчинении остальных четырех королей. Из четырех королей двух можно отождествить с вождями племен с.вар и аскал. Можно предположить, что два других короля могли быть вождями двух других известных по имени племен (барсула и баранджар). Это имеет основополагающее значение с точки зрения волжско-болгарского этногенезиса пяти названий племен. Затем следует рассмотреть, где и когда встречались эти этнонимы в письменных источниках.

Относительно времени переселения болгар на север мнения разделяются. Причину этого, наверное, следует искать в том, что в письменных источниках об этом не сохранилось прямых сведений. Раньше, как правило, пытались определить эту дату, приняв во внимание аспекты иногда двух областей наук. Более надежный результат следует ожидать сопоставлением нескольких научных областей. Поэтому необходимо учитывать новые факты, раскрытые в области археологии, нумизматики, истории экономики и исторического языкознания и взгляды, опирающиеся на эти факты. Сопоставляя данные результаты, мы можем исследовать проблему: когда появились впервые волжские болгары в письменных источниках. На этот счет, ведь, имеются предположения, основанные на анализе лишь одного-двух источников. В заключение, исторический анализ картины, выявленной специальными науками, может дать ответ на вопрос - какие исторические взаимосвязи можно установить между известными событиями истории степи и движением болгар на север?

Племена, игравшие важную роль в формировании волжских болгар, жили в других политических рамках, народы булгары, сабиры, аскалы, барсилы в V-VII веках часто встречаются в евразийских источниках, повествующих о степях. Аскалы фигурируют на территории западной тюркской империи, в казахских степях. Сабиры, барсилы и баланджары появляются в восточноевропейских степях на переднем крае Кавказа. А болгары жили на территориях к северу от Черного моря. В период укрепления хазарской империи, к концу VII века эти этнонимы исчезают из источников, и лишь только в X веке появляются вновь.

Результаты различных специальных наук в связи с вопросом «когда?» мы можем подытожить следующим образом. Раннее волжско-болгарское археологическое наследие разделяют на две группы. Первую группу датируют VIII—IX вв., а вторую - концом IX—X вв. Раннее население оставило после себя, главным образом, кладбища на обоих берегах реки Волги. А позднее - строило поселения и городища. Их поселения достигли района Нижней Камы.

На территории Восточной Европы нашли значительное количество восточных дирхем, датируемых IX—X вв. В IX веке эти дирхемы с центральных областей Калифата через Кавказ прошли по побережью Каспийского моря до Волги, а затем вверх по Волге проникли в Европу. Этот торговый маршрут в конце IX века упраздняется, и вместо него дирхемы от Саманиды, правившего на тер-

ритории нынешнего Узбекистана, через казахскую степь прибыли к месту слияния Камы в Волгу и оттуда направились дальше.

Среди тюркских заимствований волжских финно-угорских языков наиболее ранний слов представляют древневенгерские ранние болгаро-тюркские заимствования. Данные слова отражают состояние языка на одну ступень позднее, чем болгаро-тюркские заимствования венгерского языка. Это подтверждается двумя словами новоперсидского происхождения, которые были заимствованы, очевидно, только в X веке, после принятия исламской веры. Уже на основе всего этого время общения мы можем датировать X-ым веком.

Наиболее раннее упоминание волжских болгар в мусульманских источниках является спорным. Среди свидетельств, относящихся к первой половине IX века, в качестве первых упоминаний о волжских болгарях обычно принимаются во внимание король Бургар, фигурирующий в качестве адресата письма калифы Мамуна, упоминаемого Ибн ал-Надимом, а также мусульмане, жившие вблизи дамбы, воздвигнутой, якобы Александром Македонским - в путевых записках переводчика Саллама. Однако проделанные до сих пор попытки отождествления не могут считаться обоснованными.

Имеется два таких свидетельства периода рубежа IX-X веков, которые уже достоверно могут быть связаны с волжскими болгарями. Ибн Хаукаль сообщает о том, что один хазарский торговец уезжает во внутренний Булгар. Этот термин у него, очевидно, указывает на волжских болгар, хотя у ранних авторов это еще не так.

Масуди повествует о грабительской войне русов против южных провинций Каспийского моря ок. 913 г. Возвращаясь назад, русы плывут по Волге на север, на земле буртас и мусульманских болгар. Хотя слово «мусульман» - интерполяция, все же, из-за этого у нас нет причин ставить под сомнение достоверность всего описания.

Джайхани в своей географической работе рассматривает народы Восточной Европы, и среди них говорит и о волжских болгарях. Об этом свидетельстве уже с давних пор ведутся острые дискуссии. Есть исследователи, которые полагают, что данные Джайхани исходят от Ибн-Фадлана, другие исследователи это отрицают. Проведя методическое сопоставление, можно установить, что данные, относящиеся к волжским болгарам, совпадают у двух авторов почти полностью. Поэтому можно предположить, что Ибн-Фадлан встретился с Джайхани не только продвигаясь к волжским болгарам, о чем он сам свидетельствует, но и на обратном пути. Джайхани в это время, наверное, расспрашивал Ибн-Фадлана и ответы его записал. У Джайхани находятся также некоторые такие данные, которые не встречаются в произведении Ибн Фадлана. Они, вероятно, указывают на то, что у Джайхани, возможно, была и другая информация о волжских болгарях, но она не может восходить к 70-ым годам IX века. Таким образом, появление волжских болгар в источниках можно датировать двумя десятилетиями раньше, чем путешествие Ибн-Фадлана в 922 г.

По свидетельствам различных научных дисциплин относительно переселения волжских болгар может быть учтено два периода. Данные археологии, нумизматики указывают на вторую половину, конец VIII века. Каждая научная дисциплина, включая археологию и нумизматику, в конце IX века показывает важные изменения в Волжско-Камском бассейне. Возникла гипотеза, по которой обретение родины волжскими болгарами связано с событиями истории степей до VII века. Переселение гуннов и европейское распространение тюрков оставили следы в археологическом наследии Поволжья. Из этого сделали заключение, что некоторые тюркские племена уже в это время, якобы, заселили эти районы. У нас нет причины ставить под сомнение справедливость этого предположения, однако, мы не можем взять на себя задачу - на уровне нынешних наших знаний - суждения о том, каковы отношения этих племен к волжским болгарам. Согласно второму распространенному предположению, волжские болгары во второй половине VII века обретают родину после того, как из империи Куврат вследствие нападений хазар они вытесняются на север. В противоположность этому, в истории, повествующей о пяти сыновьях Куврата, и в других параллельных источниках говорится о том, что вследствие нападений хазар империя Куврата распалась; из пяти сыновей самый старший остался жить на этом месте и оказался в подчинении хазар, в то время как остальные четыре брата двинулись на запад. Какой бы ни была историческая ценность этих источников, одно достоверно, что о волжских болгарях здесь речи нет. На основе всего этого до получения дальнейших доказательств переселение волжских болгар, датированного IV-VII веками, нельзя считать обоснованным.

Среди двух возможных дат в VIII в. самым важным событием в истории восточной Европы была хазаро-арабская борьба. Арабы, начиная с VIII века, до его середины предприняли многократные попытки завоевания Восточной Европы. Арабы, нападавшие через Кавказ, принуждали многочисленные племена к вытеснению их с переднего края Кавказа на северные территории. Среди событий этих войн заслуживает внимания осада и захват Баланджара в 723 году. Этноним баланджар, встречающийся среди волжских болгар, очевидно, можно связать с названием этого города. Баланджар, вероятно, был столицей хазар, и после его истребления население города, очевидно, потянулось к Волге; у нижнего течения реки они zaloжили новую столицу. В 737 году самый сильный удар на хазар нанес Марван, так как со своими войсками он дошел до самой Волги, а затем, продвигаясь по северному берегу реки, победил народ сакалиба. В дискуссиях по отождествлению этого этнонима высказывалась и возможность связать его с волжскими болгарами. Во всяком случае, вероятно, что вследствие арабо-хазарских войн часть тюркских племен, живших на переднем крае Кавказа, потянулась к рекам Дон и Волга. К концу VIII века самые северные группы тюркских племен, живших на берегу Волги, в ходе своих кочевых странствий, очевидно, достигли места впадения Камы в Волгу.

Роль этих групп, спасавшихся бегством на северные территории, изменилась тогда, когда для арабо—хазарских связей, становится характерной мирная торгов-

ля. Это наступает с начала IX века. Хазары вывозимые товары приобретают на севере, и таким образом становится понятным, что возрастает роль и политическое значение самых северных тюркских групп, находящихся в подчинении хазар.

Вторую важную дату в истории волжских болгар мы можем отнести к концу IX века. В этот период наиболее важное историческое событие - европейское завоевание родины печенегам. Из исследования печенежского народонаселения можно установить, что печенеги были вынуждены сдвинуться со своих поселений вдоль реки Урал под напором узов. На заднем фоне событий стояли завоевания саманидского правителя. Вследствие этого имевшее место равновесие карлуков - кимеков - узов со Внутренней Азией, очевидно, поколебалось. Побежденные печенеги сначала напали на хазар, живших на переднем крае Кавказа, но они отразили нападение. После этого печенеги к северу от хазарской территории переправились через Волгу и Дон и поселились на берегу Черного моря. Этому уже не могли воспрепятствовать даже и хазары. Кочевники, жившие у среднего течения Волги и Дона, из-за постоянного страха от печенегов спасались в район Волжско-Камского бассейна. По моему мнению, большинство тюркских племен, принимавших участие в формировании этногенезиса волжских болгар, именно в это время оказались в районе Волжско-Камского бассейна.

Буквально одновременно с этим произошли такие исторические изменения, которые способствовали очень благоприятному положению племен в Волжско-Камском бассейне. Саманиды после того как им удалось укрепить свое господство над Трансоксанией и Хорасаном с конца IX века, стали вывозить дирхемет в Восточную Европу. Сначала этот торговый путь, очевидно, затрагивал провинции вдоль Хорасана и побережья Каспийского моря до Волги, но в 914 г. саманиды теряют провинции Каспийского побережья. В то же время узы, изгнав печенегов, стали единовластными хозяевами казахских степей. Это сделало возможным для караванов, отправляющихся из Трансоксании, через Хорезм без всякой опасности пройти через казахские степи под застой узов, чтобы потом подойти прямо к среднему течению Волги и обойти хазар. Этот маршрут использовала и та миссия, в которой принял участие Ибн-Фаблан. Эта ситуация открыла волжским болгарам новую возможность: дело в том, что хазары стали их соперниками, в результате чего произошло политическое обострение и принятие исламской веры.

В соответствии с этим причина переселения большинства тюркских племен, сформировавших волжскую болгарскую империю в конце IX в., состояла в том же самом нападении печенегов, которое вынудило венгров назять Карпатский бассейн. Мы вправе говорить о волжском болгаро-венгерском общении лишь в том смысле, что как венгры до приобретения родины, так и племена, сформировавшие волжскую болгарскую империю - жили в рамках хазарской империи, и не исключено, что их места поселений были по соседству друг с другом. Можно предположить, что найденные Юлианом венгерские обломки, которые находились в подчинении у волжских болгар, в X—XIII веках, вместе с

волжскими болгарами - вследствие нападений печенегов - отделились от общей, большей массы, которая обратилась в бегство на запад.

6. Заключение

Арена наиболее ранней истории групп, говоривших на древневенгерском языке, очевидно, был Волжско-Камский бассейн. Эти общности от 1-ого тысячелетия до р.Хр. до IV-VII вв. после р.Хр. - по свидетельству археологии и языкознания - вероятно, жили на территории между Обью и Средним Поволжьем. Вследствие степного «переселения народов» (ок. 453 г. оногуры, огуры, сарагуры; ок. 500 г. сабиры, ок. 550 г. авары, тюрки) начавшееся переселение гуннов, древневенгерско-язычные группы подключились в процессы, происходившие в степях. Организуясь в более стабильные политические рамки, у них начался процесс формирования гентильных народных формаций. Для претворения этого процесса хазарская империя обеспечила мир и стабильность. Со времен существования хазарской империи (начало VII в.) до европейского завоевания родины печенегами (895 г.) не было такого народного движения с востока, которое переступило бы Волгу. Это сделало возможным - используя рамки тюркской организации - возникновение сравнительно гомогенного венгеро-язычного этникума, которого субъективное сознание веры в исконную общность «посвятило в народ». На протяжении IX века эта народная формация в политическом отношении постепенно стала самостоятельной от хазарской империи. А в конце XI века этот народ занял Карпатский бассейн. Таким образом, предпосылки языка венгров, обретших родину, сформировались в Волжско-Камском бассейне, но о венгерской народной формации в это время говорить еще нельзя.

Можно ли себе представить, что в Волжско-Камском бассейне остались такие древневенгеро-язычные группы, которые — после того как большинство родственников им групп оставили свое место поселения - сохранили свой язык до XIII века на таком уровне, что взаимопонимание было еще возможным? На этот вопрос с большой долей вероятности мы должны ответить отрицательно. Юлиан только в том случае мог говорить с венграми, если они самое раннее только в IX веке отделились от большинства массы венгров. Эту гипотезу подтверждает и археология, ведь памятники, наиболее близко стоящие к венгерским ископаемым, появляются у нижнего течения Камы в IX-X веках.

Поэтому мы считаем более обоснованной точку зрения, которую высказал Ligeti: восточные венгры Юлиана, на протяжении IX века вследствие печенежских набегов, были оттеснены в Волжско-Камский бассейн. Эту точку зрения подтверждает и то, что - как показал Szücs - в венгерском обломке, оставшемся на востоке, еще жило сознание, что венгры происходили от них (отчет Рихарда). Это означает, что формирование веры в общее происхождение обеих частей народа должно было предшествовать их отделению друг от друга. Этот процесс происходил в течение VI—IX веков. В заключение, ранняя история волжских болгар показывает, что на заднем плане отделения венгерских обломков и их переселения на север стояло завоевание родины печенегами в 895 г., которое стало пово-

ротным пунктом как в жизни венгров, так и в жизни тюркских племен, принимавших участие в этногенезисе волжских болгар.

Подводя итоги, мы можем сказать, что в Волжско-Камском бассейне возник древневенгерский язык. Большинство народных групп, говоривших на этом языке, приняло участие в венгерском этногенезисе, в то же время некоторые общности остались на месте. Отыскать языковые следы этих общностей - задача, стоящая перед историей венгерского языкознания. Обломок гентильной народной формации, сложившийся в VI-IX веках, в конце IX века, оторвавшись от главной массы народной формации, отодвинулся на север, где почти через 300 лет его нашел Юлиан. Встает вопрос: возникла ли какая-либо связь между древневенгеро-язычными группами, оставшимися в Волжско-Камском бассейне, и венгерскими диаспорами, поселившимися в конце IX века? К сожалению, на этот вопрос мы ответить не можем.

В древнеисторических исследованиях, что касается проблемы прародины, мешало то, что реконструированная арена формирования древневенгерского языка и его тысячелетней истории была территория между Волгой и Обью, и места поселения венгерских диаспор, поселившихся в IX веке, более или менее совпадали и сглаживались, - несмотря на то, что территорию древневенгеро-язычных групп следует истолковывать в более широком диапазоне. Этому способствовала и традиция Jugria, и теория, предполагавшая башкиро-венгерское родство. Из них первая не имеет под собой никакой основы, а вторая - научно не доказанная.

Примечания:

¹ Ligeti в то время предполагал, что в первую, большую часть указанного 1500-летнего периода, венгры жили на европейской стороне Уральских гор. Позднее венгры через Урал переправились в Западную Сибирь, где стали вести кочевой образ жизни. Однако в V-ом веке после р.Хр. под влиянием тюркского переселения народов венгры двинулись в южном направлении (Ligeti 1943, 6). Новую точку зрения Ligeti см. в сн.3.

² Hiajdu-Domokos 1978, 54-57.

³ По мнению Fodor-а, самостоятельные венгерские группы сформировались между 1000 г. до р.Хр. и 500 г. до р.Хр. - где-то на восточной территории Южного Урала (Fodor 1975, 133, 134). С этой территории они переселились в Башкирию. По его мнению, это народопереселение можно связать с тремя передвижениями народа: 1. сарматское - в 400-300 гг. до р.Хр.; 2. гуннское - в 350-400 гг. после р.Хр.; 3. тюрко-аварское - ок. 550 г. (Fodor 1975, 164-165). Из Башкирии же венгерский народ переселился на юг после 750 г. (Fodor 1975, 170). Ligeti также изменил раннюю свою точку зрения. По его мнению, венгры ок. 1000 лет провели у Уральского прохода, позднее их сдвинуло на запад огузское народное передвижение, и вследствие переселения сабир ок. 503 г. они прибыли на территорию Волго-Камского бассейна. Отсюда - одновременно с укреплением хазарской империи в середине VII века венгры удалились в южном направлении (Ligeti 1966, 143-144, 156, 530; ср. Zimonyi 1988, 216-217).

⁴ Györfly 1948, 56.

- ⁵ История Венгрии I: I. Вр. 1984, 26-47.
- ⁶ Hajdu-Domokos 1978, 41-91.
- ⁷ Ligeti 1986, 520.
- ⁸ László 1971; Fodor 1973.
- ⁹ Bartha в своей периодизации следовал Molnár-у E. (ср. Bartha 1977, 25; Bartha 1984, 395).
- ¹⁰ Szücs 1984, 342-344.
- ¹¹ Весь круг проблем Szücs исследует в своей кандидатской диссертации, защищенной в 1970 г., которая в скором времени будет опубликована. В реконструировании формирования варварского этнического сознания венгров Szücs принял во внимание раннюю дату венгерского фрагмента, найденного Юлианом и отделения савардских венгров (столетиями предшествующими IX веку, а также до 750 г.); эту дату под сомнение поставили более поздние исследования (Szücs 1984, 348; Czeglédy MÓT 121-122; Ligeti 1986, 378). Это, конечно, говорит о том, что кристаллизацию «гентиальной» структуры, окончательную интеграцию традиции происхождения мы можем спроецировать до начала IX века, но к более ранним столетиям мы можем отнести их лишь предположительно.
- ¹² Ligeti 1943, 38.
- ¹³ В статье Szücs-а, опубликованной в данном сборнике.
- ¹⁴ Этногенетическую разработку германской «древней истории», характеристику различных периодов и первое подытоживание, синтез «гентиализма» см. Wenskus 1961.
- ¹⁵ Hajdu-Domokos 1978, 45-46.
- ¹⁶ Ценную хронологическую помощь может оказать исследование языковых связей, главным образом, - ирано-финно-угорских, ирано-угорских и ирано-древневенгерских, так как индоиранские историко-лингвистические исследования идут впереди уральских исследований (Harmatta 1977, 167-182; Ligeti 1986, 131-136, 162-174). Кажется верным и то, что надежность хронологических границ, используемых в индо-иранской истории языка, нуждается в дальнейших исследованиях.
- ¹⁷ Надежность этого метода недавно поставили под сомнение многие исследователи (ср. Róna-Tas 1978, 243-251).
- ¹⁸ Hajdu-Domokos 1978, 46.
- ¹⁹ Hajdu-Domokos 1978, 56.
- ²⁰ Hajdu-Domokos 1976, 71-87.
- ²¹ László 1971, 7-8; Fodor 1990, 277-278.
- ²² Fodor 1977, 109-110, сноска 85.
- ²³ Fodor 1977, 113.
- ²⁴ Fodor 1977, 110; 1990, 280-281.
- ²⁵ Ligeti MНyTK 11, 65; Ligeti 1986, 378-379, 394.
- ²⁶ Fodor 1990, 279; Халиков 1975, 166-161. О роли нескольких рисунков в обско-угорском вопросе см. Fodor 1975, 40-41; Окладников-Мартынов, 1972.
- ²⁷ Fodor 1975, 41-42.
- ²⁸ Fodor 1975, 62-87.
- ²⁹ Fodor 1975, 87-96.
- ³⁰ Fodor 1975, 116-129.
- ³¹ Fodor 1990, 281; SzÖM 1:1, 82.
- ³² Fodor 1975, 164-165; 1990, 281.
- ³³ Róna-Tas 1978, 298-302.
- ³⁴ Mühlmann 1985, 15-16.

- ³⁵ Daim 1982, 70.
- ³⁶ Szöke 1962.
- ³⁷ Dienes 1972, 24-26.
- ³⁸ Mesterházy 1980, 36-45.
- ³⁹ Mesterházy 1980, 45.
- ⁴⁰ О литературе по этому вопросу см. Gombocz 1923, 172-191; Zsirai 1930; Vásáry 1974, 261-275; 1982, 247-257.
- ⁴¹ Vásáry 1982, 247.
- ⁴² Marquart 1924, 303. Это данное использовали также Иакут и Казвини; там же, сноска 2.
- ⁴³ Minorsky 1942, 34. Marquart и вслед за ним Zsirai могли знать лишь текст Ауфи.
- ⁴⁴ Большаков-Монгайт 1985; проблемы в рукописи: 16-28; Jurā: 47:51; исторический комментарий: 116-120. Сведение, взятое у Абу-Хамида - Казвини, к заглавному слову Jurā (Marquart 1924, 299-300).
- ⁴⁵ Lech 1968, 145.
- ⁴⁶ Zsirai 1930, 42; Vásáry 1982, 255. Оо этом изменении звуков см. Ligeti 1986, 64-71.
- ⁴⁷ Zsirai 1930, 32-33.
- ⁴⁸ Zsirai 1930, 34-44; Vásáry 1982, 250-251.
- ⁴⁹ Zsirai 1930, 46-70.
- ⁵⁰ Vásáry 1962, 251.
- ⁵¹ Zsirai 1930, 115-116, 120.
- ⁵² Vásáry 1974, 264.
- ⁵³ Vásáry 1974, 264-267.
- ⁵⁴ Vásáry 1982, 253-254.
- ⁵⁵ Zsirai 1930, 115-122.
- ⁵⁶ И в то же время неясно, почему волжские болгары заимствовали этот этноним русским посредством, ведь волжские болгары были их подчиненными, они торговали посредством народа Wisu, говорившего на финно-угорском языке, как это утверждают мусульманские авторы.
- ⁵⁷ Vásáry 1982, 255-257.
- ⁵⁸ В работе: Большаков-Монгайт 1985, 185-188.
- ⁵⁹ Критическое издание отчетов о путешествии Юлиана см. Dörtlí 1956, венгерский перевод: Györffy 1986, 61-82; немецкий перевод: Göckenjan, Sweeney 1985, 67-125; русский перевод: Аннинский 1940, 77-90.
- ⁶⁰ Литературный обзор по вопросу см. Györffy 1966, 32-34 и Ligeti 1986, 393-396.
- ⁶¹ Gombocz 1923, 1-4; SzÖM 1:2, 185-186.
- ⁶² Ligeti 1986, 390-392.
- ⁶³ Ligeti 1986, 404.
- ⁶⁴ Györffy 1986, 35-36. Рубрук писал: «То, что я рассказывал о земле башкир, я узнал от доминиканских братьев, которые отправились туда до прихода татар» (Györffy 1986, 260). Трудно ответить на вопрос: к этим ли доминиканцам принадлежал Юлиан?
- ⁶⁵ Gombocz 1923, 30-31.
- ⁶⁶ Györffy 1986, 392-393.
- ⁶⁷ Fodor 1977a, 9-20.
- ⁶⁸ Ligeti 1986, 393, 478-480.
- ⁶⁹ Györffy 1986, 33.
- ⁷⁰ Vásáry 1975, 254-273; 1977, 287-290.

- ⁷¹ Vásáry 1975, 237-254; 1977, 283-287.
⁷² Хакимянов 1986, 176; Róna-Tas 1986, 78-81.
⁷³ Martinez 1982, 125.
⁷⁴ Czeglédy MÖT, 105-112.
⁷⁵ Zimonyi 1990, 96.
⁷⁶ Minorsky 1937, 319, сноска 2.
⁷⁷ Zimonyi 1990, 148-149.
⁷⁸ Czeglédy MÖT, 18-25.
⁷⁹ Czeglédy MÖT, 118.
⁸⁰ Zimonyi 1990, 152.
⁸¹ BGA I, 225; BGA 11² 396; Czeglédy MÖT, 16-17.
⁸² Zimonyi 1990, 23-24.
⁸³ Ligeti 1986, 400.
⁸⁴ Golden 1975, 22-23, 34-35.
⁸⁵ Большаков-Монгайт 1985, 56.
⁸⁶ Yaqt I, 322-323.
⁸⁷ Togan 1939, 35-37.
⁸⁸ Ligeti 1986, 377.
⁸⁹ Ligeti 1986, 399.
⁹⁰ Ligeti, Mon, 235-236.
⁹¹ Ligeti, Mon, 243.
⁹² Ligeti, Mon. 247-248.
⁹³ Ligeti MNYTK II, 84.
⁹⁴ Ligeti MNYTK II, 84-85.
⁹⁵ Ligeti 1986, 399.
⁹⁶ Ligeti MNYTK II, 85.
⁹⁷ Ligeti, Mon. 205.
⁹⁸ Liceti MNYTK II, 82; 1986, 398.
⁹⁹ Ligeti MNYTK II 82-83.
¹⁰⁰ Ligeti MNYTK II, 84.
¹⁰¹ Ligeti 1986, 396-397.
¹⁰² Ligeti 1986, 396.
¹⁰³ Bendefy 1937, 47-50.
¹⁰⁴ Pauler 1900, 126.
¹⁰⁵ Németh 1930, 308-309.
¹⁰⁶ Ligeti, MNYTK II, 57-58. Németh в 1975 г. эту этимологию считает недействительной.
¹⁰⁷ Berta 1989, 9-10.
¹⁰⁸ Németh 1966, 35-50.
¹⁰⁹ Mándoky Kongur 1976, 41-44; 1986, 70-74.
¹¹⁰ ср. сноску 70.
¹¹¹ Berta 1989, 3-17.
¹¹² Vásáry 1985, 388.
¹¹³ Czeglédy MÖT, 158-160.
¹¹⁴ Németh 1930, 315.
¹¹⁵ Németh 1966, 48
¹¹⁶ Ligeti 1986, 400.
¹¹⁷ Ligeti 1986, 111.
¹¹⁸ Gombocz 1912.

- ¹¹⁹ Ligeti 1986, 9-30.
¹²⁰ Németh 1922, 148-155.
¹²¹ Czeglédy MÖT, 157.
¹²² Gombocz 1912, 205.
¹²³ Gombocz, 1960.
¹²⁴ Golden 1980.
¹²⁵ Róna-Tas 1982; см. в сборнике статью.
¹²⁶ Ligeti 1981, 5-18; 1986, 475-492.
¹²⁷ Ligeti 1986, 402.
¹²⁸ О происхождении волжских болгар см. Zimonyi 1990, где находятся литература по этому вопросу. В дальнейших частях главы я даю тезисное заключение о сборнике.

Литература.

- Аннинский С.А.* (1940). Исторический архив. III. АН СССР.
Аимарин Н.И. (1902). Болгары и чувашы. Казань.
Bartha A. (1984). A magyar nép őstörténete: Magyarország története. I.köt. Főszerk. Székely Gy. Bp. [Древняя история венгерского народа. т.1. Гл.ред. Секей Д.]
Bartha A. (1977). Társadalom és gazdaság a magyar őstörténetben: Éggyar őstörténeti tanulmányok. Szerk. Barcha Á., Czéglédy K., Róna-Tas A. Bp., 23-44. [Общество и экономика в древневенгерской истории. Статьи по древней венгерской истории. Ред. Барта А., Цегледи К., Рона-Таш А.]
Bendefy L. (1937). Fontes authenticæ itinera (1236-1238) fr. Juliani illustrantes. Bp.
Berta A. (1989). Új vélemény török eredetű törzsneveinkről: keletkutatás 1989 tavasz 3-17. [Новые взгляды относительно венгерских племенных названий тюркского происхождения.]
 BGA Bibliotheca Geographorum Arabicorum. I-VIII. Ed. M.J. de Goeje. Lugduni-Bataavorum 1870-1894.
Большаков О.Г., Монгайт А.Л. (1985). [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). Москва, 1971.]
Czeglédy K. MÖT. Magyar Őstörténeti tanulmányok. Bp., 1985. Magyar nyelvű cikkeink gyűjteménye. [Статьи по древней венгерской истории. Сб. статей на венгерском языке.]
Daim F. (1982). Gedanken zum Ethnosbegriff: Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien 112, 58-71.
Dienes I. (1972). A honfoglaló magyarok. Bp. [Венгры, обретшие родину.]
Dörrie Í. (1956). Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen. Die Missionreisen des fr. Julianus O.P. ins Ural-Gebiet (1234-5) und nach Russland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tataren. Göttingen.
Fodor I. (1973). Vázlatok a finnugor őstörténet régészetéből: Régészeti Füzetek. Ser. II. № 15. Bp. [Очерки по археологии финно-угорской древней истории. Археологические тетради, серия II, № 15.]
Fodor I. (1975). Verlékl híres utján. A magyar nép őstörténete és a honfoglalás. Bp. Angol fordítása: I. Fodor, In Search of a New Homeland. Bp. 1982; német ford.: Die grosse Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Bp., 1982. [На знаменитом пути к Верецкому перевалу.]
Fodor I. (1977). Bolgár-török jövévenyszavaink és a régészet: Magyar Őstörténeti tanulmányok. Szerk. Bartha A., Czéglédy K. Róna-Tas A. Bp., 79-114. [Болгаро-тюрк-

- ские заимствования в венгерском языке и археология. Статьи по древней венгерской истории. Ред. Барта А., Цегледи К., Рона-Таш А.]
- Fodor I.* (1977a). Ou le dominicain Julien de Hongrie trouva-il les Hongrois de l'Est?: *Studia Archeologica* VI. Bp.
- Fodor I.* (1982). On Magyar - Bulgar-Turkish Contacts: *Chuvash Studies*. Ed. A. Róna-Tas. Bp., 45-81.
- Fodor I.* (1990). A régészeti kutatások félszázados történetéről: *Magyar Tudomány* 1990: 3, 276-282. [О полувековой истории археологических исследований.]
- Golden P.B.* (1975). The people Nukarda: *АЕМАе* I., 21-35.
- Golden P.B.* (1980). *Khazar Studies. An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars*. I-II. Bp.
- Gombocz Z.* (1912). *Die bulgarisch-türkischen Lehwörter in der ungarischen Sprache*. Heilsingfors.
- Gombocz Z.* (1923). A magyar őshaza és a nemzeti hagyomány: *Nyelvtudományi Közlemények* 46, 1-33, 163,193. [Венгерская прародина и национальная традиция.]
- Ñöckenjan H., Sweeney J.S.* (1985). *Der Mongolensturm. Beächte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235-1250*. Graz-Wien-Köln.
- Györffy Gy.* (1948). *Krónikáink és a magyar őstörténet*. Bp. [Венгерские хроники и древняя венгерская история.]
- Györffy Gy.* (1986). *Julianus barát és a Napkelet fölfedezése*. Bp. [Монах Юлиан и открытие Востока.]
- Hajdú P., Domokos Đ.* (1978). *Uráli nyelvrokonaink*. Bp. [Наши уральские родственные языки.]
- Hakimzjanov F.S.* (1986). *New Volga Bulgarien Inscriptions*: *АОН* 40. 173-177.
- Halikov A.H.* (1975). A középső Volga-vidék és a finn-ugor őstörténet: *Vizimadarak népe*. Szl'rk. Gulya J. Bp. 163-191. [Некоторые вопросы этнической истории: Древняя история Среднего Поволжья. Москва, 1969, 370-390.]
- Harmatta J.* (1977). *Irániai és finnugorok, irániai és magyarok: Magyar Őstörténeti tanulmányok*. Szerk. Bartha A., Czeglédy K., Róna-Tas A. Bp., 167-132. [Иранцы и финно-угры, иранцы и венгры. Исследования по древней венгерской истории. Ред. Барта А., Цегледи К., Рона-Таш.]
- László Gy.* (1971). *Őstörténetünk legkorábbi szakaszai. A finnugor őstörténet régészeti emlékei a Szovjetföldön*. Bp. [Наиболее ранние периоды древней венгерской истории. Археологические памятники финно-угорской древней истории в С[в]етском Союзе.]
- Lech K.* (1968). *Das mongolische Weltreich. Al-'Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masalik al-absar fi mamalik al-amsar*. Wiebcaden.
- Ligeti L.* (1943). *Előszó: R[é]z uráli magyar őshaza: A magyarság őstörténete*. Szerk. Ligeti L. Bp. [Предисловие: Уральская венгерская прародина. Древняя история венгров. Ред. Л. Лигети.]
- Ligeti, Mon.* *Histoire secrete des Mongols*. Ed. L. Ligeti. *Monumente Linguae Mongolicae* I. Bp., 1971.
- Ligeti MNYTK II. Ligeti I.* *A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van*. Bp., 1979. *Magyar nyelvű cikkeinek gyűjtémenye*. [Тюркские связи венгерского языка и всё, что окружает их. Сб. статей на венгерском языке.]
- Ligeti L.* (1981). *The Kaazarian Letter from Kiev and its Attestation in Runiform Script: Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae* 31. 5-18.

- Ligeti L.* (1986). A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Вр. [Тюркские связи венгерского языка до приобретения родины и в эпоху Арпадов.]
- Mándoky Kongur I.* (1976). Magyar eredetű törzsak a baskiroknál: Tiszatáj 30 (1976), 41-44. [Племена венгерского происхождения у башкир.]
- Mándoky Kongur I.* (1986). Jenő és Yanäy: Keletkutatás 1986 tavasz 70-74. [Jenő и Yanäy.]
- Marquart J.* (1924). Ein arabischer Bericht über die arkti-schen (uralischen) Lander aus dem 10. Jahrhundert: Ujb.4., 261-334.
- Martinez A.P.* (1982). Gardizi's Two Chapters on the Turks: AEMAe 2, 109-217.
- Mesterházy K.* (1980). Nemzeti szervezete és az osztályviszonyok kialakulása a honfoglaló magyarságnál. Вр. [Формирование родовой организации и классовых отношений у венгров, обретших родину.]
- Minorsky V.* (1937). Hudud al-'Alam The Regions of the World A Persian Geography 373 A.H. -982 A.D. Translated and explained by V. Minorsky. London.
- Minorsky V.* (1942). Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text with an English translation and commentary by V. Minorsky. London.
- Mühlmann W.E.* (1985). Ethnogenie und Ethnogenese. Teoretisch-ethnologische und ideologiekritische Studien: Studien zur Ethnogenese. Bd. I. Opladen.
- Németh Gy* (1930). A honfoglaló magyarság kialakulása. Вр. [Формирование венгров, обретших родину.]
- Németh Gy.* (1966). Magyar törzsnevek a baskiroknál: Nyelvtudományi Közlemények 68, 35-50; [Вариант на немецк. яз.]: Németh J. Ungarische Stammennamen bei den Baskiren: Acty Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae 16 (1966), 1-21. [Венгерские названия племен у башкир.]
- Németh J.* (1975). Türkische und ungarische Ethnonyme: UAJb. 47. 154-160.
- Окладников А.П., Мартынов А.И.* (1983). Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. Изд. «Искусство». М., 1972.
- Pauler Gy.* (1900). A magyar nemzet története Szent Istvánig. Вр. История венгерской нации до Св.Иштвана.]
- Róna-Tas R.* (1978). A nyelvrokonság. Kalandozások a történeti nyelvtudományban. Вр. [Языковое родство. «Набеги» в историческом языкознании.]
- Róna-Tas R.* (1982). A kazár néprévről: Nyelvtudományi Közlemények 84. 349-380. [Об этнониме «хазар».]
- Róna-Tas R.* (1986). R magyar népnév Ígő 1311-es volgai bolgár sírfeliraton; Magyar Nyelv 82. 78-81. [Этноним «magyar» на одной волжской болгарской надгробной надписи 1911 г.]
- Somogyi S.* (1984). Történeti földrajzi bevezető: Égyarország története. I. köt. Főszerk. Székely Gy. B. [Историко-географическое введение. История Венгрии, т.1. Гл.ред.-Секей Д.]
- Szőke Ái* (1962). A honfoglaló és kora Árpád-kori magyarság régészeti emlékei: Régészeti Tanulmányok I. Археологические памятники венгров в период обретения родины и эпоху Арпадов. Археологические статьи.]
- SzÓM.* Bevezetés s magyar őstörténet kutatásának forrásaiba. Szerk. Hajdu P., Kristó Gy., Róna-Tas A. I-IV. Вр., 1976-1982. [Введение в источники по исследованию древневенгерской истории. Ред. Барта А., Цегледи К., Рона-Таш А.]
- Szücs J.* (1984). Nemzet és történelem Вр. Нация и история.]
- Togan A.Z.V.* (1939) Ibn Fadian's. Reisebericht. Leipzig.

- Vásáry I.* (1974). A jezsuita Cseles Márton és a Julianusjelentés (Magna Hungaria- és a Jugria-kérdés történetéhez): Középkori Kútfőink kritikus kérdései. Вр., 261-275. [Езуит Мартон Челеш и отчет Юлиана. (К истории вопроса Magna Hungaria и Jugria); Критические вопросы венгерских средневековых источников.]
- Vásáry I.* (1975). The Hungarians or Možars and the Meščers Mišers of the Middle Volga Region: AEMАe 1. 237-275.
- Vásáry I.* (1977). Ő Volga-vidéki magyar töredék a mongol kor után: Magyar őstörténeti tanulmányok. Szerk. Bartha A., Czeglégy K., Róna-Tas A. Вр., 283-290. [Венгерские остатки в Поволжье после монгольской эпохи. Статьи по древней венгерской истории. Ред. Барта А., Цегледи К., Рона-Таш А.]
- Vásáry I.* (1982). The «Yugria» Promlem: Chuvash Studies, Ed. A. Róna-Tas. Вр., 247-257.
- Vásáry I.* (1985). A baskir-magyar kérdés nyelvi vetületben. Nyelvtudományi Közlmények 87. 369-388. [Башкиро-венгерский вопрос в языковой проекции.]
- Wenskus R.* (1961). Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes. Köln-Wien.
- Yakut al-Rurni, Mu'djam al-buldain.* 1-5. Dar Sader. Beirut, 1979.
- Zimonyi I.* (1988). Ligeti Lajos magyar őstörténeti koncepciója: Századok 122. 216-221. [Концепция древней венгерской истории Лайоша Лигети.]
- Zimonyi I.* (1990). The Origins of the Volga Bulghara. Studia Uralo-Altaica 32. Szeged.
- Zsirai M.* (1930). Jugria. Finnugor néprnevek I. A Magyar Nyelvtudományi Társaság kiadványai 174. Вр., 1985. [Финно-угорские этнонимы. Издания Венгерского Лингвистического Общества.]

Александр Комар

Горизонт Столбище - Старокорсунская и некоторые проблемы возникновения салтовской культуры

Несмотря на сравнительно неплохую изученность салтовской культуры степень решенности одного из ключевых вопросов - хронологии салтовских древностей - пока остается неудовлетворительной. Особенно остро стоит проблема нижней хронологической границы, которая в последнее время всё чаще привлекает внимание различных исследователей, демонстрируя явную тенденцию к удревнению общепринятых датировок С.А.Плетневой. К сожалению, большинство попыток опустить дату салтовских древностей бассейна Северского Донца до рубежа VII-VIII вв. крайне поверхностны и построены на методах, далеких от методов хронологии. Исключение составляют взгляды О.В.Пархоменко, которая занималась именно вопросами хронологии, но концепция исследовательницы осталась неопубликованной, поэтому только судя по отрывочным упоминаниям (Иченская, 1982, с. 144-146; Пархоменко, 1985, с. 137-139), можно установить, что основанием для столь ранней даты стали лишь находки ранних монет в катакомбах Верхнесалтовского могильника. Наиболее серьёзным на сегодняшний день хронологическим исследованием следует признать раздел из книги С.А.Плетневой, посвященной Дмитриевскому комплексу (Плетнева, 1989). Исследовательницей выделены три группы комплексов, но аргументация их относительной и абсолютной датировки, как ни странно, практически отсутствует. В результате совершенно непонятна уверенность С.А.Плетневой, считающей наиболее поздними комплексы с наиболее ранними вещами (Плетнева, 1989, с. 169-170). Нижняя же хронологическая граница салтовских древностей определена далеко не археологическим методом. По мнению исследовательницы, разделяющей гипотезу о появлении алан в бассейне Северского Донца после похода Мервана 737 г., первые поселения и могильники должны были возникнуть в этом регионе в 50-х - 60-х гг. VIII в. (Плетнева, 1989, с.168-169). Причина нынешнего кризиса, на наш взгляд, заключается в построении хронологической шкалы сверху вниз, отталкиваясь от хорошо изученного горизонта салтовских древностей IX в. и в уверенности исследователей в отсутствии надежно выделенного горизонта первой половины VIII в., перерастающего в салтовские древности. Такое впечатление возникает через отсутствие специально посвященных этому вопросу работ номадистов, восполнить этот пробел призвана настоящая статья.

Изучение кочевнических комплексов второй половины VII - первой четверти VIII вв. с территории Северного Причерноморья позволило нам решительно поддержать концепцию А.И.Айбабина (Айбабин, 1985, с. 196-202) о связи с хазарами выделенной исследователем перещепинской культуры и о сложности последней, отражающей социальную и этническую неоднородность

хазарского населения.* Было выделено три основные социальные группы: 1) погребения правителей и высшей знати (Перещепин, Вознесенка, Глодосы, Ясиново, Келегеи, Новые Санжары и т.п.); 2) погребения родовой знати (комплексы арцибашевского типа - мужские: Арцибашево, Виноградное к.5, Белозерка, хут. Крупской, Уч-Тепе и т.п.; женские: Морской Чулек, Новопокровка, Уфа, Джигинская); 3) погребения рядового населения (тоже с развитой имущественной стратификацией) - большой массив преимущественно подбойных погребений, ориентированных на СВ, с поясными наборами геральдического стиля. С проживанием хазар в Северном Причерноморье связано и появление аланских гончарных центров в Канцирке и Мачухах. Общая дата комплексов - вторая половина VII - первая четверть VIII вв., северопричерноморских - несколько уже - последняя четверть VII - первая четверть VIII вв. Из опубликованных или частично опубликованных комплексов к рубежу VII-VIII вв. могут быть уверенно отнесены курган 5 из Виноградного, Арцибашево, Портовое, к первой четверти VIII в. - Вознесенка, Глодосы, Ясиново, Романовская, Новые Санжары, могила I из Новогригорьевки, Яблоня, Сивашское. Поясные наборы геральдического стиля бытуют максимум до начала VIII в., после чего сменяются пока еще малоизученными переходными постгеральдическими. Степные рядовые погребения этого горизонта для Восточной Европы пока представлены только тремя полностью опубликованными комплексами. Впускное погребение кургана 5 группы 1 у с. Заплавки (Днепропетровская обл.) (Шалобудов, 1983) наиболее полно. Две железные пряжки квадратной и трапециевидной формы редкостны в комплексах VII в., зато чрезвычайно распространяются в более позднее время. Квадратная пряжка имеет две соединённые штифтами в петли полоски вместо щитка (рис.1, 23), которые находят отдаленные аналогии в пряжках VII в. (Айбабин, 1990, рис.39, 7; рис.46, 2, 3), но дату комплекса определяют восьмеркообразные стремяна и меч с прямым перекрестьем, характерным для следующего горизонта Столбище-Старокорсунская (Шалобудов, 1983, рис. 1, 2, 3). Следует отметить, что набор бляшек в этом погребении и в других комплексах горизонта первой четверти VIII в. сложно разделить на сбруйный и поясной, поэтому мы условно будем говорить о «наборе бляшек». Из погребения происходят 9 бронзовых посеребренных накладок круглой (рис.4, 14) и серповидной формы (рисунка нет), две бляшки в форме прямоугольника со скругленным нижним концом - одна гладкая (Шалобудов, 1983, рис.1, 8), другая декорирована по краю бордюром из выпуклых «жемчужин» (рис.2, 3), а также три накладки щитовидной формы, декорированные углубленными подковообразными линиями (рис.2, 7). Другое погребение происходит из разрушенного в 1899 г. кургана у с.Бабичи (Черкасская обл.) (Корзухина, 1996, с.358, таб.3, 2-18). Сохранились 11 серебряных выпуклых бляшек круглой формы (рис.4, 14), 3 сердце-

*Настоящая статья является продолжением статьи «Ранні хозари у Північному Причорномор'ї (постановка проблеми)», принятой к публикации редакцией журнала «Археологія» (Киев).

видных бляшки (рис.4, 18), одна трехлопастная (рис.4, 19), одна бляшка трапециевидной формы со скругленным нижним концом (рис.2, 2) и одна бляшка щитовидной формы, декорированная подковообразным углублением с выпуклыми «жемчужинами» внутри (рис.2, 1). Погребение 5 кургана 3 могильника Быково П (Смирнов, 1960, с.229; рис.22, 8-15) расположено в Нижнем Поволжье. Из него происходят 6 маленьких круглых бляшек из серебристого сплава с рубчатым ободком (рис.4, 3), одна такая же, но в виде розетки (рис.4, 9), 3 круглые слегка выпуклые бляшки из меди (рис.4, 12), медная сердцевидная бляшка (рис.4, 21), медная бляшка прямоугольной формы со скругленным нижним концом (рис.2, 5) и такая же щитовидной формы (рис.2, 4). Бляшка из Заплавки, декорированная бордюром из «жемчужин» (рис.2, 3) точных аналогий не имеет - отдалёнными аналогиями можно считать бляшки из погребения близ обсерватории Улугбека в Самарканде (Распопова, 1980, рис.68, 3, 5) и из Камунты (Амброз, 1971 а, рис.6, 24). Сердцевидная бляшки из Быково и Бабичей (рис.4, 18, 21) находят аналогии в поясных наборах из Самарканда и тюркского погребения в Чуйской долине (Распопова, 1965, рис.1, 10, 33). Круглые гладкие бляшки были в могиле 9 из Кудыргэ (рис.4, 8), бляшки-розетки - в этой же могиле (рис.4, 6), в могиле 11 (рис.4, 4), в Вознесенке и др.. Щитовидной бляшке из Быково (рис.2, 4) близки бляшки из кудыргинских могил 9 и 10 (рис.2, 13), Чир-Юрта (рис.2, 12), щитовидным же бляшкам из Заплавки и Бабичей - бляшка из могилы 11 (рис.2, 6), в этой же могиле было и восьмеркообразное стремяно (Гаврилова, 1965, таб.ХІХ, 22). Еще более выразительный комплекс этого горизонта - катакомба 29/1985 могильника Клинья-Яр III на Северном Кавказе, имеющая настолько хазарский облик инвентаря, что возникают сомнения в аланском этносе погребенного. Серебряные наконечники (Флеров, 1997, рис.5,1-8) хорошо представлены в комплексах последней трети VII в., среди хазарских они были в Уч-Тепе (Иессен, 1965, рис.31). Практически идентичные пирамидальные сережки с шариком на конце (Флеров, 1997, рис.5, 23) известны в Арцибашево (Монгайт, 1951, рис.45, 12). Костяные накладки лука (Флеров, 1997, рис.3, 4-10) - характерны для большинства хазарских погребений последней четверти VII- первой четверти VIII в.. Восьмеркообразные стремяна (Флеров, 1997, рис.4, 9-10) по форме очень близки стремяни из кургана 5 могильника Катанда II (Гаврилова, 1965, рис.8, 1). Обрывки кольчужной ткани (Флеров, 1997, рис.4, 7) встречаются для этого времени практически только в хазарских комплексах (Вознесенка, Новые Санжары, Чир-Юрт, Столбище и др.). Наконец, только в степных комплексах находят аналогии серебряные бляшки из катакомбы - это круглые гладкие слегка выпуклые бляшки (рис.4, 15), трехлопастная бляшка (рис.4, 22), прямоугольные бляшки с четырьмя штифтами по углам и прорезью в центре (рис.3, 2), а также квадратные бляшки с четырьмя штифтами, но без прорези (рис.3, 11). Два первых типа бляшек находят аналогии в уже описанных выше комплексах. Два других сочетаются в подкурганном погребении 1928 г. из Тепсеня (рис.3, 3; рис.4, 16), но золотая бляшка с прорезью была и в более раннем комплексе из Перещепина (рис.3, 1). Как видим, горизонт первой четверти VIII в., хотя и характеризуется некоторым своеобразием инвентаря, все

же является переходным, объединяя в себе признаки горизонта второй половины VII в. и горизонта Столбище-Старокорсунская.

В этом горизонте еще нет явных признаков начала сложения элементов салтовской культуры. Ключевым комплексом переходного этапа является, к величайшему сожалению, только словесно описанный комплекс из Большой Орловки (Косяненко, 1983). Судя по описанию, наряду с бляшками Вознесенского типа, в комплексе уже были аркообразные стремена, а также удила с S-видными стержневыми псалиями и псалиями, концы которых оформлены в виде стилизованных конских головок. Также следует отметить серебряный поясной наконечник в виде прямоугольной пластины с закругленным нижним краем и двумя петельками вверх, украшенный растительным орнаментом (Косяненко, 1983, с.114). По совокупности вещей комплекс датируется второй четвертью VIII в. Этой дате не противоречит и золотой солид Тиберия III (695-705 гг.) из комплекса, использовавшийся как подвеска. Комплексы из Вознесенки, Глодос, Новогригорьевки (могила I), Большой Орловки связаны с обрядом трупосожжения. Погребения из Романовской, Заплавки, Быково и Клинь-Яра ориентированы в западном полушарии. Полное исчезновение на протяжении первой четверти VIII в. рядовых погребений с северо-восточной ориентации, на первый взгляд, свидетельствует о резкой смене населения в степи, но это не совсем так. Практически полный набор признаков, характерных для хазар, мы встречаем только на одном памятнике - Борисовском могильнике. Ранняя часть могильника представлена преимущественно ингумациями с различной ориентацией, но все же преобладает северо-восточный сектор. Из нее происходит полный набор деталей геральдических поясных наборов хазарской группы 3 и поясной наконечник с грануляцией, характерный для группы 2, а также характерные костяные подпружные пряжки кудыргинского типа и ножны с P-образными выступами (Саханев, 1914, рис. 19-22; таб.1). В этой же части могильника обнаружены два трупосожжения в каменных гробницах (№28, 47), ориентированных на СВ, с пряжками, имеющими V-образную рамку, которые подтверждают синхронность этих погребений остальной массе (Саханев, 1914, с.84-85, 93; рис.20, 16, 17). К сожалению, могильник раскопан не сплошной площадью, но всё же имеющиеся данные позволяют утверждать плавную смену обряда трупоположения трупосожжениями, которые полностью преобладают в позднейшей части могильника. Преобладающая ориентация каменных гробниц - С-Ю, но значительный процент составляет и СВ - ЮЗ. Поздняя часть могильника показывает наличие аналогий погребальному обряду группы хазарских комплексов первой четверти VIII в. (Вознесенка, Глодосы, Новогригорьевка. Большая Орловка) - обряд трупосожжения, наличие поминальных комплексов в виде обожженных и поврежденных деталей конского снаряжения и оружия. Инвентарь из трупосожжений небогат и, преимущественно хронологически малоинформативен, но все же дает интересную информацию. Погребение 138 - сожжение в гробнице с ориентацией на СВ. Из него происходит коленчатый кинжал с перекрестьем, имеющим ромбовидные выступы по центру и на концах (рис.4,

31). Коленчатые кинжалы уникальны для Восточной Европы. Они представлены только в Глудосах, Вознесенке (Амброз, 1986, рис.4, 10, 11), с меньшим углом наклона и изогнутым лезвием - в хазарских комплексах Чир-Юрта (Магомедов, 1983, рис.22, 4-7) и, наконец, наиболее поздний экземпляр - в салтовском комплексе из Тополь (рис.4, 32). Аналогии же к борисовскому перекрестью можно найти только в перекрестьях мечей и кинжалов из Перещепина, Глудос и Вознесенки. Такие же два перекрестья происходят из борисовских погребений 94 и 134 (рис.4, 24). Концевые выступы на борисовских перекрестьях уже не ромбовидные, как в Перещепине и Глудосах, а приближающиеся к сердцевидной форме, что сближает их с Вознесенскими. В погребении 134 следует отметить также наличие кольчуги, известной в Вознесенке, Новых Сан-жарах, Чир-Юрте, Столбище а также Дюрсо. В Столбище и Дюрсо можно найти аналогии и шлему, остатки которого были в погребении 134 (Саханев, 1914, с. 118). Дата погребения 138 определяется также по пряжке типа «Сиракузы» (рис.1, 16). Бытование таких пряжек в Крыму А.И.Айбабин ограничил VII в., но от классических пряжек этого типа борисовская отличается конструкцией язычка, который очень близок пряжке из погребения 141 (рис.1, 17). Последняя пряжка отнесена А.И.Айбабиным к типу 5 и датирована первой половиной VIII в. (Айбабин, 1990, с.43). В склепе 1/1907 из Узень-Баша обе пряжки встречены вместе, причем язычок пряжки «Сиракузы» идентичен пряжке погребения 138 из Борисово (Айбабина, 1993, рис-V, 4). Учитывая это, погребение 138 следует отнести к первой четверти VIII в., что хорошо согласуется с датой кинжала, погребение же 141 датируется несколько шире - первая половина VIII в. Первой четвертью VIII в. по сережке в виде полого шарика, украшенного зернью (Саханев, 1914, таб.V, 9), следует датировать и погребение 109. Аналогичная сережка найдена в погребении 89 из Дюрсо (Дмитриев, 1979, рис.2, 24). Возможно, концом первой - второй четвертью датируются погребения 94 и 134. Описание стремян из поминального комплекса 134 отсутствует, но, судя по суммарному описанию В.Саханева (Саханев, 1914, с. 144-145), все стремяна могильника были однотипны, т.е. характерными салтовскими аркообразными. Перекрестье из погребения 103 (рис.4, 23) уже сильно отличается от перекрестий из погребений 94 и 134 - концевые выступы исчезли, центральный же ромбовидный выступ сильно стилизован, что датирует погребение 103 не ранее второй четверти VIII в. Выразительные материалы конца VIII в. на могильнике (без учета курганов) отсутствуют, что, возможно, ограничивает время функционирования могильника последней третью VII - третьей четвертью VIII вв. Однако Борисовский могильник более важен для нас не в плане хронологии. Он наглядно иллюстрирует смену в конце VII - начале VIII вв. трупоположений с северо-восточной ориентацией обрядом трупосожжения. Трудно сказать, связано ли это с многочисленными религиозно-идеологическими экспериментами хазарских правителей, или с иными причинами, но налицо сосуществование на протяжении VIII-IX вв. у хазар по крайней мере двух групп населения, оставивших подкурганые погребения с квадратными ровиками и западной ориентацией погребенного и могильника с обрядом кремации.

Если комплексы первой - начала второй четвертей VIII в. довольно разнородны, следующий горизонт уже представлен группой погребений с унифицированным набором признаков. Впервые его выделил А.К.Амброз, но, поскольку на то время еще не были открыты ключевые для понимания всего горизонта комплексы, исследователь посчитал его не хронологическим горизонтом, а специфическим кавказским вариантом памятников, синхронных салтовским, хотя кроме кавказских (Песчанка, Султановское, Хазнидон и др.) тот же поясной набор вмещал комплекс из Столбища (Столбицы) и две катакомбы Дмитриевки (Амброз, 1971б, с.130-131, рис.13). Позже были открыты аналогичные подкурганые погребения в Веселовском могильнике (Мошкова, Максименко, 1974, с.45-48), в могильнике «Кривая Лука» (Федоров-Давыдов, 1984, с.80-94) и целый грунтовой могильник у ст. Старокорсунской (Каминский, 1984; 1987), отдельные погребения - курган 4 группы I у Астахове (Евдокимов, Симоненко, Загребельный, 1975, с.11-12), погребение 1 кургана у с. Обозное (раскопки Б.А.Антоненко и Л.Г.Самойленко, в настоящее время готовится полная публикация комплекса), курган 27 у с.Барановка и курган 7 группы Петру -нино IV (Круглов, 1992, с. 176-183), опубликовано подкурганное погребение 1928 г. из Тепсея (Баранов, 1990, с. 121-123); этот же горизонт для памятников Крыма был описан и датирован А.И.Айбабиным (Айбабин, 1982; Айбабин, 1993). Хотя с вычетом крымских количество погребений горизонта пока относительно невелико, мы все же постараемся дать суммарную характеристику основных признаков группы погребений, условно названной «хазарской». Поскольку крымские комплексы охарактеризованы А.И.Айбабиным довольно детально, это избавляет нас от необходимости повторяться в случае наличия крымских аналогий. Дмитриевский могильник уже суммарно описан С.А.Плетневой (Плетнева, 1989), поэтому будет рассмотрен отдельно.

I. Пряжки.

Шарнирные пряжки с сегментовидной рамкой, язычком с выступом-ограничителем на заднем конце и щитком с растительным декором (рис. 1, 1-5) описаны А.И.Айбабиным, но, к сожалению, исследователь не дал этому типу пряжек названия. На наш взгляд, этот тип можно назвать «Тепсень» по пряжке, наиболее ярко отражающей сочетание византийской конструкции и хазарских орнаментальных мотивов. А.И.Айбабин разделил пряжки этого типа на 4 варианта, но создается впечатление, что первоначально исследователь выделил только два варианта (Айбабин, 1993, с.122). Последнее кажется нам более верным, поскольку наличие орнаментации рамки -это признак лишь для разделения пряжек внутри варианта. Вариант 1а (вариант 1 по Айбабину) - пряжки с неорнаментированной рамкой и длинным щитком с орнаментом в виде пальметты или другим. В хазарских комплексах пока представлен только один экземпляр из Тепсея (рис.1, 1). Вариант 1 б (вариант 2 Айбабину) отличается наличием орнаментации рамки, в комплексах хазарской группы пока неизвестен. Вариант 2а (вариант 3 по Айбабину) - пряжки с неорнаментированной рамкой и более ко-

ротким щитком (рис. 1, 4, 5). Пряжки варианта 2а хазарской группы несколько специфичны - щиток ажурный, имеет форму узкой рамки, пространство внутри которой заполнено растительной композицией; выступ-ограничитель пряжки из Веселовского могильника инкрустирован стеклянной вставкой, а пряжки из кургана 5 Кривой Луки - орнаментирован. Ажурный щиток и у пряжки из Хазнидо-на (Кузнецов, 1962, рис. 6, 7). Но наиболее ранняя находка пряжки этого типа - щиток из кургана 82 Чир-Юрта (рис. 1, 6) по орнаментации щитка очень близка пряжке из Тепсея. Вариант 2б (вариант 4 по Айбабину) - с орнаментированной рамкой - пока неизвестен в комплексах хазарской группы.

Пряжки типа «Старокорсунская» - наибольшая коллекция пряжек происходит из могильника у ст. Старокорсунской. Вариант 1а - пряжки с сегментовидной рамкой и несколько удлинённым полуовальным неподвижным щитком, который крепился к ремню тремя штифтами; язычок польей, трехгранный в сечении, на заднем конце имеет выступ-ограничитель (рис. 1, 9, 10). Пряжки встречены в погребениях № 1, 58, 63 из Старокорсунской, также в Крыму (склеп 394 из Скалистого (Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 64, 33)). Пряжка этого же варианта, но типологически более поздняя, известна в Обозном (рис. 1, 7). Близкая аналогия пряжкам варианта 1а известна в кургане 5 из Катанды П (рис. 1, 12), отдаленная (возможно, прототип) в Вознесенке (рис. 1, 11). Вариант 1б отличается наличием орнаментации рамки и щитка пряжки (рис. 1, 13, 14, 19). Известны три экземпляра из погребений № 8 и 47, а также из разрушенного погребения в Старокорсунской. Похожие пряжки происходят также из склепов 220 и 290 Эски-Кермена (Айбабин, 1993, рис. 4, 13, 16). Пряжки варианта 2 имеют не сегментовидную, а трапециевидную рамку (рис. 1, 15). Один экземпляр происходит из погребения № 42 Старокорсунской, известны также в Крыму (склеп 767 Скалистого (Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 119, 4)). Орнаментированные пряжки варианта 2 нам пока не известны.

Поздний дериват пряжки типа «Сиракузы» происходит из погребения 14 могильника у ст. Старокорсунской (рис. 1, 21). Поскольку аналогий пряжке нам найти не удалось, неясно, следует ли выделять её в отдельный вариант, или считать оригинальным экземпляром. Также, очевидно, поздним дериватом пряжек VII в. с В-образной рамкой является пряжка из кургана 6 Веселовского могильника (рис. 1, 8). Близкая аналогия известна из Самаркандского музея, но она не датирована (Распопова, 1980, рис. 61, 10).

Амулетообразные пряжки треугольной формы с роговидными выступами на углах (рис. 1, 28). Происходят из погребений № 1, 36, 61 Старокорсунской, погребений № 13, 40 из Чир-Юрта (Ковалевская, 1981, рис. 1, 8-9), а также из Верхнесалтовского могильника (Плетнева, 1967, рис. 44, 65-66).

Пряжки с овальной рамкой и трапециевидным щитком в виде узкой рамки; язычок только слегка перекрывает рамку (рис. 1, 20, 24-26). Представлены в кургане 6 Веселовского могильника, кургане 7 могильника Петрунино IV, погребении № 39 из Старокорсунской, катакомбе 143 Дмитриевки. Аналогичные пряжки известны в Пенджикенте в слое первой четверти VIII вв. (Распопова, 1980,

рис. 61, 4-7). Такая же пряжка, но с полуовальным щитком, была в погребении № 11 из Тепсеня (Баранов, 1990, рис.44, 5). Язычок пряжки из погребения № 50 Старокорсунской несколько длиннее, также значительно длиннее, чем у тепсеньской, щиток (Каминский, 1984, рис.7, 4).

Пряжки с сегментовидной, заостренной на переднем конце рамкой (обычно называется «треугольной») и фигурным щитком с растительным орнаментом (рис.1, 29)(Старокорсунская, погребения № 11, 22) только появляются в этом горизонте и распространяются в более поздних салтовских комплексах. Известны в Верхнесалтовском могильнике (Плетнева, 1967, рис. 44, 9), Дмитриевке (рис.1, 30 -тип 8 по С.А.Плетневой) и др..

П. Детали поясных наборов.

Прямоугольные накладки с прорезью по центру. Вариант 1 - сделаны из серебряной или золотой пластины, имеют по углам четыре штифта, крепившие накладку к ремню (рис.3,1-4). Были в Перещепине, катакомбе 29/1985 из Клиньяра, подкурганном погребении из Тепсеня, в кургане 6 Веселовского могильника (Мошкова, Максименко, 1974, с.48), Столбище. Сюда же отнесена накладка с двумя штифтами из грунтовой могилы № 11 Тепсеня (Баранов, 1990, рис. 44, 7) и бронзовая накладка квадратной формы из погребения № 8 Старокорсунской (рис.3, 5). Вариант 2 - бронзовые литые накладки прямоугольной формы, иногда с двумя штифтами (рис.4, 1). Происходят из кургана 4 группы «Четыре Брата», погребения № 89 Су-хогомольпанского могильника, комплекса из Пятницкого (Михеев, 1985, рис.7, 18; рис.12, 4), широко представлены в Дмитриевке (тип 1 по С.А.Плетневой). В комплексах интересующего нас горизонта накладки варианта 2 не известны, но здесь описаны чтобы не возникло путаницы с накладками варианта 1. В Крыму они встречаются в комплексах первой половины IX в. (Айбабин, 1993, рис.2, 39). Вариант 3 - ажурные литые серебряные накладки с растительным декором (рис.3, 7-9). Две накладки происходят из кургана 6 Веселовского могильника и три из Обозного. Отдаленно похожая - из склепа 767 Скалистого (рис.4, 10).

Серебряные и бронзовые накладки с прорезью внизу бляшки. Вариант 1 - бляшки прямоугольной или слегка подтрапециевидной формы, декорированные завитками (рис.3,17,18). Происходят из погребений № 1, 35, 63 и разрушенных погребений Старокорсунского могильника. Аналогичные накладки, но без декора, характерны для тюркского поясного набора VIII в.. Они были в уже упоминавшемся кургане 5 из Катанды II (рис.3, 19), в слое середины VIII в. Пенджикента (Распопова, 1980, рис.63, 1, 3). Вариант 2 - бляшки фигурной подтрапециевидной формы с растительным орнаментом (рис.3, 14-16). Известны в Столбище, катакомбах 52 и 143 Дмитриевки, Песчанке (ОАК за 1898 г., рис.37), Султановском (ОАК за 1900 год, рис.125). Вариант 3 - бляшки полукруглой формы с растительно-геометрическим декором (рис.3, 22). Являются характерным признаком горизонта, но в комплексах хазарской группы пока не встречаются. Находки происходят из аланских (Песчанка п.8, Хазнидон и др.) и крымских комплексов (Крюковско-Кужновский могильник, м.343; Эски-Кермен, склеп 339,

Скалистое, склеп 364). Похожие бляшки характерны для синхронных тюркских поясных наборов, в Пенджикенте (рис.3, 21) они найдены в слое середины VIII в. (Распопова, 1980, рис.63, 4-7). Вариант 4 - пряжкообразные накладки с прямоугольной рамкой и неподвижным (Столбище) или подвижным (Старокорсунская, п. 14) щитком удлиненной полуовальной формы с растительным или геометрическим декором (рис.3, 24, 25). Ближайшая аналогия - пряжка из Верхнесалтовского могильника (рис.3, 34), но пряжки такой схемы в салтовской культуре просто неизвестны. На наш взгляд, в данном случае накладка от поясного набора была позже или переделана мастером под пряжку, или же взята как образец. Бляшка этого же варианта найдена в погребении 50 из Суук-Су (рис.3, 20). Вариант 5 отличается от предыдущего меньшими размерами и ажурным или просто фигурным щитком (рис.3, 27-30). Известны два близких экземпляра из кургана 5 из Кривой Луки и погребения 8 Старокорсунской, несколько отличны бляшки из катакомб 3, 22, 119 Дмитриевки, склепа 6 из Аромата (Айбабин, 1993, рис.8, 6). Вариант 6 являет собой как бы сдвоенную бляшку варианта 4 (рис.3, 23, 26). Один экземпляр происходит из погребения 50, другой из разрушенного погребения Старокорсунского могильника, аналогии есть в катакомбах 54, 55 Дмитриевки, Верхнесалтовском могильнике и склепе 767 Скалистого. Вариант 7, к сожалению, представлен только одним экземпляром из разрушенного погребения Старокорсунского могильника (рис.3, 33). Бляшка по форме уже напоминает более поздние характерные салтовские бляшки и может считаться переходным вариантом.

Соединительные детали дополнительных ремней. В литературе нет единого названия для этих деталей, что обусловлено сложностью их формы, поэтому мы просто назовем их подвесками. Вариант 1а-двусоставные подвески с трапециевидной рамкой на одном конце и кольцом с ушком, крепившемся при помощи шарнира к основе, - на другом (рис.3, 48, 58). Происходят из Обозного, погребения № 15 Старокорсунского могильника и подъёмного материала Цариного городища (т.е. Маяки - этот вариант названия целесообразно использовать, чтобы не путать городище с одноимённым, но более известным Маяцким) (Шамрай, Духш, 1997, таб.ЫХ). Вариант 1б отличается от предыдущего тем, что кольцо не имеет ушка, а пропущено непосредственно в петлю основы подвески, стал базовым для более поздних салтовских подвесок (рис.3, 56). Один экземпляр происходит из кургана 5 Кривой Луки XXVII. Вариант 2 не имеет кольца на конце, а оканчивается просто фигурной ножкой (рис.3, 47, 49). Представлен двумя экземплярами из кургана 5 Кривой Луки и Астахове, встречается и в более поздних комплексах. Подвески вариантов 1-2 не встречаются в крымских и кавказских аланских комплексах, являясь в то же время характерной деталью салтовского и восточнотюркского поясного набора.

Деталь ремня в виде округлого щитка с подвешенным на шарнире кольцом. Декор щитка аналогичен пряжке из Тепсена. В комплексах хазарской группы пока неизвестна - встречена в могиле №6 Песчанки (ОАК за 1898 год, рис.40), в

слое Скалистинского могильника (рис.3, 45), аналогичная по декору и форме бляшка, но без кольца происходит из склепа в Гиджгиде (рис.3, 46).

Подковообразные накладки не имеют определенного стандарта, поэтому довольно разнообразны. Разделены на два варианта. Вариант 1 - базовый - литые подковообразные бляшки с рельефным орнаментом (рис.3, 37-40). Встречены в погребениях 1, 35, 58 Старокорсунской, в Столбище, Тополях и, очевидно, катакомбе 79 Дмитриевки (рисунок нечеткий). Бляшки известны в Крыму (Скалистое, склеп 767; Эски-Кермен, склеп 181), но полный поясной набор (11 бляшек) происходит из могилы № 7 Песчанки (ОАК за 1898 г., рис.43-44). Вариант 2 - деградированные бляшки, напоминающие подковообразные, сделаны из пластины, крепившейся к ремню тремя штифтами (рис.3, 41, 42) (погребения 22, 48, 50 Старокорсунского могильника).

Круглые выпуклые бляшки круглой формы без орнамента. Представлены в вышеописанных кочевнических комплексах первой четверти VIII в., а также в погребениях 48, 57 Старокорсунской, в Дмитриевке (бляшки типа 3 по С.А.Плетневой).

Прямоугольные или квадратные пластинчатые накладки, различные по размеру, крепившиеся к ремню четырьмя штифтами по углам (рис.3, 6, 11, 12; рис.4, 16). Были в подкурганном погребении из Тепсеня, Клин-Яре, погребениях 8, 22, 48 Старокорсунской.

Поясные наконечники. Вариант 1а - серебряные или бронзовые наконечники в виде прямоугольной, скругленной внизу пластины с двумя ушками, расположенными параллельно плоскости наконечника; декорированы растительным орнаментом (рис.2, 15-20, 23, 24). Известны в Чир-Юрте, очевидно, в Большой Орловке, кургане 12 Кривой Луки IX, кургане 6 Ве-селовского могильника, погребениях 7, 35, 50, 63 и разрушенных погребениях Старокорсунского могильника, катакомбах 79 и 118 Дмитриевки, в Крыму (Скалистое, склепы 384, 402 и др.), на Кавказе - Песчанка, м. 6 (ОАК за 1898 г., рис.39), Султановское (ОАК за 1900 год, рис.126). Вариант 1 б отличается значительно меньшей длиной и пропорционально большей шириной наконечника (рис.2, 22, 25). Представлены в Столбище и погребении 11 Старокорсунской. Сюда же условно можно отнести и аналогичную по форме, но без ушек, бляшку из Столбища (рис.2, 21). Вариант 2 - близкие по форме наконечникам варианта 1а железные или бронзовые неорнаментированные наконечники (рис.2, 34, 35) из Тополь, Новой Покровки, погребения 94 Борисовского могильника, погребения 54 Сухой Гомольши (Михеев, 1985, рис.7,15). Вариант 3 - двусоставные наконечники. Вариант 3а - серебряные или бронзовые наконечники, представляющие собой наконечник варианта 1, соединённый шарниром с небольшой прямоугольной пластиной, имеющей сверху два ушка (рис.2, 32, 37). Известны два экземпляра из погребения 14 Старокорсунской и Нетайловки. Очень близкий наконечник происходит из слоя третьей четверти VIII в. Пенджикента (рис.2, 32). В кургане 12 Кривой Луки IX найден предмет, интерпретированный Г.Федоровым-Давыдовым, как щиток пряжки (рис.2, 31). Он действительно отдаленно напоминает щит-

ки пряжек типа «Боло-нья», но также может являться и нижней частью наконечника варианта 3а. Вариант 3б отличается от предыдущего прямоугольной или подпрямо-угольной формой нижней пластины, а также верхней деталью, являющей собой фигурную ажурную рамку (рис.2, 36). Все три экземпляра из Нетайловки (Крыганов, 1997, таб- XLV, 9-11). Вариант 3в, очевидно, хронологически более поздний. Вариант 4 - маленький наконечник ремешка прямоугольной формы с двумя ушками сверху, лицевая поверхность декорирована (рис.2, 38). Известен пока единственный экземпляр из кургана 5 Кривой Луки XXVII.

Ременные скобы и обоймы. Вариант 1 - обойма из узкой пластинки, концы, соединяясь, загнуты наружу. Обойма этого варианта характерна для комплексов последней трети VII в., но также встречается в погребениях 14, 50 Старокорсунского могильника. Вариант 2а - литые золотые или серебряные скобы с небольшим изгибом посередине. Вся поверхность покрыта растительным декором. Крепились к ремню двумя шпеньками, расположенными на внутренней стороне скобы (рис.3, 43, 44, 50). Были в Столбище, кургане 6 Веселовского могильника. Обозном. Вариант 2б - упрощенный вариант без декора из бронзовой пластины найден в погребении 8 Старокорсунского могильника (рис.3, 54). Вариант 3а - золотые и серебряные скобы в виде буквы П с отогнутыми под прямым углом концами, на которых расположены два штифта, крепившие скобу к ремню. Декорирована только верхняя часть пластинки (рис.3, 51-53). Были в Столбище, кургане 6 Веселовского могильника, кургане 5 Кривой Луки XXVII. Вариант 3б - один экземпляр из погребения 8 Старокорсунского могильника. Сделан из бронзовой пластины, не декорирован (рис.3, 59).

Декоративные нефункциональные бляшки-накладки (рис.3, 55, 57, 60-62 и др.) а также серьги, бусы, бубенчики и т.п. очень разнообразны по форме и преимущественно малоинформативны, поэтому здесь не анализируются.

III. Фибулы.

Фибулы в комплексах горизонта представлены только тремя типами. Первый - железные фибулы с пластинчатой дуговидной спинкой, пластинчатым приёмником и петлёй на конце ножки (рис.4, 27). Встречены в погребениях 99 и 104 Борисовского могильника, погребениях 54, 122, 252 и комплексе III Сухогомольпанского могильника (Михеев, 1985, рис.7, 11, 24; рис.10, 46; рис.8, 17), комплексах из Тополь и Кочетка (Михеев, 1985, рис.14, 20), катакомбе 155 Дмитриевки. Фибулы с несколько укороченной ножкой - в катакомбах 36, 81, 116, 118, 143 Дмитриевки (Плетнева, 1989, рис.59, П.1). Второй тип представлен только в погребениях с ингумациями. Это железные шарнирные арбалетные фибулы с дуговидной спинкой и пластинчатым приёмником; на концах шарнира - шарики-ограничители, в верхней части ножки - выступ подпрямоугольной формы. Фибулы происходят из погребений 3 (Каминский, 1984, рис.3, 4), 50 и разрушенного погребения (рис.4, 20) Старокорсунского могильника, из погребения 14 Нетайловского могильника происходит и похожая серебряная фибула (Пархоменко, 1983, рис.8, 1). Две железные лучковые фибулы найдены в

погребениях 6 и 58 Старокорсунского могильника (Каминский, 1987, рис.10, 31; рис.9, 47).

IV. Предметы конского снаряжения и вооружение.

Характерной чертой горизонта, отличающей его от более ранних, является появление аркооб-разных стремян с широкой ровной или слегка вогнутой подножкой (рис.4, 10) и удила с S-видными псалями. Последние разделяются на три варианта. Вариант 1 - псалии сделаны из круглого в сечении прута -Борисово, погребение 99 (Саханев, 1914. таб.Ш, 17); Барановка, курган 27 (рис.4,13)-.Вариант 2 - псалии плоские, сделаны из раскованного прута -курган 5 Кривой Луки XXVII (Федоров-Давыдов, 1984, рис.6, 6), Кочеток (Михеев, 1985, рис.14, 3), Ново-Покровка, комплекс №2 (Кухаренко, 1951, рис.36), катакомбы 106, 110 Дмитриевки (Плетнева, 1989, рис.38). Вариант 3 наиболее распространен. Он являет собой псалии варианта 2, украшенные на концах стилизованными конскими головками (рис.4, 17). Представлены в Обозном, конских погребениях Старокорсунской (Каминский, 1987, рис.1, 62), в Тополях, Мохначе (Михеев, 1985, рис.11, 22) и комплексе 1 Ново-Покровки (Кухаренко, 1951, рис.34), комплексах I, Ш, IV, XII Сухогомольпанского могильника (Михеев, 1985, рис.7, 1; рис.8, 2, 10, 20), погребениях 154 и 189 Красногорского (Аксенов, Крыганов, Михеев, 1996, рис.4, 17-18), катакомбе 115 Дмитриевки (Плетнева, 1989, рис.38) и др.

Изменения коснулись и клинкового оружия. В наиболее раннем комплексе горизонта - подкурганном погребении из Тепсеня - еще находился однолезвийный палаш без перекрестья (рис.4, 29). В более поздних -Столбище и катакомбе 52 Дмитриевки - уже был меч с прямым перекрестьем (Плетнева, 1989, рис.34). В кургане 5 Кривой Луки XXVII (рис.4, 28), погребении 15 Старокорсунской (рис.4, 30), Тополях (рис.4, 33), комплексах 1-2 из Новой-Покровки (Кухаренко, 1951, рис.34; рис.36), комплексе I, погребениях 175 и 252 Сухой Гомольши (Михеев, 1985, рис.8, 1; рис.10; рис.11, 14), погребениях 94, 103, 104 Борисовского могильника, катакомбах 5, 126 Дмитриевки (Плетнева, 1989, рис.34) и др. находились длинные однолезвийные палаши с прямым перекрестьем и слегка изогнутым лезвием, обоюдоострым на конце. В литературе этот тип оружия принято называть «саблями», но это вряд ли верно, поскольку характерный для сабли режущий момент при ударе у таких клинков напрочь отсутствовал.

Остальные вещи из комплексов горизонта менее информативны в хронологическом отношении, поэтому здесь не рассматриваются.

Наблюдение за составом предметов из комплексов позволяют построить относительную хронологию наиболее выразительных комплексов. Этап I - подкурганное погребение из Тепсеня и Большая Орловка, погребения 94 и 134 Борисовского могильника. На протяжении этапа появляются пряжки типа «Тепсень», удила с S-видными псалями, аркообразные стремяна с ровной подножкой, наконечники варианта 1а. Этап II разделен на два подэтапа. Этап IIа - представлен наиболее развитыми комплексами горизонта - Столбище, курган 4 Веселовского могильника. Тополи, могилы 1, 14, 15, 35, 58, 63 и др. Старокорсун-

ской. Для комплексов этапа Па характерны пряжки типа «Старокорсунская» вариантов 1а и 2, амулетообразные пряжки, наконечники варианта 3а, прямоугольные накладки с прорезью варианта 3, бляшки с прорезью в нижней части вариантов 1, 2, 4, подковообразные бляшки варианта 1, подвески варианта 1а, скобы варианта 2а. Большинство этих признаков, а также прямоугольные бляшки с прорезью по центру варианта 1, исчезают на этапе Пб, представленным погребениями 8, 47 Старокорсунской, курганом 5 Кривой Луки XXVIII и Обозным. Среди характерных вещей следует отметить пряжки типа «Старокорсунская» варианта 1б, бляшки с прорезью внизу варианта 5, подвески варианта 1б, скобы вариантов 2б, 3б, наконечники варианта 4. Этап III - погребения 3, 11, 22, 48, 50 Старокорсунской. Для этапа характерны треугольно-рамчатые пряжки с фигурным щитком, железные арбалетные фибулы, подковообразные бляшки варианта 2, прямоугольные пластинчатые бляшки без прорези. Также следует отметить, что из вещей предыдущих этапов продолжают бытовать лишь наконечники вариантов 1а - 1б.

Инвентарь из Дмитриевского могильника несколько специфичен, к тому же уже описан суммарно С.А.Плетневой, поэтому на его материалах мы остановимся отдельно. Катакомба 52 содержит наиболее интересный поясной набор. По количеству бляшек С.А.Плетнева засомневалась в их принадлежности к поясному набору и интерпретировала их, как детали сбруи. С этим тяжело согласиться, учитывая явную принадлежность поясу трапециевидных блях. Более вероятно, что в данном случае у ног погребенного лежал не один, а два пояса. Поясной набор включает 3 щитовидные наконечники (рис.2, 8), 23 трапециевидные бляшки с прорезью внизу варианта 2 (рис.3, 15), удлиненные бляшки с чешуйчатым орнаментом (рис.2, 10) и выпуклые круглые бляшки с орнаментом. С.А.Плетнева справедливо отметила близость трех наконечников катакомбы к Вознесенским (Плетнева, 1989, с.84), но похожий наконечник происходит из могилы 5 Песчанки (ОАК за 1898 г., с. 131). Точные аналогии бляшкам с чешуйчатым орнаментом происходят из катакомбы 1935 г. Галиата (рис.2, 11), трапециевидным бляшкам - из Столбища (рис.3,14), могилы 6 Песчанки, Султановского. Катакомба совершенно справедливо синхронизирована А.К.Амброзом с горизонтом Столбище (Амброз, 19716, с.130-131). В катакомбе 79 найден обломанный сверху наконечник варианта 1а (рис.2, 26), три подковообразные бляшки (рис.3, 40) и пряжку с овальной рамкой и неподвижным ажурным щитком (рис.1, 18). Территориально ближайшая аналогия - пряжка из Харьевского клада - не выходит за рамки первой половины VIII в. Две эти катакомбы уверенно соотносятся с этапом Па горизонта Столбище-Старокорсунская. В катакомбе 118 находились пряжка варианта 8 по С.А.Плетневой (рис.1, 30) и наконечник варианта 1а по нашей классификации (рис.2, 24). Пряжка и орнаментация наконечника близки пряжке и наконечнику варианта 1б из погребения 11 Старокорсунской (рис.1, 29; рис.2, 24). В катакомбах 3, 22 и 54, 55 находились бляшки варианта 2 по С.А.Плетневой, т.е. бляшки с прорезью внизу вариантов 5 и 6 по нашей классификации (рис.3, 30-32). Эти признаки харак-

терны для этапа III горизонта Столбище-Старокорсунская. Катакомба 3 по поясному набору объединяется с катакомбами 5, 7, 11, 71, 83, 88 (Плетнева, 1989, рис.86). Для них характерна схема П1 или П2 + Б3 + Н1 или Н2 (П1 - «пряжка тип 1 по С.А.Плетневой»; Б - бляшки; БК - бляшки с кольцом; БП - бляшки с прорезью; Н - наконечники). В катакомбе 143 вместе с трапециевидными бляшками, бляшкой типа 3, наконечником типа 1 и пряжкой типа 2 были пряжка типа 7 и наконечник типа 5 за С.А.Плетневой, не известные в комплексах горизонта Столбище-Старокорсунская, позволяющие предположить, что в данном случае мы имеем дело с поясным набором переходного этапа. Следующий горизонт Дмитриевки представлен поясными наборами катакомб 21, 70, 72, 80, 81, 108, 101, 111, 115, 119, 121, 142, 155, 157, 162, 164, 165 (Плетнева, 1989, рис.85; 87-88). Он характеризуется набором П3, П4, П6, П7, П8 + Б4, Б5 + БК1, БК2, БК3 + БП1, БП2 + Н3, Н4, Н5 (рис.4,1). Орнаментальные композиции являют собой сплошное покрытие площади деталей схематизированными изображениями листьев. Катакомбы 51, 92, 106 (Плетнева, 1989, рис.85; 87; 88) вмещали смешанные поясные наборы, в которых еще представлены отдельные детали поясов этого горизонта, но уже доминируют детали поясов нового. Новый горизонт в чистом виде представлен катакомбами 87, 124, 126, 148, 169 (Плетнева, 1989, рис. 85; 87; 88). Поясной набор состоит из деталей П3, П9, П10 + Б6, Б7 + БК4, БК5, БК6 + БП3 + Н6, Н7 (рис.4. 2). Для него характерны не только новая форма деталей, но и совершенно новые орнаментальные мотивы. Основу композиции составляют перевитые стебли, оканчивающиеся трехлепестковыми или сердцевидными листками. Интересно отметить, что обрисованную нами эволюцию прекрасно в общих чертах отображает типология поясных наборов, предложенная С.А.Плетневой (Плетнева, 1989, рис.36). Однако попытка сравнения выделенных нами групп поясных наборов с хронологическими группами С.А.Плетневой вызвала некоторое недоумение, поскольку пояса второй и третьей групп оказались во всех трёх хронологических группах С.А.Плетневой. Возникает вопрос, почему поясной набор, считающийся всеми исследователями наиболее чутким хронологическим индикатором, совершенно проигнорирован в качестве такового С.А.Плетневой? Почему наборы из катакомб 52 и 79, по признанию самой исследовательницы, наиболее ранние в могильнике, не учтены при определении даты катакомб, и они отнесены к группе наиболее поздних? Каковы критерии абсолютных датировок, если единственная вещь, дающая выход на абсолютную дату, - индикация византийского солида Тиберия III (698-705 гг.) - при датировках также не учитывалась? Приходится признать, что попытка С.А.Плетневой построить внутреннюю хронологию Дмитриевского могильника без учета материалов из Крыма, Кавказа и степных погребений, оказалась не совсем удачной.

Попытаемся определить абсолютные даты горизонта Столбище-Старокорсунская. Первую попытку датировать горизонт сделал А.К.Амброз. Интересующие нас комплексы из Песчанки и могилы 1935 г. из Галиата исследователь датировал второй половиной VIII - первой половиной IX в., ката-

комбу же 52 из Дмитриевки вслед за С.А.Плетневой отнес ко второй половине IX в. (Амброз, 1971б, с. 130). А.И.Айбабин ввел подкурганное погребение из Тепсения и Столбище в корреляционную таблицу крымских комплексов и датировал первое погребение первой, а второе - второй половиной VIII в. (Айбабин, 1993, рис.2). На сегодняшний момент комплексы хазарской группы горизонта Столбище-Старокорсунская могут быть хорошо датированы и благодаря внутренней хронологии. В погребении из Астахове находилась индикация солида Константина IV Погоната (668-685 гг.) (Евдокимов, Симоненко, Загребельный, 1975, с. 12), золотой солид Ти-берия III (698-705 гг.) был в комплексе из Большой Орловки (Семенов, 1978, с. 181), индикация такого же солида - в катакомбе 69 Дмитриевки (Плетнева, 1989, с. III), в Столбище находились солиды Феодосия III (715-717 гг.) и Льва III (717-720 гг.) (Семенов, 1978, с. 181), в кургане 7 Петрунино IV найден арабский дирхем Абу-Джафара ал-Мансура, чеканенный в 139 году хиджры (756/57 гг.), в погребении из кургана 13 Барановка I, содержащем поясной набор следующего горизонта, находился солид Константина V, Льва III и Льва IV, чеканенный в 751-754 гг. (Круг-лов, 1992, с. 182). Огромный интерес для нас представляют также два погребения из могильников «Романовский I» и «Саловский». По погребальному обряду - это типичные хазарские погребения интересующего нас времени. Оба кургана содержали богатые поясные и сбруйные наборы, а также солиды Льва III и Константина (720-741 гг.), аналогичное ограбленное погребение из кургана 4 могильника «Потайной I» включало половинку солида Тиберия III (Копылов, Смоляк, 1988, с.59-60). Солид Льва III, чеканенный в период 725-732 гг., найден в погребении кургана 11 Соколовской балки (Семенов, 1978, с. 180-181). К величайшему сожалению, эти четыре погребения не опубликованы полностью, или же нам просто не удалось найти публикации, что оставляет место для своеобразного научного эксперимента: по нашему предположению, поясные наборы из комплексов должны принадлежать к горизонту Столбище-Старокорсунская. Как видим, комплексы горизонта Столбище-Старокорсунская концентрируют большое количество византийских монет первой половины VIII в., что хорошо коррелируется с тесными хазаро-византийскими отношениями этого периода, вершиной которых следует признать династический брак 732 г. между сыном Льва III Константином и дочерью хазарского кагана, принявшей имя Ирины (Семенов, 1978, с. 182; Копылов, Смоляк, 1988, с.61; Но-восельцев, 1990, с. 182). А.И.Семенов надежно обосновал небольшое запаздывание монет в комплексах, среди прочего обратив внимание на отсутствие совместных находок византийских монет VIII в. и монет IX в. на территории СССР (Семенов, 1978, с. 182). Таким образом, все рассматриваемые комплексы датируются в рамках VIII в., более узкие даты устанавливаются уже исходя из состава вещевого комплекса погребений. Комплекс из Большой Орловки по монете и составу инвентаря датируется в рамках второй четверти VIII в., возможно ближе к её началу. Подкурганное погребение из Тепсения по инвентарю несколько древнее и очень близко комплексам первой четверти VIII в., что предполагает дату конец первой - начало второй четверти VIII в. Общая дата этапа I горизонта Столбище-Старокорсунс-

кая, таким образом, - конец первой - конец второй четверти VIII в. (720-740 гг.). Этап Па датируют монеты из Столбища, попавшие в землю не ранее конца второй четверти VIII в.. Индикация солида Константина IV из Астахове в данном случае вряд ли повлияет на удревнение даты. Комплексы этапа Па, несмотря на широкий ареал распространения, относительно немногочисленны, свидетельствуя о небольшом хронологическом диапазоне бытования вещей из их состава. Комплексы этапа Пб имеют переходные признаки к этапу Ш; такие переходные этапы длятся обычно короткий срок, что подтверждается малочисленностью комплексов этапа Пб. Этап Ш представлен наиболее уверенно в Дмитриевском могильнике, поскольку Старокорсунский могильник прекращает своё функционирование именно во время этапа Ш - в нем отсутствуют комплексы, переходные к горизонту П Дмитриевки. Но этап Ш также не был длительным - в катакомбе 143 Дмитриевки трапецевидные бляшки, характерные только для этапа Па, находились в комплексе с пряжкой типа 7 и наконечником типа 5 по С.А.Плетневой, характерными уже для горизонта П Дмитриевки. Монетные находки в ярких погребениях рассматриваемых этапов, к сожалению, отсутствуют. Исключение составляет курган 7 из Петрунино IV, где найден арабский дирхем 756/57 гг., но инвентарь из погребения маловыразителен. Можно лишь отметить пряжку с овальной рамкой и рамча-тым трапецевидным щитком (рис.1, 25), наиболее поздняя находка которой происходит из катакомбы 143 Дмитриевки, а также наличие в погребении лепного сосуда. В погребении из кургана 13 Барановки I, содержащем поясной набор, синхронный горизонту П Дмитриевки, и уже гончарную посуду, находился византийский солид 751-754 гг.. Итак, проблема упирается в нижнюю дату горизонта П Дмитриевки. В Крыму характерные для него детали пояса (Пб, П8, Б5, БК1, БП1) появляются в первой половине IX в. и бытуют на протяжении всего IX в. (Айбабин, 1993, рис.2, 37-39, 41, 56). О.В.Пархоменко, исходя из встречаемости поясных деталей горизонта П в Верхнесалтовском могильнике с монетами начала IX в. и даже X в., датировала горизонт около второй четверти IX - X вв. (Пархоменко, 1985, рис.24). Но следует отметить, что определения «монет X в.» нельзя считать достоверными, поскольку исследовательница опиралась в основном на определения В.А.Бабенка (Иченская, 1982, таб.5), само описание монет которого («арабская монета», «серебряный дирхем» и т.д.) уже позволяет усомниться в точности датировки. Проблема наличия в салтовских погребениях монет X в. должна быть заново решена на сегодняшнем уровне специалистами по арабской нумизматике. Без этого вопрос верхней даты салтовских древностей останется открытым. Как видим, горизонт П Дмитриевки возникает не ранее конца VIII - начала IX вв., что предполагает все-таки запаздывание около 50 лет для монеты из Барановки. Абсолютные даты для этапов горизонта Столбище-Старокорсунская, таким образом, несколько условны, но они указывают наиболее вероятный период совершения погребений: этап Па - 740-765 гг.; этап Пб - переходной - 760-775 гг.; этап Ш - 770-790 гг. Катакомба 143 Дмитриевки, на наш взгляд, датируется 90-ми годами VIII в.. фиксируя появление поясных деталей

нового горизонта. Около этого времени датируется и катакомба 115, где сочетаются удила с S-видными псалиями варианта 3 и поясной набор П8+Б5+БКЗ+БП1. Горизонт II Дмитриевки представлен огромным количеством погребений по всему ареалу салтовской культуры, отображая памятники периода её расцвета - IX в. Не совсем ясна ситуация с горизонтом III. В чистом виде этот горизонт также представлен по всему ареалу салтовской культуры, хотя и значительно меньшим числом погребений, - к нему относится знаменитый Алексеевский клад, погребения 22, 52, 60, 71 Нетайловки и т.д.. О.В.Пархоменко считала этот горизонт наиболее ранним (Пархоменко, 1985, рис.24). Действительно, похожие орнаментальные мотивы мы можем найти на бляшке с прорезью внизу варианта 4 из могилы 50 Суук-Су (рис.3, 20), на пряжках византийских типов из могилы 38 Суук-Су, склепов 122, 262, 353 Скалистого (Айбабин, 1993, рис.3, 7-11). Также они представлены на наконечниках из Пентжикента и Самаркандского музея, один из которых датирован серединой VIII в. (Распопова, 1980, рис.64, 6-9). Но в салтовских комплексах аналогичная орнаментация не встречена с ранними материалами. Более того, материалы Дмитриевки, на наш взгляд, все-таки показывают эволюцию поясных наборов горизонта II, плавно переходящие в поясные наборы горизонта III, делая последний наиболее поздним. Абсолютные даты горизонта III, как указывалось выше, зависят от определений монет X в., поэтому пока не могут быть установлены. Эта задача, собственно, и не является целью данной статьи, посвященной наиболее раннему горизонту салтовской культуры. Выделение последнего позволяет нам выйти на некоторые вопросы формирования салтовской культуры.

А.И.Айбабиным были детально рассмотрены истоки ранних орнаментальных композиций поясных наборов горизонта Столбище-Старокорсунская (рис.1, 1-3; рис.2, 27; рис.3, 45, 46), которые исследователь совершенно справедливо связал со стилем ювелирных изделий перещепинской культуры (Айбабин, 1982, с. 178-184). Но название, предложенное для этого типа поясных наборов - «поясные наборы уральского круга», не совсем удачно. Основная масса таких изделий концентрируется в подкурганых хазарских погребениях, а также в кавказских и крымских комплексах, единичные экземпляры представлены в Волго-Камском регионе (Неволино). Звеном, связующим все указанные регионы, является Хазарский каганат, на что указал и А.И.Айбабин. Наличие аналогий к поясному набору из Пенджикента и погребений восточных тюрок объясняется сохранением тесных культурных связей между восточно- и западнотюркским кочевым населением евразийской степи. Представителями последнего в Восточной Европе были именно хазары, поэтому нам представляется более верным называть поясные наборы горизонта Столбище Старокорсунская наборами не «уральского», а «хазарского» круга, поскольку именно хазарской среде они обязаны и происхождением и распространением на столь обширной территории. Интересно проследить поэтапно распространение комплексов горизонта Столбище-Старокорсунская. Этап I представлен подкурганым погребением с западной ориентацией из Тепсеня, подкурганым поминальным комплексом из Большой Орловки и кремациями Борисовского могильника. Синхронные

материалы, очевидно, есть в Дюрсо. Следующие этапы IIa и IIб представлены несколькими группами погребений. Это под-курганные подбойные погребения с наличием костей коня, ориентированные в западном секторе (Астахове, Обозное, курган 6 Веселовского могильника, курган 12 Кривой Луки IX, курган 27 Барановки I, а также под вопросом, курган 1 могильника «Романовский I», курган 1 могильника «Саловский», курган 4 могильника «Потайной I», курган 11 Соколовской балки), на восток (Столбище, курган 7 Петрунино IV), на юг (очевидно, отклонение от юго-западной ориентировки) (курган 5 Кривой Луки XXVII). Большинство погребений окружены подквадратным ровиком, что в последнее время считается надежным этническим показателем хазар. В погребениях кургана 6 Веселовского могильника, кургана 27 Барановки I, кургана 7 Петрунино IV следует отметить наличие лепных (рис.4, 34-36), а в Обозном и кургане 5 Кривой Луки XXVII - раннегончарных горшков (рис.4, 25, 26), близких по форме между собой и в то же время лепной керамике из хазарских комплексов последней четверти VII в. (Баранов, Май-ко, 1994, рис.1). Другую группу погребений этапа составляют кремации, соотнесенные нами с этническими тюркютами в составе хазарского населения (Борисово, Дюрсо, Тополи, Кочеток, Сухая Гомольпа, Новая Покровка). Известен также биритуальный могильник Красная Горка, где две группы хазарского населения смешаны - на нем представлены как кремации, так и ингумации с западной ориентации. Характерная особенность могильника - сопровождение и кремаций, и ингумаций погребениями коня. Захоронения коней представлены и на Старокорсунском могильнике. Кроме Старокорсунского следует отметить возникновение Тепсеньского грунтового могильника, Дмитриевского катакомбного аланского могильника и, возможно также Верхнесалтовского. Особенно интересен в плане этноса погребенных Старокорсунский могильник. На нем открыты катакомбные и ямные погребения. Их ориентировка различна, но в первой группе преобладает юго-восточная, во второй - западная. По сложившейся традиции В.Н.Каминский соотнес катакомбные погребения с аланами, а ямные - с булгарами, отметив правда при этом специфичность керамики и инвентаря могильника, не совсем характерных для алан, а также необъяснимость появления этой группы алан на Кубани (Каминский, 1984, с.24-27; Каминский, 1987, с.201-202). Среди керамики действительно присутствуют характерные аланские кувшины, но практически все формы горшков нетипичны для алан. Ближайшей аналогией керамическому комплексу Старокорсунской является керамика Чир-Юрта, что справедливо было отмечено В.Н.Каминским (Каминский, 1987, с.202). Но исследователь не отметил две детали: сосуществование в Чир-Юрте катакомбных и ямных погребений при отсутствии данных, позволяющих считать погребенных в катакомбах аланами; второе - отсутствие каких-либо данных письменных источников, свидетельствующих о проживании вблизи Дербента в последней трети VII - первой четверти VIII вв. алан или болгар. Последние фиксируют в этом регионе только хазар и нам кажется неоспоримой хазарская принадлежность Верхнечирюртовских курганов. М.Г.Магомедов справедливо отметил, что различия между подкурганными и грунтовыми катакомб-

ными погребениями могильника скорее социальные, нежели этнические, на что указывает и неаланский антропологический тип погребенных (Магомедов, 1983, с. 88-89). Обратим внимание ещё на один факт: в Чир-Юрте нет хазарских погребений младше первой трети VIII в., что хорошо коррелируется с письменными источниками. После взятия арабами Баланджара в 722/723 гг. хазары, очевидно, не покинули его, поскольку ещё раз Баланджар был взят в 733/734 гг. Но уже в 737 г. арабы брали только Самандар, что свидетельствует о прекращении существования Баланджара (Новосельцев, 1990, с. 179-184). Но Старокорсунский могильник, а, следовательно, и городище, возникают в 40-х гг. VIII в.. Случайно ли такое совпадение? Случайно ли массовое появление на Нижнем Дону хазарских курганов, а в бассейне Северского Донца - курганов и могильников, именно в 40-х гг. VIII в.? Крайне интересны параллели между Верхнечирюртовским и Старокорсунским могильниками, не лишне отметить и наличие дагестанского кувшина в кургане 5 Кривой Луки XXVII (Федоров-Давыдов, 1984, рис.8, 1; с.91). Как указывалось выше, С.А.Плетнева связывает появление салтовских памятников бассейна Северского Донца с хазаро-арабским конфликтом 737 г., и, отталкиваясь от этой даты, предлагает нижнюю дату салтовских древностей (Плетнева, 1989, с. 168-169). Сейчас это же положение можно сформулировать иначе: археологический материал полностью подтверждает гипотезу о появлении хазарского и аланского населения в бассейне Северского Донца в 40-х гг. VIII в., что можно уверенно связывать с неудачной для хазар войной 737 г.. Обратим внимание на хазарские памятники Подонечья - это могильники с кремациями Сухая Гомолыпа, Новая Покровка, Красная Горка, отдельные комплексы из Тополь, Кочетка, Пятницкого, погребения могильника Ца-риноного городища (Маяки) и кочевнические кремации славянской Бытицы. Нетипичен для булгар и Нетайловский могильник, восточная ориентировка которого должна быть сравнена с погребениями из Столбища и кургана 7 Петрунино IV. С.А.Плетнева также отметила заметное отличие от Зливкинского могильника ямных погребений Волоконовского, Дмитриевского, Ютановского могильников, еще более резкое - могильников Нижнего Дона (Ригинский, Артугановский, Багаевский и т.п.) (Плетнева, 1981, с. 10-12). Трудно, да и неразумно, сомневаться в хазарском этносе большинства населения Саркела. Также следует вспомнить и тюркские рунические надписи Маяцкого городища, чтобы понять, что этнические хазары совсем не являются археологически неуловимыми среди алано-булгарского населения салтовской культуры, как это постулировалось до недавнего времени. Арабские письменные источники не знают отдельного названия для салтовского населения Подонечья. Не знают его и ближайшие соседи - восточные славяне, для которых единственным восточным соседом выступают хазары. На наш взгляд, это убедительно свидетельствует о том, что внутренне этнически разнородное хазаро-алано-булгарское население Подонечья воспринималось соседями, как единый народ, именуемый «хазарами».

Настоящая статья затронула только один аспект возникновения салтовской культуры - мы попытались показать эволюционное перерастание перещепинс-

кой культуры кочевого хазарского населения последней четверти VII - первой четверти VIII вв. в уже этнически сложносоставную материальную культуру кочевого, полуседлого и оседлого населения Хазарского каганата эпохи его расцвета. Безусловно, вопрос только поставлен, и многостороннее его решение является задачей будущих исследований.

Примечания:

- Айбабин А.И.* 1985. Погребение хазарского воина // СА. № 3.
- Айбабин А.И.* 1982. Погребения конца VII - первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М.
- Айбабин А.И.* 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. вып. 1. Айбабин А.И. 1993. Могильники VIII - начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. вып. 3.
- Айбабина Е.А.* 1993. Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. вып. 3.
- Аксенов В.С. Крыганов А.В. Михеев В.К.* 1996. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. К.
- Амброз А.К.* 1971а, 1971б. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2-3. Амброз А.К. 1986. Кинжалы VI-VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. № 4.
- Афанасьев Г.Е.* 1987. Муравьевский клад: к проблеме оногуро-болгаро-хазарских миграций в лесостепь // СА. № 1.
- Баранов И.А.* 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья. К.
- Баранов И. А., Майко В. В.* 1994. Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // Старожитності Русі-України. К.
- Веймарн Е.В.* 1993., *Айбабин А.И.* Скалистинский могильник. К.
- Гаврилова А.А.* 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.-Л.
- Дмитриев А.В.* 1979. Могильник эпохи великого переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. вып. 158.
- Евдокимов Г.Л., Симоненко А.В., Загребельный А.Н.* 1975. Отчет о раскопках курганов у с. Астахове Свердловского района Ворошиловградской области. - Научный архив Института археологии АН Украины, ф. 1975/50.
- Иессен А.А.* 1965. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе // МИА. № 125.
- Иченская О.В.* 1982. Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. К.
- Каминский В.Н.* 1984. Раннесредневековые аланские катакомбы на Средней Кубани // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, вып. 3.
- Каминский В.Н.* 1987. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. №4.
- Ковалевская В.Б.* 1981. Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе // Плиска-Преслав. София, т. 2.
- Копылов В.П. Смоляк А.Р.* 1988. Торговые связи Византии с населением Нижнего Дона в конце VII - первой половине VIII в. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-н/Д.

- Корзухина Г.Ф.* 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье (каталог памятников) // МАИЭТ. вып.5.
- Косьяненко В.М.* 1983. Погребение у слободы Большая Орловка - ранний памятник салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-н/Д.
- Круглов Е.В.* 1992. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // СА. № 4.
- Крыганов А.В.* 1997. Административно-торговый центр Хазарии на её северо-западной окраине // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Наукові матеріали.
- Кузнецов В.А.* 1962. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 106.
- Кухаренко Ю.В.* 1951. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. вып. 41.
- Магомедов М.Г.* 1983. Образование Хазарского каганата. М.
- Михеев В.К.* 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.
- Монгайт А.Л.* 1951. Археологические заметки // КСИИМК. вып.41.
- Мошкова М.Г. Максименко В.Е.* 1974. Работы Багаевской экспедиции в 1971 году // Археологические памятники Нижнего Подонья. М. т.2.
- Новосельцев А.П.* 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М. ОАК за 1898 год. СПб., 1900. ОАК за 1900 год. СПб., 1902.
- Пархоменко О.В.* 1983. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII-IX ст. // Археологія. К. вип.43.
- Пархоменко О.В.* 1985. Салтовская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс.н.э.. К.
- Плетнева С.А.* 1967. От кочевий к городам // МИА. № 142.
- Плетнева С.А.* 1981. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плииска-Преслав. София, т.2.
- Плетнева С.А.* 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.
- Распопова В.И.* 1965. Поясной набор Согда VII-VIII вв. // СА. №4.
- Распопова В.И.* 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.
- Саханев В.* 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-12 годах // ИАК. вып. 56.
- Семенов А.И.* 1978. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. Л. вып.2.
- Смирнов К.Ф.* 1960. «Быковские курганы» // МИА. № 78.
- Федоров-Давыдов Г.* 1984. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.
- Флеров В.С.* 1997. Разрушенные скелеты на могильнике Клинь-Яр III на Северном Кавказе // МАИЭТ. вып. 6.
- Шалобудов В.Н.* 1983. Погребение кочевника VIII века у с.Заплавка // Древности степного Поднепровья III-I тысячелетия до нашей эры. Днепропетровск.
- Шамрай А.В. Духит О.И.* Ювелірні центри на Сіверському Дінці // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Наукові матеріали. К., 1997.

Рис.1: 1 - Тепсень; 2 - Симеиз; 3 - Скалистое, склеп 303; 4 - Кривая Лука XVII, к.5; 5, 8, 24 - Веселовка, к.6; 6 - Чир-Юрт, к.82; 7 - Обозное; 9, 10, 13-15, 19, 20, 21, 28, 29 - Старокорсунская (9 - п. 58; 10 - п.63; 13 - п.8; 14 - разрушенное погребение; 15 - п.42; 19 - п.47; 20 - п.39; 21 - п.14; 28 - п.1; 29-п.11); 11 - Вознесенка; 12-Катанда II, к.5; 16, 17-Борисово (16 - п. 138; 17 - п.141); 18, 22, 26, 27, 30 - Дмитриевка (18 - к.79; 22 - к.71; 26-к. 143; 27 -к.83; 30 -к. 118); 23 -Заплавка; 25 -Барановка I, к. 27.

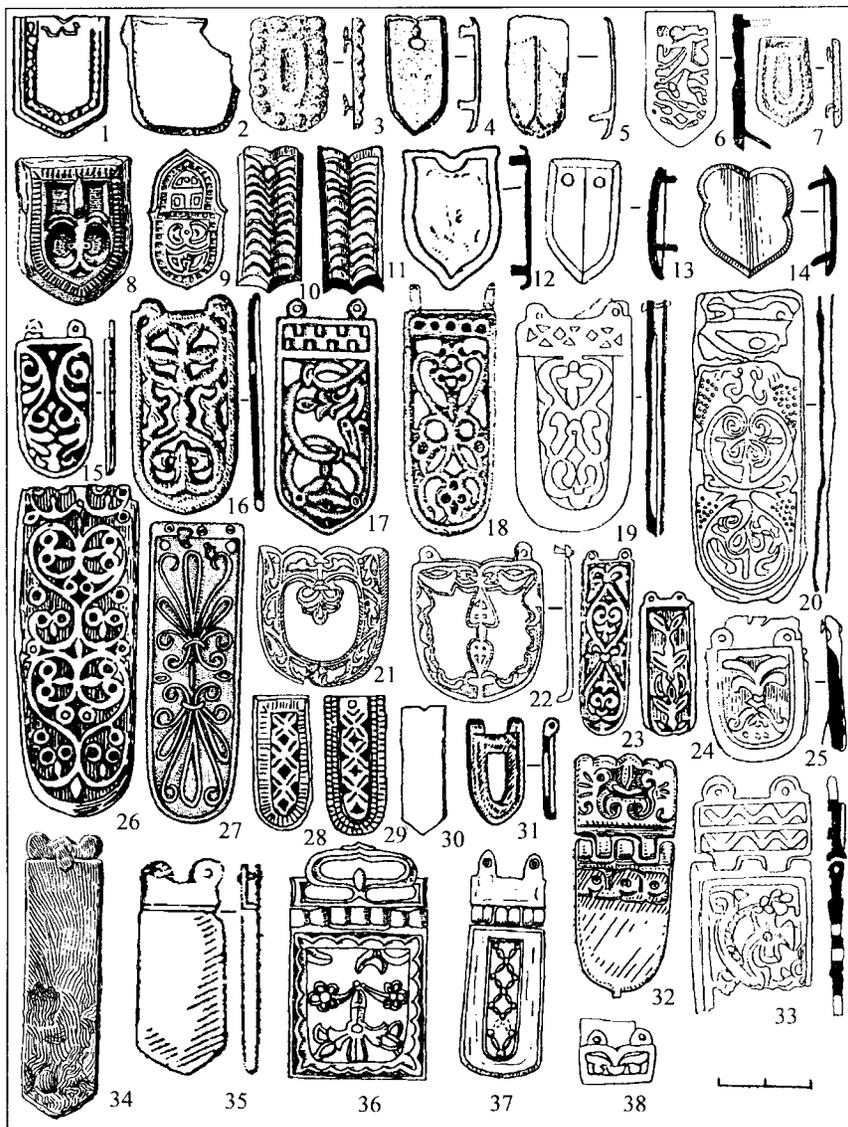

Рис.2: 1,2- Бабичи; 3, 7 - Заплавка; 4, 5 - Быково; 6, 13 - Кудыргэ; 8, 10, 24, 26, 28-30, - Дмитриевка (8, 10 - к.52; 24 - к.18; 26 - к.79; 28 - к.3; 29 - к.5; 30 - к.71); 9 - Вознесенка; 11 - Галиат 1935 г.; 12, 15 - Чир-Юрг; 14, 32 - Пентжикент; 16, 31 - Кривая Лука IX, к. 12; 17, 18 - Скалистое; 19, 20, 25, 33 - Старокорсунская (19 - п.63; 20 - разрушенное погребение; 25 - п.11; 33 - п.14); 21, 22 - Столбище; 23 - Веселовка, к.6; 27 - Керчь; 34 - Борисово; 35 - Тополи; 36, 37 - Нетайловка; 38 - Кривая Лука XVII, к.5.

Рис.3: 1 - Перешепин; 2, 11 - Клин-Яр; 3-Тепсень; 4, 14, 25, 35, 43, 53 -Столбище; 5, 6, 12, 13, 17, 18, 23, 24, 28, 36, 40-42, 54, 58, 59 -Старокорсунская (5, 12, 28, 54, 59 - п.8; 6, 41 - п. 22; 13, 42 - п.48; 17 -п.63; 18 - п.35:23; 33 - разрушенные погребения; 24 - п.14; 36 - п.1; 58 -п. 15; 7, 44, 51, 60 - Веселовка, к.6; 8, 9, 48, 50 - Обозное; 10, 26, 39 -Скалистое, склеп 767; 15, 16, 29-32, 40 -Дмитриевка (15 - к.52; 16 - к. 143; 29- к.142; 30- к.3; 31 - к.54; 32 - к.55; 40 - к.79); 19 - Катанда II, к.5; 20 -Суук-Су; 21 - Пентжикент; 22, 38 - Эски-Кермен (22 - склеп 339; 38 -склеп 181); 27, 47, 52, 55, 56, 57 - Кривая Лука XVII, к.5; 34 - Верхний Салтов; 37 - Тополи; 45 - Скалистое, слой могильника; 46 - Гиджгид; 49, 62 - Астахове; 61 - Нетайловка.

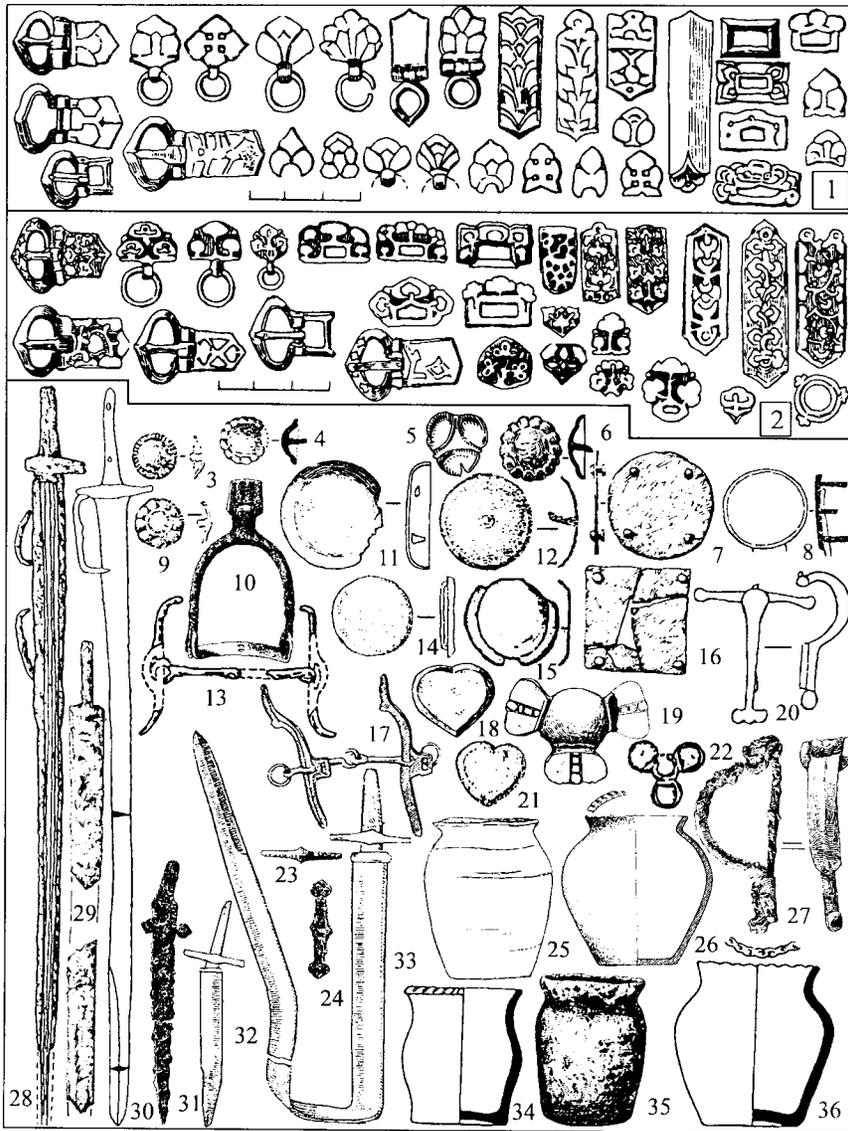

Рис.4: 1,2- Дмитриевка (1 - поясной набор горизонта II, 2 - горизонта III); 3, 9, 12, 21 - Быково; 4, 6, 8 - Кудыргэ; 5 - Пентжикент; 7, 16, 29 -Тепсень; 10, 23, 24, 27, 31-Борисово; 11, 18, 19-Бабичи; 13,34-Барановка I, к.27; 14 - Заплавка; 15, 22 - Клин-Яр; 17, 32, 33 - Тополи; 20, 30 - Старокорсунская (20 - разрушенное погребение; 30 - п. 15); 25 -Обозное; 26, 28 - Кривая Лука XVII, к.5; 35 - Веселовка, к. 6; 36 -Петрунино IV, к. 7 (3-36 - без масштаба).

Александр Шенников

О чувалах в жилых постройках народов Среднего Поволжья

В предлагаемой статье рассматривается происхождение и развитие чувала - глиняного камина, традиционного для жилых построек неславянских народов востока Европейской России и большей части Сибири. Принято считать, что в XVIII - начале XX вв. чувалы существовали западнее Уральского хребта у манси, башкир и пермских татар, а восточнее - у многих финноязычных, тюркоязычных и других сибирских народов. Ни у одного из этих народов время первого появления чувалов не прослежено, но у некоторых известно пережиточное сохранение более ранних устройств для разведения огня, позволяющее ретроспективно восстановить общий порядок возникновения чувалов, оставляя пока открытым вопрос о хронологии процесса.

На определенном этапе развития, у разных народов не синхронно, у одних раньше, у других позже, в отапливаемом помещении открытый очаг, находившийся посредине, заменялся камином-чувалом, поставленным в углу у двери и обогревавшим лучистым теплом спальные места на нарах у стены, противоположной входу (иногда также и у одной из боковых стен). При этом исчезало дымовое отверстие в перекрытии над серединой помещения, ранее находившееся над очагом, и жилище получало отопление «по-белому» с удалением всего дыма через трубу чувала.

По этнографическим наблюдениям, в лесной зоне главная часть чувала - его труба, опертая на пол или на невысокий постамент, широкая внизу и суживающаяся кверху, вначале выдалбливалась из толстого древесного ствола с дуплом или делалась из снятого с бревна цельного куска коры¹, и во всех случаях трубу во избежание возгорания обмазывали глиной изнутри, иногда и снаружи. Другой путь развития (вероятно, более в лесостепной зоне): при переносе очага с середины помещения в угол, стены в углу обмазывали глиной, затем края этой обмазки наращивали под прямым углом к стене до их соединения между собой и образования трубы². Потом появлялась известная всем народам, имевшим чувалы, труба с каркасом из тонких жердей, связанных между собой и обмазанных глиной (рис. 1а).

Открытый очаг посреди помещения имел не только отопительное и осветительное, но и кухонное назначение. Поэтому чувал не мог его полностью заменить, хотя иногда и вешали котел внутри чувала. Рядом с чувалом на том же постаменте стали устраивать небольшой открытый кухонный очаг с подвесным котлом и с выводением дыма в трубу чувала или через особый дымовой канал (рис. 1б).

Хлебопечная печь повсеместно появлялась, по мере развития земледелия, сначала вне жилой постройки или даже вне двора, под открытым небом, иногда под навесом. Когда надо было поместить ее в отапливаемом жилом помещении, ее ставили там на тот же постамент, где уже находились чувал и кухонный очажок. Там все три устройства для разведения огня сначала стояли рядом от-

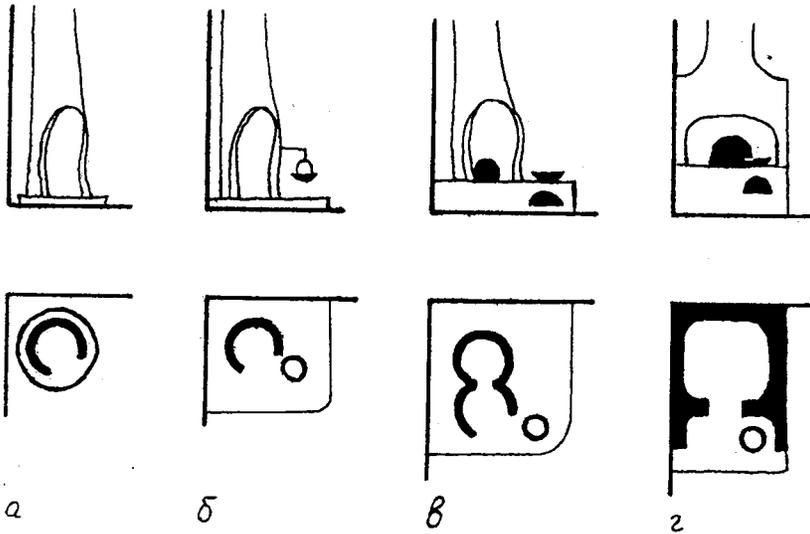

Рис. 1. Схема эволюции чувала и печи.

дельно одно от другого, затем начинали постепенно срастаться воедино. При этом печь стали ставить позади чувала, выводя ее устье через заднюю стенку чувала внутрь последнего, так что дым из печи, ранее топившейся «по-черному», пошел из ее устья прямо в трубу чувала, не попадая в отапливаемое помещение и сохраняя в нем отопление «по-белому». Так образовался единый отопительно-кухонно-хлебопекарный агрегат на традиционном месте чувала, в углу у двери (рис. 1в).

Далее печь, оставаясь хлебопекарной, всё больше принимала на себя отопительные и кухонные функции, при этом разрасталась, вытесняя два других устройства, пока не осталась от чувала только дымовая труба, над шестком печи, а открытый очажок с подвесным котлом на шестке не стал заменяться закрытым очажком под шестком, с отверстием-конфоркой для котла на шестке. Весь агрегат получил монолитную прямоугольную форму с лежанкой наверху (ранее верх печи был куполообразным) и стал внешне похож на «русскую» печь, отличаясь от нее лишь наличием очажка, хотя всё помещение в целом сохраняло много отличий от избы в других деталях (устройство лавок и нар, отсутствие полатей и пр.) (рис. 1г).

Вся эта эволюция, давно и хорошо известная по башкирским, обско-угорским и другим сибирским материалам, могла бы быть описана гораздо подробнее и со многими вариациями в деталях, но в данном случае нас интересует другой круг вопросов: только ли у башкир, пермских татар и манси имелись чумалы на территории Европейской России?

Начнем с казанских татар. В 1920-х гг. этнограф Б.А.Куфтин предположил, что вообще у средневолжских татар характерная для них в XIX - начале XX вв. печь с очагом на шестке, топящаяся только «по-белому» и расположенная так же, как у народов, имевших чумалы, в углу у двери и устьем к спальным местам, развилась из упомянутой комбинации печи с чумалом. Но, не зная о чумалах у пермских татар, Б.А.Куфтин считал, что граница ареала чумалов не проходила западнее области расселения башкир и манси и не захватывала нынешнюю татарскую территорию. Поэтому он решил, что печь, образовавшаяся при участии чумала и сохранившая следы этого в своих формах, попала к казанским татарам в готовом виде еще в золотоордынскую эпоху, принесенная теми кыпчакоязычными тюрками (золотоордынскими татарами), которые ассимилировали волжских болгар и превратили их в казанских татар. А у болгар, по мнению Б.А.Куфтина, ранее имелись в жилых постройках только «черные» печи, отличавшиеся от «русских» лишь наличием очагов и затем сохранившиеся у чуваш — тоже бывших болгар, но избежавших кыпчакской ассимиляции и сохранивших тюркский язык болгарской группы³.

Ниже увидим, что Б.А.Куфтин не учел еще некоторых письменных источников, в его время уже достаточно известных. Вопрос о возможности существования чумалов у казанских татар или их предков не проясняют ни современные археологические материалы по волжским болгарам, относящиеся к городам и крепостям, но не к крестьянским селениям, ни новейшие этнографические данные о пермских татарах.

Имеет отношение к нашей теме один эпизод из истории сибирских татар. Группа казанских татар, поселившихся в Западной Сибири в районе Тобольска, получила прозвище «оброчные чумальщики». Большинство исследователей обходило вопрос об их странном названии или интересовалось лишь словом «оброчные», справедливо видя в этом особенность их налогового обложения. Есть мнение, что это были бедняки, выселившиеся в XVIII-XIX вв. из района Казани и нанимавшиеся в работники к богатым тобольским татарам, образно говоря, за право греться у чумала, за что и были прозваны «чумальщиками»⁴. Но по другим сведениям «оброчные чумальщики» нанимались к богатым татарским купцам в приказчики⁵, то есть это были крестьяне-отходники с определенной профессией, требовавшей образования и опыта, вроде русских-ярославцев, ходивших приказчиками в Петербург, а не бедняки, готовые на любую черную работу «за чумал».

Еще одна версия высказана в анонимной статье в 1806 г.: «чумальщики» получили свое прозвище «потому что они первые, по переселении своем туда из Казанской области, начали делать у себя в юртах каминь»⁶. Недавно по архи-

вным материалам выяснено, что «оброчные чувальщики» существовали в районе Тобольска еще в XVII в.⁷ Опубликовано и ранее неизвестное описание Тобольского наместничества 1784-1790 гг., где сказано, что тобольские татары «не имели в древности в юртах своих чувал, а был по середине юрты огонь. Но при хане Кучуме выписаны были из Казани сии мастера, которые и показали оные чувалы как делать. С тех пор и по ныне имеют в каждой юрте чувалы. А как оные мастера остались на жительство в Сибири, то по взятии Сибири и они с прочими в яsak положены, и сей збор различен был званием чувальщиков, который збор и по ныне так именуется»⁸.

Хотя по мнению многих археологов и этнографов чувалы были известны сибирским аборигенам раньше, чем европейским татарам, но, по приведенным выше сведениям, нельзя исключать и иных суждений. Например, тоже по археологическим данным, у отдельных отсталых групп западносибирских татар вплоть до XVI в. еще встречались, наряду с чувалами, и архаические открытые очаги посреди жилых помещений, то есть полного господства чувалов еще не было.⁹ На такие группы западносибирских татар переселенцы из района Казани могли оказать определенное влияние, в том числе и в распространении чувалов. А это могло привести и к закреплению за группой казанцев прозвища «чувальщики», сохранившегося впоследствии. Это позволяет предполагать, что в Европейской России чувалы имелись не только у башкир, манси и пермских татар, но и у основной части казанских татар.

И действительно, в 1733 г. петербургский академик И.Гмелин описал по-немецки «избу» казанских татар: «Татары не имеют черных изб, но в каждой избе имеются два камина рядом друг с другом, из коих в одном топят, а в другом варят еду. Их избы выглядят очень чистыми. В них имеются очень широкие низкие лавки»¹⁰. Здесь «лавки» - очевидно, нары. Возможно, что уже имелась и хлебопекарная печь, судя по тому, что помещение названо «Stube» - буквально «изба». Ясно, что «камины» - это чувалы, но почему их было два в каждом доме? Оказывается, в Западной Сибири у барабинских татар-аборигенов, недавних лесостепных полукочевников, «осевших» лишь в XVIII в., - еще встречался до конца XIX в. не только чувал с закрытым кухонным очагом, но и более старый вариант, где при основном, отопительном чувале делался кухонный очаг в форме дополнительного небольшого чувала с подвесным котлом.¹¹ Это была переходная форма, соответствующая описанию И.Гмелина и показывающая, что в 1730-х гг. и у казанских татар не только существовал чувал, но и кухонный очаг при нем еще сохранял архаическую форму.

В 1776 г. другой немец-академик И.Георги писал об «избах» казанских татар: «Каждая изба имеет камин (чувал)» (в немецком подлиннике «Kamin / Tschuwal/»)...)» Поскольку эта изба является и кухней, в ней в большинстве случаев имеется вмазанный котел» (котел в отверстии-конфорке закрытого глиняного очага, - А.Ш.). В изданном тогда же русском переводе этой книги слова «камин /чувал» почему-то заменены словом «очаг».¹² Сообщения И.Гмелина и И.Георги ускользнули от внимания российских этнографов, так как книга И.Г-

мелина вообще не была переведена на русский язык, а книга И.Георги переведена, как видим, с ошибкой.

Немного раньше у самарских татар И.Лепехин описал и зарисовал уже печь, которая, однако, еще не приобрела характерной для конца XIX в. монолитной прямоугольной формы и была похожа на упомянутый комбинированный агрегат на общем постаменте.¹³

В свете этих данных XVIII в. уже не кажутся недостоверными и некоторые более поздние сообщения. Так, в Оренбургской губернии в 1838 г. чувалы отмечены у татар, переселившихся из района Казани в 1770-х гг. У какой-то части саратовских татар чувалы упомянуты даже в 1852 г.¹⁵ Сопоставляя приведенные сведения, можно считать, что печь с пережиточными деталями, говорящими о ее развитии из чувала, характерная в конце XIX - начале XX вв. для средневожских татар, развилась не у каких-то кыпчакоязычных тюрок до их прихода в Среднее Поволжье, а у самих средневожских татар, имевших чувалы вплоть до конца XVIII в., а местами еще и позже. Появились же чувалы у этих татар не позже чем в XVII в., а возможно что и раньше. Считать эти средневожские татарские чувалы менее древними, чем сибирские, пока не видим оснований.

Теперь предстают в новом свете и некоторые сведения о чувалах у других неславянских народов Среднего Поволжья. Одновременно с И.Гмелином еще один академик, Г.Миллер сообщил, что у удмуртов, марийцев и чуваш «избы» были «деланы татарским построем», были «белыми» и имели нары¹⁶. Но из описания И.Гмелина уже можно понять, что такое «татарский построи»: это были постройки с чувалами.

В отношении чуваш это подкрепляется и немного более ранним сообщением на немецком языке пленного шведского офицера Ф.Страленберга. Говоря об эрзе (северная группа мордвы), он отметил, что «свои очаги и места для разведения огня («Feuer-Herde und Stellen»- сокращенное «Feuer-Herde und Feuer-Stellen», - А.Ш.) они имеют с левой руки у торцевой стены с северной стороны»; но тут же он добавил, что чуваша имеют такие же устройства для разведения огня «справа, с южной стороны, сразу у двери при входе», и что именно этим различаются жилые помещения мордвы и чуваш. Поскольку там же сказано, что у обоих народов жилые постройки ставились дверями на юг (они были однокамерными и стояли посреди открытых дворов, так что их можно было ставить как угодно), легко видеть что у чуваш постройки имели тот же план, что татарские и прочие постройки с чувалами. В помещении имелись «очаг» и «место для разведения огня», но печь не упомянута. Видимо, «место для разведения огня» - это чувал, для которого Ф.Страленберг не подыскал немецкого названия. Если бы это была печь, он вряд ли затруднился бы назвать ее «Ofen». Едва ли это незнакомая нам комбинация чувала с кухонным очагом, но без печи, которая еще стояла вне дома, как впоследствии у многих групп башкир, обских угров и др.¹⁷

Показательно и то, что Ф.Страленберг назвал чувашские жилые постройки «дома или каты» («Kahten»). По-немецки «Kahte» - вообще маленькое, плохое, убогое жилище крестьянина-бедняка, батрака и т.п. Но Ф.Страленберг, писавший по-немецки, был швед, для которого слово «ката» в начале XVIII в. имело другое значение. Так назывались утепленные пирамидальные шалаши полукочевников-саамов, в том числе и шведских. А с них название переносилось и на срубные прямоугольные жилища саамов, переходивших к оседлости. В таких постройках появлялись вместо открытых очагов камины (в отличие от чувалов, не глиняные, а каменные), а затем и комбинированные агрегаты с каминами и печами (хлебопекарные печи там, как и везде, сначала ставились вне дома), не на эти ли саамские жилища были похожи чувашские в начале XVIII в., и не потому ли швед Ф.Страленберг назвал их «катами»?

Пережитки чувалов видны в чувашских избах и позже. Характерно постепенное отмирание печной трубы. В 1733 г., по Г.Миллеру, она имелась еще обязательно, как у татар. В 1768 г. труба имелась «часто, хотя не всегда»¹⁸. В 1621 г. трубы не было «в большинстве случаев».¹⁹ Затем трубы в чувашских избах вовсе исчезли и начали вновь распространяться лишь во второй половине XIX в.

Почему при замене чувала печью татары не отказались от трубы, оставшейся от чувала, а чувашаи отказались? Одну из главных причин можно видеть в том, что у чуваш, в связи с господством трудоёмких переложных систем земледелия, еще преобладали неразделенные семьи с несколькими супружескими парами, для них основным жилищем были неотапливаемые кладовые-спальни, подобные русским клетям, изба же была более производственным, чем жилым помещением, в ней зимой кормили теплым кормом скот и постоянно держали часть животных (так было на данной стадии развития почти у всех народов Восточной Европы, не исключая и русских). Татарские же крестьяне, по известным источникам, не имели многолюдных неразделенных семей, так как перешли от скотоводческого полукочевничества к преимущественно земледельческому хозяйству сравнительно поздно (даже в XVII-XVIII вв. еще не везде и не полностью), и потому в XVIII-XIX вв. развивали сразу такие формы земледелия, которые не требовали крупных производственных коллективов, - в основном, такое же, как у русских, земледелие с трехпольным паровым севооборотом, но без перелога и с недостаточным удобрением, по существу бессистемное.²⁰ Примерно то же происходило у башкир, только еще позже и быстрее, а потому хорошо известно. Поэтому у татар, в отличие от чуваш, изба сразу стала единственным жилым помещением и потребовала большего комфорта, в том числе и отопления «побелому».

Видимо, имело значение и то, что татары, в отличие от прочих неславянских народов региона, имели значительное городское население в Казани, а в ее окрестностях - много богатых крестьян-купцов из числа бывших татарских дворян, в XVIII в. лишенных привилегий за отказ принять христианство. Эти некрестьянские группы должны были способствовать распространению среди

татарских крестьян элементов городской культуры, в том числе и в жилище. Чуваши же вплоть до рубежа XIX-XX вв. оставались только крестьянами-земледельцами.

Сказанное подтверждается и сведениями конца XIX в. о некоторых районах, где татары-крестьяне отличались крайней нищетой. Обнищание было не только результатом обычного для тех лет экономического расслоения крестьянства, но и следствием того, что эти группы татар в процессе «оседания» и «окрестьянивания» быстро утратили пастбища и скот, но не получили соответствующего количества земледельческих угодий. Поэтому их жилище в своем развитии задержалось на уровне жилища «оседающих» полукочевников, что можно было бы подтвердить башкирскими аналогиями. У этих обнищавших татар так же, как у прочих, господствовали дома с отоплением «по-белому», но отнюдь не благодаря высокому уровню жилищной культуры. Дымовые трубы имелись даже в тех жилищах, где они из-за примитивности и ветхости фактически не работали. Про эти помещения сказано : «Хотя все они топятся «по-белому», но в сущности те же черные : печи дымят, починить - не на что. Закоптевшие потолок и стены придают от еще больше мрачности этим вопиющим приютам нищеты»...²¹ Печная труба тут всё еще оставалась более пережитком недавно исчезнувшего чувала, нежели осознанным достижением технического прогресса, ее всё еще сохраняли более по традиции, чем ради реальной пользы.

В отношении удмуртов сообщение Г.Миллера об «избах», «деланных татарским построем», заставляет вспомнить северо-удмуртские городища (остатки крепостей) домонгольского времени, где раскопаны остатки построек с основаниями чувалов - круглыми каменными постаменами вблизи срубных стен. Автор публикаций определил их как открытые очаги,²² но это неверно, - открытые очаги нельзя ставить вблизи деревянных стен и, к тому же, подобные остатки чувалов известны сибирским археологам. Хотя эти крепости не вполне характеризуют строительную культуру тех слоев населения, из которых формировалось крестьянство, но находки всё же говорят о том, что северным удмуртам в средние века чувалы были, вообще, неизвестны.

В 1790 г. А.Радищев записал об одном северо-удмуртском селении: «избы уже белые у иных»²³. Учитывая, что вслед за тем «белые избы» у северных удмуртов исчезли до конца XIX в., видимо, по тем же причинам, что и у чуваш, логично думать, что А.Радищев тут неверно понял направление эволюции: надо было сказать, что «избы» не «уже», а «еще белые у иных», ибо и здесь труба была не нововведением, а уходящим пережитком чувала.

В XIX в. у северных удмуртов еще долго были заметны следы недавнего бытования чувала в жилище : очаг с подвесным котлом при печи, нары, рассчитанные на обогревание лучистым теплом.²⁴ Те же детали имелись и в жилых постройках северных групп марийцев, чем подтверждается упомянутое свидетельство Г.Миллера о наличии чувалов и у этого народа.²⁵ У южных групп марийцев и удмуртов, а также у восточных марийцев эта же эволюция шла несколько медленнее. Дымовые трубы в жилище казанских удмуртов отсутство-

вали, насколько можно понять, лишь очень недолго в середине XIX в., а у приволжских марийцев, кажется, никогда не исчезали полностью. Дольше сохранялись нары. В середине XIX в. очаги с подвесными котлами стали заменяться закрытыми очагами с котлами в отверстиях-конфорках.²⁶

По-видимому, аналогичная эволюция от жилища с чувалом к постройке типа избы шла и у некоторой части мордвы. Еще Ф.Страленберг, описав у мордвы-эрзи жилища, несколько отличные от чувашских (см. выше), заметил, что мордва-мокша имеет с чувашами «одинаковый образ жизни и привычки».²⁷ Позже по описанию П.Палласа и по ряду сообщений первой половины XIX в. мордовские «избы» строились «отчасти русским, отчасти татарским способом».²⁸

Как видим, практически у большей части всего неславянского крестьянства Среднего Поволжья в XVIII в. еще существовали жилые постройки с чувалами или с агрегатами, включавшими чувал и печь. В дальнейшем в наследство от чувалов везде оставались дымовые трубы над шестками печей, кухонные очаги с котлами, сперва подвесными, затем вставленными в отверстия-конфорки, и нары, рассчитанные на обогревание лучистым теплом. Довольно ясно, что всё это были следы той же самой эволюции от полукочевничьего жилища, которая прослежена у башкир, обских угров и еще многих сибирских народов, а у перечисленных восточноевропейских народов прошла несколько раньше и, потому не была полностью описана и понята этнографами.

Несколько слов о том особом варианте плана жилища, который, как сказано выше, Ф.Страленберг отметил у некоторой части мордвы, как непохожий на чувашский. Именно этот план позже несколько авторов назвали «русским способом»: план с печью не в углу у двери, а в углу у стены, противоположной двери. Впоследствии, в конце XIX - начале XX вв., такие планы имели избы русских крестьян в лесостепной зоне Европейской России, причем в западной части их ареала, главным образом в верховьях Оки, печь ставилась устьем к боковой стене, а во всех более восточных районах - устьем к двери.²⁹ Последний план не без оснований считают старейшим из четырех планов русских изб, известных в конце XIX в.³⁰ Очевидно, именно этот юго-восточный вариант южнорусского плана избы имели в виду Ф.Страленберг и все последующие авторы, писавшие о «русском способе» устройства мордовского крестьянского жилища, тем более что ареал этого русского плана непосредственно граничит с ареалом расселения мордвы, а жилища с таким планом еще в середине XX в. имелись у мордвы-мокши и у живущей там же некоторой части татар-мишарей.³¹

Отсюда - некоторые выводы и вопросы для истории не только неславянских, но и русских крестьянских жилищ. Если бы при указанных двух планах русских изб - юго-западном и юго-восточном - когда-либо в прошлом наряду с печами или вместо печей имелись каминные под тем или иным названием, то спальные места, где бы они ни находились, не получали бы необходимого обогрева, а в зону лучистого обогрева от камина попадала бы дверь, и не было бы подходящего места для нары. По-видимому, это значит, что южнорусские избы в обозримом прошлом не могли иметь каминов. А это могло быть в тех случаях, когда откры-

тый очаг (или закрытый, с котлом в отверстии-конфорке) начинал дополняться, а затем и заменяться хлебопекарной печью раньше, чем вошел в употребление камин.

Менее понятны исторические взаимоотношения между жилыми постройками с чужалами и постройками типа русских изб (не только у русских) с печью в углу у двери, устьем к боковой стене (западный план) или к стене, противоположной входу (северный план), наиболее распространенный и близкий к плану построек с чужалами). С одной стороны, у русских крестьян в ареалах этих планов в XIX- начале XX вв. этнографическими способами не обнаружено в избах ничего похожего на камин, а более ранних сведений нет. Нельзя исключать, что здесь, как и на юге Европейской России, эволюция от открытого очага до хлебопекарной печи прошла через стадию закрытого очага с отверстием-конфоркой, минуя устройства типа камин.

Но, с другой стороны, некоторые факты допускают иные объяснения или вовсе не объяснены. Например, ямка для углей на шестке печи столь же обычна для русских изб, как и для жилищ народов, имевших чужалы в прошлом, причем в ряде мест, особенно в Псковской губернии, у русских отчетливо прослеживается вся эволюция до этой ямки от кухонного-очажка с подвесным котелком. Но почему среди многочисленных местных русских названий этой ямки («горнушка», «жараток», «загнетка» и др.) довольно распространено название «камелёк», а в северных говорах «комелёк»? Ведь это уменьшительная форма не от слова «камин», как нередко думают, а от слова «комель» - толстый конец бревна. И тут вспоминаются архаические долбленые трубы чужалов сибирских народов (см. выше). Не может ли это значить, что и в Европейской России, конечно, не везде и не у всех крестьян, но хотя бы у некоторых групп в отдельных районах, устройства для разведения огня в жилых помещениях на каких-то очень ранних этапах развивались путями, сходными с сибирскими?³²

Разбор этих, как и ряда других еще менее ясных фактов требует по меньшей мере нескольких специальных статей. Здесь заметим только, что начинать тут надо, по-видимому, с саамов Кольского полуострова, которые в XIX- начале XX вв., а может быть и гораздо раньше, имели в своих полукочевничьих селениях жилища с каминными. Эти каминные «такки», в отличие от чужалов, были не глиняными, а каменными, что вполне объясняется особенностями местных строительных материалов Кольского полуострова, но в остальном были достаточно близки к чужалам, чтобы допускать здесь наличие в прошлом аналогичной эволюции. Если же учесть, что область расселения саамов по крайней мере до XIV в. занимала огромную территорию, в том числе всю нынешнюю Карелию и смежные части России, где саамы в течение нескольких веков жили чересполосно с русскими (а также карелами и вепсами), подвергаясь весьма медленной, постепенной ассимиляции в процессе «окрестьянивания», то нетрудно представить себе, что возможности для взаимных культурных влияний здесь были самые широкие.

Итак, из нашего обзора видно, прежде всего, что крайняя западная граница ареала чувалов вырисовывается не в Прикамье, как принято считать, а примерно где-то в Нижегородской губернии. При этом ни у одного из неславянских народов данного региона не выяснено время появления чувалов, а значит, не имеют оснований домыслы о их заносе сюда из Сибири или, наоборот, отсюда в Сибирь, равно как и все мыслимые гипотезы о заимствовании чувалов каким-либо одним народом у другого. Лингвистика тут ничего не дает, ибо у всех перчисленных народов бытовали термины, более или менее похожие на слово «чувал», явно неславянское по происхождению, но не выводимое более точно из какого-либо другого языка. Возможно, что решить проблему могли бы археологи, но лишь при условии, что исследоваться будут не только города и городища, но и места обитания основных масс населения, будь то крестьяне или группы, еще не достигшие крестьянского уровня.

Примечания:

- ¹ Например: Григоровский Н.П. Описание Васюганской тундры // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Кн.6. Омск, 1884, с.13-14, 51.
- ² Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л., 1955, с.213.
- ³ Куфтин Б.А. Татары касимовские и татары-мишари Центрально-Промышленной области // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. М.,1929, с.144-148.
- ⁴ Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX-начале XX вв. Казань, 1980, с.37.
- ⁵ Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып.10. СПб.,1891, с.61.
- ⁶ Нечто о Сибири и народах, в ней обитающих // СПб.-ский журнал. 1806. № 5, с.92.
- ⁷ Томилов Н.А. Поволжские татары Западной Сибири в XI - первой четверти XIX в. / Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983, с.181.
- ⁸ Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982, с.297-298.
- ⁹ Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990, с.114.
- ¹⁰ Gmelin J. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743. Т.1-4. Göttingen, 1751-1752. Т.1, S.87.
- ¹¹ Филимонов Е.С. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-западной Барабы или Спасского участка Каинского округа Томской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып.17. СПб., 1892, с.44.
- ¹² Georgi J. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs. Т.1-4. St.-Petersburg, 1776-1780. Т. 2, S.96-97; сравнить: Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч.1-4. СПб.,1776-1799, 4.2. с.14.
- ¹³ Лепехин И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. 4.1-3. СПб.,1771-1780,4.1, с.138-139, табл.5.
- ¹⁴ Рехенберг А.А. Статистическое описание лесного пространства между реками Уралом и Восточным Иком // Записки РГО. Кн.6. СПб., 1852, с.483-484.

- ¹⁵ Безносииков. Военно-статистическое обозрение Саратовской губернии // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5. 4.4. СПб., 1852, с. 76.
- ¹⁶ Миллер Г. Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно: черемисов, чувашей и вотяков // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1756, июль, с.39-40.
- ¹⁷ von-Stralenberg Ph. Das Nord und Östliche Theil von Europe und Asia. Stockholm, 1730, S.347,402.
- ¹⁸ Pallas P. Reise durch verschiedene Provinzen. des Russischen Reichs. Т.1-3. St.-Petersburg, 1771-1776. Т.1, S.87-88.
- ¹⁹ Erdmann J. Beiträge zur Kenntniss des Inneren von Russland. Т.1. Riga - Dorpat, 1822. S.110.
- ²⁰ Шенников А. А. Распространение животноводческих построек у народов Европейской России // Советская этнография. 1968. № 6, с.99-104. Его же: Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX вв. // Этнография народов Восточной Европы (сборник статей). Л., 1977, с.4-10,15-24.29. Его же: Длинный дом и крытый двор. Из истории строительной культуры крестьян лесной зоны Европы до конца XIX - начала XX вв. СПб., 1992, с.86-97 и др., 183. Его же: Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. Как были устроены усадьбы-русских крестьян в XVI в. СПб., 1993, с.8-11,16-18,26-27,34-39,62-63. Его же: Гороховецкие зимницы. Очерки из историй российских крестьян, их хозяйства, быта и культуры. СПб.1997, с.72-107.113,119.135-140.
- ²¹ Лаврский К. Татарская беднота. Казань, 1884, с.25.
- ²² Смирнов А.П. Донды-Карское городище // Труды Научного общества по изучению Вотского края. Вып.4. Ижевск, 1928, с.29. Его же: Финские феодальные города // Ученые записки НИИ народов Советского Востока. Вып.2. М., 1931, с.38.
- ²³ Радищев А.Н. Записки путешествия в Сибирь // Полное собрание сочинений. Т.3. М.-Л., 1952, с.255.
- ²⁴ Бехтерев В. Вотяки, их история и современное состояние // Вестник Европы. 1880. № 8, с.635. Осокин С. Народный быт в северо-восточной России // Вятские ГВ, 1857, № 9, с. 49. Попов И. Историко-статистическая записка о селе Святицком и с северо-западной части Глазовского уезда // Вятские ГВ, 1851. № 42, с.353. Сатрапинский К. Вотяки и бесермяне, проживающие в приходе и селе Укан Вятской губернии Глазовского уезда. Рукопись, 1854 // Архив РГО, разряд 10, № 49, л.41-42. Чудновский. Медико-топографическое описание Сарапульского уезда Вятской губернии // Журнал Министерства внутренних дел, 1849. № 5, с.186. Штейнфельд Н.П. Бесермяне // Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1895 г. Вятка, 1894, с.228-229.
- ²⁵ Милютин. Действительное описание жизни черемис проживающих в Уржумском округе Вятской губернии. Рукопись, 1860 // Архив РГО, разряд 10, № 60. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч.1-2. Пермь. 1804, ч.2, с.211. Шестаков. Быт черемис Уржумского уезда // Вятские ГВ, 1867, № 2, с. 19. Heikel A. Die Gebäude der Čeremisaen, Mordwinen, Esten und Finnen // Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja, 4. Helsinki, 1888.
- ²⁶ Ерусланов П. Краткий отчет о поездке к черемисам Уфимской губернии летом 1896 г. // Этнографическое обозрение. 1896. № 11, с.325. Комов. Черемисы и вотяки середины северной половины (второй стан) Бирского уезда // Уфимские ГВ, 1889, № 33, с.6. Островский Д. Вотяки Казанской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т.4. № I. Казань, 1873, с.23. Потанин Г.Н. У

- вотьяков Елабужского уезда // ИОАИЭ. Т.3. 1884, с. 196. Россоловский А.Ф. Статистическое описание Царевококшайского уезда (Составлено в 1837 г.) // Казанские ГВ, 1853, № 27, с.213. Рябинский К.С. Ардинский приход Козьмодемьянского уезда // ИОАИЭ. Т.16. Вып.2. 1900, с.195. Троицкая Н. Черемисы Арбанской волости // ИОАИЭ. Т.11. Вып.1. 1894, с.66. Фадеев Э. Статистический очерк Царевококшайского уезда // Казанские ГВ. 1848. P 52, с.477. Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840, с.291-292. Его же : Поездка к вотьякам Казанской губернии // Казанские ГВ. 1844. № 14, с. 2.13. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859, с.180, 195, 216. Heikel A. Op. cit., S.63-64.
- ²⁷ von Stralenberg Ph. Op. cit. S.401,402.
- ²⁸ М.П. Селиксенские мордвы // СПб-ские Ведомости. 1834. №№ 30-36, с.117. Фукс К. Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 г. // Журнал Министерства внутренних дел. 1839. № 10, с. 109. Erdmann J., Op. cit., T.1, S.117-118. von Haxthausen A. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rusalands. Т.1-3. Hannover, 1847. Т.2., S.18. Pallas P. Op. cit. T.1, S.72-73.
- ²⁹ Например: Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Труды Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 31. М.,1956, с.234-239.
- ³⁰ Даль Л.В. Материалы для истории русского гражданского зодчества // Зодчий. 1874. № 31. С.31. Heikel A. Op. cit., s.26-59, 106-110,325-332.
- ³¹ Белицер В.Н. Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX - первой половине XX в. // Труды Ин-та этнографии. Новая серия. Т.86. М.,1963, с.167-168. Козлова К.И. Этнография народов Поволжья. М.,1964, с.61. Мухамедова.Р.Г. Татары-мишари. М.,1972, с.81-84. Тумайкин В.П. Поселения и жилище // Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск., 1981. с.104-105.
- ³² Некоторые сведения об этом: Шенников А.А. Ук. соч. 1997, с.54-62.

Критика и библиография

Томас Нунен, Роман Ковалев

Два новых журнала в Казани. Татарская археология.

Finno-Ugrica.*

Finno-Ugrica, № 1 (Институт истории АН РТ: Казань, 1997). Главный редактор - Рафаэль Хакимов; редактор - Евгений Казаков.

Этот новый журнал обещает быть настоящим сокровищем для любого, кто интересуется средневековым финно-угорским миром. Посвященный истории, археологии, этнографии, лингвистике и искусству финно-угорских народов, он будет выходить поквартально и публиковать статьи на русском и английском языках. Этот журнал восполняет явный недостаток информации о финно-угорских народах вообще и народах Поволжья и Прикамья в частности. Уже в первом выпуске, четверо ученых из Среднего Поволжья (трое из Казани и один из Удмуртии) опубликовали результаты весьма важных и стимулирующих дальнейшие исследования работ по основным проблемам древней, новой и новейшей финно-угорской истории. Будем надеяться, что будущие выпуски этого журнала поддержат высокие стандарты качества исследований, установленные первым выпуском.

В первой статье, Владимир Марков подчеркивает гетерогенность ананьинской культуры, доминировавшей в Поволжье и Прикамье в раннем железе. На основании исследования гончарного дела и других артефактов, Марков выдвигает тезис о ее образовании тремя главными компонентами: (пост-маклашевской, «классической» ананьинской культурами, и Вяткой-Ветлугой), которые имели различное происхождение, различную материальную культуру, различные географическое расположение и хронологию. Кроме того, автор поддерживает тезис о сосуществовании в ананьинском обществе двух религиозных тенденций, одной, привязанной к скифо-иранскому миру на юге и другой, связанной с ранними шаманистскими верованиями Северной Руси и Сибири. Марков также обращает внимание на миграции: одно направление миграции - перемещение народов с Северного Урала и из Северо-Восточной Сибири на юг, вероятно, вследствие климатических изменений, и другое, в которое вовлечены поселенцы с Северного Урала, достигающие Северо-Запада России по северным рекам. Вкратце, ананьинская культура была далека от гомогенности; скорее, она представляла собой серии независимых этнических сущностей. Хотя доказательства, приводимые Марковым, не лишены смысла, он не объясняет, каким образом такое разнородное общество может рассматриваться как единая археологичес-

* Two new Journals from Kazan. Tatarskaia arkheologia. Finno-Ugrica. ARCHIVUM EURASIAE. MED II AE VI. 10(1998-1999). Harrassowitz Verlag. (Перевод с английского языка - В.Е.Казаков)

кая культура. Что особенно важно - ананьинская культура иногда рассматривается как «начальная точка» при обсуждении вопросов этногенеза финно-угорских народов. Хотя Марков включил слова «финский мир» в название своей статьи, он ничего не говорит о месте ананьинской культуры в этногенезе финно-угров. Не-археологи могли бы быть заинтересованы главным образом в изучении вопроса - каким образом три дивергентные группы объединяются в единую культуру и какое место эта культура занимает в эволюции финно-угорских народов.

Петр Старостин исследует два ключевых вопроса в этнокультурном развитии Нижней Камы в течение первой половины первого тысячелетия н.э. Первая проблема касается отсутствия селищ, датируемых первым веком до н. э. - первым веком н. э. Исключая «теорию землетрясения» Халикова, на основании того, что землетрясение 493 г. до н. э. не объясняет продолжительную депопуляцию на протяжении пяти последующих веков, Старостин тем не менее не представляет своего собственного ясного объяснения этого. Вторая проблема касается именьковской культуры, которая изгнала население, принадлежащее к азелинской культуре, из областей их заселения в IV - V вв. н. э. Именьковская культура весьма интересна сама по себе уже потому, что ее экономика была основана на агрикультуре и создании запасов (охота и рыболовство были вторичны), и нет свидетельств того, что именьковцы позднее вошли в состав Волжской Булгарии. Автор поднимает проблему этнической принадлежности именьковского населения (стр. 31), которую большинство современных ученых решают в пользу его славянского происхождения. Мы до сих пор изумляемся тому, что славяне населяли бассейн нижней Камы в середине V века н.э. - в то время, когда славянские переселенцы (мигранты) только еще начали перемещаться на север из областей нижнедунайско-карпатского региона. Кроме того, Старостин не объясняет ясно свои взгляды на родственные связи между именьковской культурой и финно-угорским населением низовьев Камы.

Ценная научная статья Евгения Казакова представляет собой общий взгляд на историю средневековой Волжской Булгарии, а также исследует взаимодействие между Волжской Булгарией и окружающим ее финно-угорским миром. До Казанского ханства, в булгарской истории можно выделить три периода. В раннебулгарский период, булгары - язычники и кочевники - только еще начали появляться в среднем Поволжье (IX и первая четверть X вв.), где ими был образован политический союз. Во второй и третьей четвертях X в. булгары впервые подвергаются влиянию процессов оседания и исламизации. В течении первого периода, булгары развили тесные контакты с уграми Западного Урала и Прикамья. Например, многие угры Средней Камы, вытесняемые на север набегами печенегов, избрали местом обитания Среднюю Волгу. Как следствие, культура Волжской Булгарии в это время включала как булгаро-салтовские, так и угорские элементы. Новая, «домонгольская» эра началась в 960 гг. н. э., с прекращением существования Хазарского каганата, что в свою очередь привело к наплыву булгар с Азова - Кубани, которые имели сильные традиции ислама, развитые ремесла и сельское хозяйство. Эти мигранты стали катализаторами в процессе транс-

формации Волжской Булгарии в исламское государство с экономикой, основанной на ремесленничестве, сельском хозяйстве и скотоводстве. В то же самое время Волжская Булгария начинает развивать тесные экономические связи со своими финскими соседями с Верхней Волги и Оки. Так, вещи, произведенные в болгарских мастерских, широко обмениваются на продукты лесного хозяйства финнов и угров. В этот период гегемония Волжской Болгарии простирается от Верхней Волги до Урала. В 1088 г. н.э. болгарские торговцы, путешествующие по Волге и Оке, подвергаются нападению Суздальской Русью, что инициирует «торговую войну», в которой болгары терпят неудачу. Многие финны верховьев Камы оказываются тогда под доминантой Руси, в то время как болгары интенсифицируют свою коммерческую деятельность среди угров Камы и Чепцы. Монгольское нашествие 1236 г. н. э. возмещает начало нового периода, в который Волжская Булгария становится провинцией Золотой Орды - в течение этого периода многие мордвины мигрируют на территорию Волжской Булгарии, в то время как большое число угров претерпевает процессы исламизации и тюркизации.

Хотя статья Казакова сфокусирована на болгарских исследованиях, она также предпринимает попытку показать - когда, почему и как различные финно-угорские группы становятся частью Волжской Булгарии. Автор характеризует отношения с финно-уграми как (стр. 35) «близкие и мирные» и (стр. 43) «как правило, дружественные». Однако, на основании того факта, что над финно-уграми доминировали болгары и финно-угры вынуждены были платить им дань, мы не убеждены, что отношения между ними могут быть благодушным образом описаны как дружественные и мирные. Наконец, в то время как Казаков обосновывает (стр. 33) финно-угорское влияние на болгар, этот аспект их взаимоотношений не рассматривается. Можно ожидать, что, как иммигранты в северные земли, в течение долгого времени населенные финнами и булгарами, болгары многое переняли и многому научились от них в отношении жизни в этих северных землях.

В последней статье, Маргарита Иванова исследует средневековую Удмуртию. После обсуждения различных археологических культур, которые, начиная с пятого века н.э., сформировали часть современной Удмуртии, автор делает обзор укрепленных удмуртских селищ в бассейне Чепца и весьма детально описывает военные, торговые, сельскохозяйственные и религиозные функции большого городища Иднакар. Хотя не всегда ясно, что именно автор пытается показать, статья в целом обеспечивает великолепное краткое введение в удмуртскую древнюю историю, предмет, часто обозреваемый в исследованиях этой географической области.

Выпуск завершается обзором докладов, представленных на специальном совещании по марийской культуре, имевшем место в Казани в 1955 г. Здесь, Г. И. Краинов обсуждает стадии марийского национального движения, В. Г. Яналов говорит о марийско-татарских культурных связях, О. К. Егорова анализирует «марийский ренессанс» и судьбу национальной интеллигенции, А.Л. Маклыгин обращается к теме казанской и марийской музыкальной культуры, а Е. П. Казаков

рассматривает стадии этнокультурного взаимодействия населения Татарии и Марий Эл. За исключением работы Казакова, все доклады фокусируются на исследовании позднего периода - конца XIX - начале XX вв.

Все четыре статьи в первом выпуске - весьма полезные и ценные исследования. Тем не менее, сюрпризом является то, что первые две из них терпят неудачу в попытках более детального обращения к теме финно-угорского этногенеза. Хотя это сложная и противоречивая тема со множеством политических обертонов, те из нас, кто не является специалистами в древней истории финно-угорских народов, нуждаются в значительно более детальном ознакомлении со мнением специалистов о том, как в конце концов эти народы заняли большие территории Поволжья и Прикамья. Так, весьма информативное исследование Казакова показывает, как угры и поволжские финны пришли к общей культуре с волжскими булгарами, хотя и трудно поверить, что это процесс был таким дружественным, как он предполагает. Наконец, нам необходимо значительно больше таких научных статей, как работа Ивановой, по исследованию индивидуальных черт финно-угорских народов Поволжья и Прикамья в средние века.

Валерий Юрченков Письмо в редакцию

Уважаемый господин .Р.Хакимов!

Уважаемый господин Е.Казakov!

С большим интересом ознакомился с публикациями журнала «Finno-Ugrica», последние номера которого попали мне в руки во время II Всероссийской научной конференции финно-угроведов в Саранске. Их значение, как мне представляется, весьма велико и существенно меняет историографическую ситуацию в финно-угриктике. Однако отдельные положения статьи уважаемого мною профессора К.Н.Санукова, опубликованной в № 1(2) за 1998 г., вызывают закономерные возражения, поскольку, вольно или невольно, искажают мою точку зрения на отдельные вопросы истории мордовского народа и края.

Профессор К.Н.Сануков пишет: «Наряду с активизацией научных исследований характерной чертой последних лет стало широкое распространение любительских публикаций на исторические темы о прошлом финно-угорских народов. В них на новом историческом витке возрождается мифологизированная история... В этом отношении, например, характерно утверждение, что древние финно-угры имели свою государственность» (Сануков К.Н. Финно-угорские народы России: проблемы историографии. // Finno-Ugrica. 1998. № 1(2). С.57). При этом дается сноска на мою работу «Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории» (Саранск, 1991) и отмечается: «Утверждение В.Юрченкова о существовании древне-мордовского государства справедливо подвергнуто критике Н.Ф.Мокшиным» (Там же. С.65). Мне хотелось бы внести в этот вопрос ясность.

К рассмотрению проблем политического развития мордовского народа на рубеже 1-11 тыс. я обратился еще в середине 80-х гг. в ходе анализа западной историографии истории мордовского края и народа. Я увязывал политические изменения древнемордовского общества с процессом феодализации и писал: «Феодальные отношения у мордвы развивались весьма сложно и противоречиво. Существенное влияние оказывали на генезис и развитие феодализма в крае важные исторические процессы, которые происходили на соседних территориях, в частности на Руси и в Волжской Булгарии. Но это не означает того, что феодализм был привнесен на земли «дикой» мордвы. Тенденция к установлению сотрудничества между мордовскими князьями и феодальными властями Владимиро-Суздальской Руси и Волжской Булгарии имела место, но она не взяла верх, не привела к сращиванию самостоятельных политических организмов» (Филатов Л.Г., Юрченков В.А. Мифы и реальность. Критика немарксистских концепций истории мордовского народа. Саранск, 1989. С.52). Развивая мысль о самостоятельных политических организациях в древнемордовской среде, в «Хронографе» я указывал на неразвитость государственных начал, на то, что государственность у древней мордвы не окрепла, не успела полностью развернуть свою феодальную организацию и погибла, испытав на себе удары русских князей и

монгольских завоевателей (Юрченков В.А. Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории. Саранск, 1991. С.46-47,53). Логическим завершением размышлений о древнемордовской государственности явилось утверждение: «Древнемордовская государственность претерпела традиционную эволюцию. Первоначально, во второй половине I тысячелетия, у мордвы возникли **союзы племен**. В качестве характерной черты союзов племен выступает **вождизм**, связанный с возрастанием роли инязоров и их окружения. Развитие союзов племен привело к формированию условий для их перерастания в **суперсоюз** - непосредственную предтечу «варварского» государства. По всей видимости, именно этот этап и получил отражение в источниках под термином **«Пургасова волесть»** (Юрченков В.А. Мир истории. Саранск, 1997. С.42).

Таким образом, профессор К.Н.Сануков существенно упростил мою точку зрения, кстати говоря, ее вряд ли можно характеризовать как «любительские публикации».

На наш взгляд, некорректными являются утверждения профессора К.Н.Санукова о том, что в моих работах содержится оценка исследований западных ученых как клеветнических и фальсификаторских (Сануков К.Н. Указ. соч. С.39, 62-63). Монография, а не брошюра, «Мифы и реальность. Критика немарксистских концепций истории мордовского народа», на которую ссылается К.Н.Сануков и которая первоначально носила название «Немарксистские концепции истории мордовского народа», писалась мной в соавторстве с профессором Л.Г.Филатовым в середине 80-х гг., когда существовали определенные цензурные ограничения и все работы подобного типа подлежали «темному» рецензированию в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Не составила исключения и наша рукопись, попавшая на стол доктора философских наук, профессора А.И.Доронченкова, который написал разгромный отзыв. Им было предложено изменить название книги, дать критику работ западных авторов, а не изложение их взглядов, и лишь после проведенных изменений рукопись рекомендовалась в печать. Именно поэтому в книгу была введена традиционная для того времени терминология, появился «дежурный» набор цитат из классиков марксизма. Однако даже при этом нам удалось сохранить концепцию монографии. Мы одними из первых в тогдашнем СССР заявили о том, что «такое направление историографических исследований, как критика немарксистских концепций, должна выполнять не только идеологическую функцию, но и научно-познавательную» (Филатов Л.Г., Юрченков В.А. Мифы и реальность. Критика немарксистских концепций истории мордовского народа. Саранск, 1989. С.7). Я писал тогда: «Одной из задач работы нами выдвинуто ознакомление читателей с актуальными проблемами и реальными достижениями немарксистской исторической науки в области изучения истории мордовского народа» (Там же). В историографической ситуации 80-х гг. это было достаточно смелое заявление и за подобную позицию меня тогда «били», причем достаточно сильно. Пытается «бить» с позиций сегодняшнего дня и профессор К.Н.Сануков, по всей видимости, забывая о собственных рабо-

тах тех лет. Причем обнаруживает при этом незнание критикуемых им позиций и работ. По крайней мере, у меня создалось именно такое впечатление.

Уважаемые господин Р.Хакимов и господин Е.Казаков! Прошу Вас обсудить мое письмо на редколлегии журнала и известить, если сочтете нужным, о моей позиции читателей.

Хроника

Рафаэль Хакимов, Ильшат Гафуров **Научно–практический семинар «Древняя Алабуга: возникновение и развитие»**

В системе мусульманских цивилизаций эпохи средневековья заметное место по праву занимает Волжская Болгария. Удивление вызывало географическое положение ее далеко на севере, своеобразие формирования государственности, существование в течение столетий в качестве генерирующей культурно-экономической силы в мире языческих народов и многое другое.

История изучения древностей волжских болгар насчитывает более двух столетий. Первоначально оно базировалось на немногих письменных источниках, данных языка и выводы имели, во многом, гипотетический характер. Положение изменилось во второй половине XX в., когда стали использоваться данные широких археологических исследований.

Накопленные к настоящему времени материалы позволяют определить хронологические границы раннеболгарского, домонгольского и золотоордынского периодов истории волжских болгар и достаточно полно характеризовать их. Исследования последних лет позволяют на конкретном материале считать первую половину домонгольского периода как время расцвета Волжской Болгарии, ее наиболее сильного культурного, экономического и политического воздействия на население сопредельных территорий. В первую очередь это отражалось в Волго-Камском регионе, где проживали финно-угры. Здесь находился жизненно важный для болгар, наиболее близкий и объемный рынок, где производился обмен ремесленной продукции на меха и другие товары.

Поскольку основной товаропоток шел по рекам Волге, Каме, Вятке, то здесь стали возникать торжища, торговые фактории, опорные пункты. Как правило, располагались они в глубине террасы в стороне от беспокойной Большой Волги и Камы. Через бездорожье поймы к ним шли глубоководные и спокойные в любую погоду глубоководные протоки приустьевой части притоков этих рек. Так возникла Казань в низовьях р.Казанки, Елабуга в низовьях р.Тоймы. Активная деятельность археологов Института истории АН РТ позволила получить достаточный материал для обоснования 1000-летнего возраста Казани.

23-24 ноября 2000г. в г.Елабуге состоялся научно-практический семинар по проблеме определения времени возникновения этого города. В нем приняли участие Президент АН РТ М.Х.Хасанов, директор Института истории АН РТ Р.С.Хакимов, председатель исполкома Всемирного конгресса татар И.Р.Тагиров, а также ученые из Казани и Елабуги. Состоялась презентация книги «Древняя Алабуга» со вступительным словом главы администрации Елабужского района И.Р.Гафурова. В этом хорошо изданном труде опубликованы материалы «Круглого стола», проведенного в г.Елабуге в январе 2000 г. и также посвященного проблемам истории этого города.

В докладах, прозвучавших на семинаре, отмечалась важная роль, которую выполнял Елабужский край в системе охранных земель волжских болгар по Камскому торговому пути. Материалы полученные при раскопках Елабужского (Чертова) городища свидетельствуют, что оно в качестве болгарской крепости возникло еще в конце X - начале XI вв. Раскопки А.З.Нигамаева, проведенные в исторической части современного города позволили выделить и посад древнего города с вещевыми комплексами XI-XII вв. Исследования показали также, что поселение (или поселения) на территории города непрерывно существовали до возникновения здесь с.Трехсвятское, которое по указу 1780 г. было введено в статус уездного города Елабуга.

Таким образом, дату основания г.Елабуги можно полагать близкой ко времени основания г.Казани. Оба этих пункта возникли вследствие усиления экономической и политической мощи Волжской Болгарии и освоения ею новых территорий в Волго-Камском регионе.

Девятый международный конгресс финноугроведов (г.Тарту, Эстония)

7-13 августа 2000г. в г.Тарту (Эстония) состоялся очередной Международный конгресс финноугроведов. Такие форумы, посвященные обсуждению насущных проблем жизни 26-ти миллионной семьи финноугорских народов, проводятся через каждые пять лет. Они состоялись в Будапеште, Дебрецеке (Венгрия), Хельсинки (Финляндия) и других городах Европы. В 1985 г. шестой конгресс происходил в г.Сыктывкаре (Россия).

В г.Тарту съехались ученые из многих стран Старого и Нового света. Наиболее представительными были делегации из Финляндии, Венгрии и России. Из Татарстана в работе конгресса участвовали Е.П.Казаков (Институт истории АНТ), С.И.Валиулина (КГУ), Л.Ш.Арсланов (Елабужский пед.институт), К.И.Корепанов (Альметьевский муниципальный институт).

Вся работа форума организовывалась на базе колыбели эстонской культуры - Тартуского университета. В основном его сотрудниками подготовлены и изданы три тома, в которые вошли свыше 800 тезисов и докладов участников конгресса, который происходил под патронажем Президента Эстонской Республики Леннарта Мери. Кроме него с приветственным словом к ученым обратились ректор Тартуского университета Яак Аавиксо и председатель Эстонского комитета финноугроведов Тыну Сейленхтал.

В плодотворных дискуссиях, происходивших в аудиториях университета отмечались итоги и проблемы, встающие перед финноугроведением в новом тысячелетии. С большим интересом были выслушаны доклады ученых из Татарстана.

Следующий, десятый Международный конгресс финноугроведов было решено провести в 2005 г. в г.Йошкар-Оле.

Научные совещания и конференции 2000 года в Урало - Поволжье

1 февраля в КГУ состоялось научное совещание, посвященное памяти известного исследователя угорской проблематике в Татарстане - Е.А.Халиковой.

2-5 февраля в г.Саранске проведена II Всероссийская конференция финно-угроведов.

14-18 марта в г.Самаре происходила III Международная археологическая конференция «Культуры степей Евразии второй половины 1 тысячелетия н.э. (из истории костюма)». Ряд докладов посвящен анализу костюма поволжских финнов и кочевых угров эпохи средневековья. По материалам конференции опубликованы тезисы и подготовлен сборник статей.

28-30 марта в г.Ижевске проведена конференция «Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.», посвященная 75-летию со дня рождения В.Ф.Генинга. В обобщающих докладах археологов, преимущественно по финно-угроведческой тематике, представлены результаты многолетних исследований памятников разных эпох и перспективы дальнейших работ. Материалы конференции отражены в опубликованном сборнике, в который вошло свыше 130 статей.

17-19 мая в г.Сыктывкаре организована Международная научная конференция «Коренные этносы севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы». По материалам ее подготовлен сборник.

28-29 августа ИИ АНТ, КГУ при содействии мэрии г.Казани проведен Круглый стол «Великий Волжский путь». В докладах отмечалась и значение Волжского пути в развитии культуры и торговых связей финноугров эпохи средневековья.

25-28 сентября Министерство культуры, ГОМТР, ИИ АНТ, КГУ провели в г.Казани Всероссийскую научно-практическую конференцию «Музей в системе ценностей евразийской культуры». В докладах отмечены и достижения в музейном деле финноугорских народов (Т.И.Останина и др.). Проведению конференции предшествовал выпуск сборника тезисов.

Защита диссертаций по археологии

20 декабря 2000 г. в г. Ижевске состоялась защита двух диссертационных работ, выполненных в Национальном центре археологических исследований Института истории Академии наук Республики Татарстан.

В исследовании научного сотрудника НЦАИ ИИ АН РТ **Н.Г.Набиуллина** «*Город Джукетау X-XIV вв. по археологическим исследованиям*» рассмотрены этапы истории одного из основных болгаро-татарских средневековых городов Волжской Булгарии - Джукетау, динамика его территориального развития, топография, место отдельных частей комплекса в хронологической и территориальной связи, основные занятия, быт и культура населения, а также вопросы выделения округа города, локального варианта культуры волжских болгар.

В работе научного сотрудника Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль» **А.Г.Ситдикова** «*Стратиграфия, хронология и топография Казанского Кремля (XI-XVII вв.)*» решаются проблемы, связанные с определением времени возникновения средневековой Казани (рубеж X-XI вв.) и дальнейшего развития ее в пределах современного Кремля. В научный оборот введен новый фактический материал по болгаро-татарской фортификации, топографии города, материальной культуре.

Маргарита Иванова,
Надежда Шутова.
**Памяти Владимира
Алексеевича Семенова**

21 октября 2000 года В.А.Семенову, неутомимому исследователю древней истории финно-угорских народов, исполнилось бы 70 лет. В.А.-Семенова жизни не был обременен различными званиями, степенями и регалиями, тем не менее имя его известно всем исследователям средневековой истории, а также этнографам, искусствоведам, историкам, ибо круг его интересов был настолько широким, всеобъемлющим, что едва ли другой мог справиться с таким объемом работы.

В.А.Семенов родился 21 октября 1930 г. в г. Глазове в семье военнослужащего. Среднюю школу окончил в Малой Пурге. Трудовую деятельность начинал художественным руководителем в районном Доме культуры с. Бемьж, через год был переведен на должность заведующего организационным отделом в Бемьжский РК ВЛКСМ. В 1951 - 1955 гг. учился в Удмуртском педагогическом институте. Будучи студентом третьего курса, начал работать в составе археологической экспедиции, организованной В.Ф.Генингом в 1954 г., принимал участие в раскопках, проводимых на территории Удмуртии, Кировской и Пермской областей. После окончания института в течение года проработал преподавателем истории в Постольской средней школе бывшего Ижевского, ныне Завьяловского района.

В 1956 г. начинает работать в Удмуртском Республиканском краеведческом музее в должности заведующего отделом истории, с 1959 г. становится заместителем директора по научной работе. В течение десяти лет его стараниями музейные фонды были пополнены значительными археологическими коллекциями, богатъм этнографическим материалом, большое внимание он уделял взаимосвязи этих источников. Его знания удмуртского быта, культуры были настолько обширны, что этнографы, фольклористы, лингвисты, историки постоянно обращались к нему за консультациями. Не случайно в 1969 году он был приглашен в Удмуртский институт истории, языка и литературы заведующим вновь созданного сектора археологии и этнографии. С 1978 г. до 1990 г. Владимир Алексеевич работал старшим научным сотрудником сектора археологии, с 1991 г., отойдя от научной работы, занимал должность заместителя директора по общим вопро-

сам. Он был первым археологом в институте, создавал материальную базу экспедиции, решал финансовые вопросы, набирал сотрудников, выявлял перспективные направления, занимался организацией издательского дела, помогал молодым сотрудникам решать не только научные, но и чисто бытовые проблемы.

Археологом В.А.Семеновым пройдены сотни километров разведывательных маршрутов по Каме, Чепце и их притокам, найдены десятки новых, совершенно уникальных поселений и могильников, многие из которых стали эталонными памятниками по средневековой археологии Прикамья: Петропавловский и Ореховский могильники южной Удмуртии; Мыдланьлай, Вельякарский, Варнинский и др. на Чепце; Цыпьянский могильник в Татарстане и т. д.

Многие коллеги считают В.А.Семенова великолепным полевиком-разведчиком. Ему приходилось выявлять и проводить раскопки археологических памятников разных эпох, начиная от раннего железного века до удмуртских могильников XVIII - XIX вв. Однако в большей степени его научные интересы были сосредоточены на проблемах истории и культуры средневековых удмуртов конца I - начала II тысячелетия н. э. Им подготовлены статьи, посвященные публикации материалов по карте памятников бассейна Чепцы, исследованию материальной и духовной культуры, погребального обряда древнеудмуртских племен, вопросам хронологии и периодизации вещей и памятников, истории археологических исследований в Удмуртии, проблемам этногенеза, характеристике украшений и удмуртского народного орнамента и т. д. В.А.Семеновым была предпринята попытка издания памятников удмуртского народного искусства, в котором представлены вещи разные по назначению и технике: образцы вышивки, узорного ткачества, ковры, пояса, нагрудники. Работа сыграла большую популяризаторскую роль и имела прикладное значение для художников. Всего им исследовано более 100 археологических памятников, опубликовано свыше 30 работ. Владимир Алексеевич участвовал в различных конференциях, международных конгрессах финно-угроведов в Таллинне и Будапеште.

Чтобы восполнить отдельные моменты биографии, выявить некоторые личностные качества ученого, мы воспользовались воспоминаниями коллег и учеников исследователя*. Многие из них выделяют такие качества Владимира Алексеевича, как простота, общительность, доступность, великолепное чувство юмора. С постоянной улыбкой, обаятельный, компанейский, всегда готовый отпустить какую-нибудь остроту, иногда даже на грани дозволенного, его остроумие могло переходить в язвительность. Как бы ни было трудно, он всегда старался выглядеть бодро, весело, оптимистично. Владимир Алексеевич был мастером на все руки - мог отремонтировать любую бытовую технику, часы, устанавливал дверные замки. Любимым его занятием была рыбалка, он прекрасно знал где, как и когда ловить рыбу, что из нее приготовить. Любил собирать грибы, особенно рыжики.

Ежедневное «сидение за столом» не совмещалось с его темпераментом непоседы. Основная черта в его научной деятельности - работа временными импульсами: «загорался» - писал, обсуждал, затем «остывал», наступала пауза, че-

рез некоторое время - новый подъем. Много продумывал, осмысливал, обобщал в голове, но изложить все это на бумаге у него не хватало терпения. Во многом это помешало ему завершить работу над диссертацией и монографией, посвященной систематизации археологических памятников бассейна Чепцы второй половины I тысячелетия.

Владимир Алексеевич был одаренным, разносторонним человеком, обладал мгновенной реакцией на события. Быстро оценивал ситуацию - новизну материала, слабые и сильные стороны новых гипотез, предложений, имел способности аналитического характера. У него была колоссальная память на события, лица, историю из жизни многих людей. Никто лучше не мог определить месторасположение стоянки, селища, городища, могильника, определить функциональное назначение того или иного предмета. Его неосуществленной мечтой осталось написание книги о жизни средневекового мальчика. Владимир Алексеевич был великолепным фантазером, с особым изяществом рассказывал анекдоты и различные случаи из своей и чужой жизни.

Как ученый, придерживался традиционных разработок относительно тех или иных категорий археологического материала, но в то же время мог генерировать оригинальные идеи, часть которых не была в дальнейшем подтверждена коллегами, а другая часть успешно применяется в современной науке. Одной из главных проблем, которые успешно разрабатывал Владимир Алексеевич, является периодизация и хронология чепецких древностей второй половины I тысячелетия. Также важны его работы по вопросам этнической истории Прикамья, в особенности его гипотеза относительно двухкомпонентности полоумского населения. Многие исследования В.А.Семенова не только выдержали испытание временем, но и получили дальнейшее развитие в трудах его коллег - современных археологов.

В.А.Семенов являлся одним из наиболее ярких и талантливых учеников и последователей крупнейших археологов А.П.Смирнова и В.Ф.Генинга. В.Е.Владыкин считает, что можно говорить даже о «семеновском этапе» в удмуртской археологии, который является своеобразным «мостиком» от А.П.Смирнова, В.Ф.Генинга - к современным исследователям: М.Г.Ивановой, Р.Д.Голдиной и др. Владимир Алексеевич оставил после себя весьма осязаемое научное наследие, позволяющее видеть в нем одного из крупных исследователей удмуртских древностей, имеющих не только частное локальное, но и более широкое значение в рамках археологии Приуралья и лесной зоны Восточной Европы.

9 июля 1999 года после тяжелой болезни Владимир Алексеевич ушел из жизни. Память о нем сохранится в сердцах знавших его людей, полученные им материалы и научные публикации по древней истории и культуре удмуртов будут долго служить отправной точкой исследований многих поколений ученых.

Список опубликованных работ В.А.Семенова:

1. Удмуртский орнамент. Ижевск, 1964. 56 с.

2. Из истории удмуртского орнамента // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 287 - 293.
3. Петропавловский могильник VI - VII веков в южной Удмуртии // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 3 - 51.
4. Новые памятники VI - XIII веков в среднем течении р. Чепцы // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 113 — 140.
5. Южные удмурты в XVI веке (По материалам Ореховского могильника) // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 69 - 94.
6. Большесазановский могильник // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск, 1979. С. 107-115.
7. К истории археологических исследований на территории Удмуртии // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 3 - 49.
8. Материалы к истории жилища и хозяйственных сооружений в VI - первой половине XI вв. // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979. С. 119-157.
9. Варнинский могильник // Новый памятник Поломской культуры. Ижевск, 1980. С. 5-135.
10. Городище Весьякар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск, 1985. С. 92-118.
11. Кыпкинский могильник X - XII вв // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск, 1979. С. 69 - 86.
12. Тольёнский могильник IX - начала X в. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 25 - 58.
13. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1988. С. 20 - 33.
14. Цыпшинский могильник XVII - XIX вв. // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987. С. 89-112.
15. Погребальный обряд населения бассейна р. Чепцы V - IX вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1990. С. 56 - 75.

* Авторы благодарят всех коллег и учеников В.А.Семенова, заполнивших анкету: Ванюшева Василия Михайловича, заместителя директора по научной работе УИИЯЛ УрО РАН; Владыкина Владимира Емельяновича, профессора кафедры этнологии УдГУ; Гришкину Маргариту Владимировну, ведущего научного сотрудника отдела истории УИИЯЛ УрО РАН; Долганову Лидию Николаевну, старшего научного сотрудника отдела языкознания УИИЯЛ УрО РАН; Иванова Александра Геннадьевича, старшего научного сотрудника отдела археологии УИИЯЛ УрО РАН; Кириллову Людмилу Евгеньевну, заведующего отделом языкознания УИИЯЛ УрО РАН; Куликова Кузьму Ивановича, директора УИИЯЛ УрО РАН; Макарова Леонида Дмитриевича, старшего научного сотрудника Института истории и культуры народов Приуралья УдГУ; Наговицына Леонида Анатольевича, научного сотрудника отдела археологии УИИЯЛ УрО РАН; Останину Таисию

Ивановну, старшего научного сотрудника Национального музея УР; Уракову Татьяну Николаевну, старшего научного сотрудника Национального музея УР; Христолюбову Людмилу Степановну, старшего научного сотрудника УИИЯЛ УрО РАН.

Список сокращений, используемых в журнале

ИАК — Известия археологической комиссии.

ИО АИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

КСИМК — краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.

МИА — Материалы исследования по археологии СССР.

ОАК — Отчет археологической комиссии.

РГО — Русское географическое общество.

СА — Советская археология.

УИИЯЛ УрО РАН — Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

Сведения об авторах

Зимони Иштван – профессор университета Иозефа Атилы в г.Сегеде (Венгрия).

Комар Алексей Викторович – аспирант Института археологии НАН Украины.

Шенников Александр Александрович – кандидат искусствоведения, доцент Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской консерватории.

Нунен Томас – профессор Миннесотского университета, США.

Ковалев Роман Константинович – аспирант Миннесотского университета, США.

Юрченков Валерий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор Мордовского Государственного университета им.Н.П.Огарева.

Хакимов Рафаэль Сибгатович – кандидат философских наук, директор Института истории АН РТ.

Гафуров Ильшат Рифкатович – кандидат физико-математических наук, глава Администрации г.Елабуги и Елабужского района.

Иванова Маргарита Григорьевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник УИИЯЛ УрО РАН.

Шутова Надежда Ивановна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, УИИЯЛ УрО РАН.

К сведению авторов

Журнал «Finno-Ugrica» издается Институтом истории Академии наук Республики Татарстан с 1997 г. В нем публикуются материалы по проблемам истории, археологии, этнографии, искусства финно-угорских народов, а также связей последних с народами других языковых семей (тюркской, славянской и пр.). Предпочтение предоставляется работам обобщающего характера и трудам, посвященным слабо изученным и перспективным направлениям древней истории и современности.

В журнал принимаются статьи объемом до одного печатного листа. Текст статьи следует присылать в распечатанном виде. Текст должен быть тщательно отредактирован автором. Кроме того, необходимо предоставить электронную версию текста в виде файла формата MS Word 97 на дискете 3.5", либо прислать материал по электронной почте в виде attachment по адресу history@ih.kazan.ru с пометкой для журнала «Finno-Ugrica». При использовании в тексте специализированных шрифтов их также необходимо предоставить в электронном виде. Ссылки на источники и список литературы желательно оформлять в соответствии с правилами, установленными для первого номера журнала «Finno-Ugrica», то есть, ссылки на авторов в тексте даются в цифровой последовательности.